

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО**

**ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

**Научный журнал
Том 3 (69). № 3**

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского»
является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического национального университета имени В. И. Вернадского»,
который издается с 1918 г.

**Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2017**

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

**Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального
 университета имени В. И. Вернадского, протокол № 1 от 30 августа 2017 г.**

Главный редактор – Шоркин Алексей Давыдович, д-р филос. н., проф.,
 КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Редколлегия:

Берестовская Д. С.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Вигель Н. Л.	д-р филос. н., проф., РГМУ (Ростов-на-Дону)
Габриелян О. А.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Грива О. А.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Кузьмин П. В.	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Лазарев Ф. В.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Морозова Е. В.	д-р филос. н., проф., ГПГУ (Краснодар)
Николко В. Н.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Романова А. П.	д-р филос. н., проф., Гуманитарный институт, АГУ (Астрахань)
Рыскельдиева Л. Т.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Сенюшкина Т. А.	д-р гос. упр., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Темненко Г. М.	д-р филол. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Фёдорова М. М.	д-р полит. н., Институт философии РАН (Москва)
Юрченко С. В.	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный секретарь: Иванова Р. А.

Редактор электронной версии: Гаспарян М. В.

Техническая корректура: Кузьменко Н. С.

Ответственные за выпуск:

Гросфельд Е. В.	канд. полит. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Зарапин О. В.	канд. филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Темненко Г. М.	д-р филол. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Цветков А. П.	канд. филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Контакты редколлегии серии:

Тел.: +7-978-736-7713 Факс: +7 (3652) 54-52-46
 E-mail: raisaivanova2013@yandex.ru Сайт: <http://sn-philcultpol.cfuv.ru/>

Журнал включен в перечень ВАК РФ под № 2169 от 20.07.17 по группам специальностей:
 09.00.00 Философские науки, 23.00.00 Политология, 24.00.00 Культурология

Подписано в печать 22.09.17. Формат 70x100 1/16. 13 усл. п. л.

Заказ № НП/130. Тираж 50 экз. Бесплатно.

Дата выхода в свет 21.02.2018.

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Адрес: 295051, г. Симферополь, бульвар Ленина, 5/7

ФИЛОСОФИЯ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 3 (69). 2017. № 3. С. 3–17.

УДК 316

СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКОН

Воеводин А. П.

Доктор философских наук, профессор, г. Луганск.

E-mail: voevodin.47@mail.ru

Социальный закон рассматривается в статье как устойчивая форма социального движения или, иными словами, как способ социального бытия. Теоретическое изучение социального закона чрезвычайно затруднено психологическими особенностями его индивидуальной рефлексии и наличными формами самосознания. В этой связи в статье рассматриваются главная загадка и сущностные способы бытия социального закона, решающим из которых является целенаправленность человеческой деятельности, которая составляет фундаментально неустранимую основу социального закона. А это означает, что социальный закон, в отличие от естественного, невозможен вне индивидуального целеполагания, психологического переживания и рефлексии цели в специфической знаково-символической форме. Форма социального движения виртуально осознается людьми как целесообразный способ реализации конкретного интереса и достижения желаемой цели. Тем самым социальный закон принципиально отличается от естественного закона своей искусственно создаваемой целесообразной формой человеческой деятельности. Последующее сравнение социального и природного законов обнаруживает их парадоксальные отличия, которые анализируются в настоящей публикации. Изучение социального закона сталкивается с парадоксами всеобщности, объективности, целесообразности, индетерминизма.

Ключевые слова: индетерминизм, смысловое поле, социальный закон, социальная эмоция, социоперформации, целесообразная деятельность.

Бытие человека – это социальное бытие, его жизнь – это всегда жизнь в обществе, среди людей: «Мы обнаруживаем человека – самих себя или других людей – всегда внутри конкретного контекста, внутри создаваемой другими людьми среды» [1, с. 84]. Вместе с тем это индивидуальное и неустранимо личное бытие, которое каждым конкретным индивидом персонально переживается как уникальный экзистенциальный проект в бесконечно разнообразном социокультурном универсуме. Причем этот универсум (духовный и вещный) изначально ощущается каждым как естественное условие, неотъемлемый ресурс, привычная, вплоть до незаметности, среда индивидуального существования, в которой люди узнают самих себя и вне которой личная жизнь становится бесцельной и бессмысленной. И как бы болезненно остро индивид не переживал свою собственную исключительность, единственную достоверность ощущений собственного «Я», он делает это только в сравнении с другими индивидами, посредством уподобления (психологического отождествления) себя другим людям. В этом пугающе бездонном, бесконечно возобновляющемся объективном

противоречии субъективно-индивидуального и объективно-всеобщего кроется фундаментальная загадка социального закона, загадка установления источника и вектора движения индивида и общества – социальный закон осуществляется в уникальном движении отдельных индивидов, но вместе с тем является настолько всеобщим, что его сущность не зависит от своеобразия индивидуальных интенций творящих этот закон людей.

Является ли он исключительным продуктом сознательно продуманных действий одиночки, складывается ли он в результате случайного столкновения движений отдельных индивидов или каким-то чудесным образом обнаруживает себя, как в случае божественного промысла, в иррациональных устремлениях озабоченных личными страстями людей – решающим критерием его характеристики именно как закона является объективность, то есть независимость от сознания и воли каждого отдельного индивида. И здесь озадачивает когнитивная антиномичность в понимании онтологии социального закона – как же так, социальный закон есть результат деятельности людей, но в то же время, в силу своей объективности, социальный закон не зависит от уникальных субъективных желаний творящих и выполняющих этот закон индивидов. Так зависит или не зависит социальный закон от сознания индивидов: если зависит, то каким образом он обретает свою объективность, а если не зависит, то от чего он тогда зависит, когда не зависит от сознания и воли создающих его людей?

Поиск ответа на эти и связанные с ними теоретические проблемы выявления специфики социального закона являются основной целью публикации. Научно-теоретическая основа для подобного рода исследований во многом была подготовлена усилиями Маркса в его материалистических представлениях о закономерностях развития общества как «естественно-историческом процессе». Предшествующая ему философская мысль исходила из аристотелевского деления наук на логику, физику и этику, ареной которой «считалось общество и общественная (культурная) жизнь во всем богатстве ее проявлений; предполагалось, что в отличие от природы и в противовес ей вся опосредованная сознанием (знанием, разумом) область совместной жизни, включая политику, экономику, решающим образом зависит от решения, выбора людей, меры их добродетельности. Поэтому неудивительно, что этика понималась широко и включала в себя все, что относилось ко второй, самосоздаваемой человеком природе, а социальная философия именовалась моральной философией, по традиции она еще иногда до настоящего времени сохраняет это название» [14, с. 10]. Репрезентируемый такого рода философией идеалистический подход, а по сути – волюнтаристский, в интерпретации социальных явлений не мог служить надежным теоретическим основанием научного изучения общества. Для его преодоления потребовалось ввести в научный оборот представление о материально-предметной человеческой деятельности как фундаментальной основе материалистического понимания истории и общественной жизни. Вдобавок ко всему понимание специфики проявления и своеобразия действия социальных законов во многом все еще остается в русле естественно-научной интерпретации закона, что также является сдерживающим фактором в изучении законов общества.

Начнем еще раз с начала в попытках «нащупать» путь к решению загадки парадоксальной онтологии социального закона. Действительно, индивидуальный человек живет и действует в сложном мире социальных отношений, в том числе и персонально им создаваемых. Но его самостоятельное движение вовсе не спонтанно и не произвольно, как это может казаться с точки зрения обыденного сознания. Элементарные эмпирические наблюдения показывают, что автономное социальное действие взрослого индивида всегда происходит в соответствии с невидимыми «виртуальными рельсами» – существующими культурными нормами и правилами, эмоционально и коллективно одобряемыми стандартами повседневного человеческого поведения и профессиональной деятельности. Последние, «существуя в уме», обеспечивают устойчивость культурного воспроизводства регламентируемых обществом целесообразных форм социальных действий. Отклонения от правил социального движения обычно интерпретируются как невежество или некультурность, а их сознательное попрание – как варварство или дикость.

И это удивительно, ибо правила социальной жизни имеют не вещественно-материальную, а знаково-семантическую атрибутивную форму, то есть не обладают самостоятельной физической предметностью и не редуцируются к отдельно и самостоятельно существующим физическим или биологическим субстратам. Этому феномену удивлялся еще Маркс, когда тщетно пытался найти предметное основание бытия стоимости и, отчаявшись, однажды саркастически высказался в том духе, что «стоимость тем и отличается от вдовицы Квикли, что не знаешь, как за нее взяться». Поэтому движение общества невозможно регулировать простым физическим воздействием подобно тому, как мы регулируем, например, подачу и направление движения воды. Слепое физическое воздействие способно разрушить или уничтожить общество, как это происходит в случае эпидемий или природных катаклизмов, но оно не в состоянии отменить или просто изменить культурные правила его самостоятельного движения. Иначе говоря, движение индивидов в обществе стимулируется и регулируется символическими (знаковыми) средствами. Как резонно замечает Дарио Салас Соммэр, «обычный человек всего лишь слуга, послушный инструмент, подчиняющийся приказам информации, находящейся в его мозгу» [2, с. 20].

По этой же причине сущностные закономерности движения общества недоступны естественно-научным, вещественно-экспериментальным исследованиям, поскольку социальное действие культурно и психологически обусловлено, то есть имеет нередуцируемую к материально-предметному плану *целесообразную* ценностную направленность и соответствующую виртуально-знаковую, целесообразно-смысловую, а значит, и несводимую к самому материальному действию эмоционально выстроенную атрибутивную форму. Уточним, что любой закон, как мы его понимаем, – это устойчивая форма (в обществе – способ) движения вещи. А так как со времен Гегеля в методологии науки принято полагать, что метод должен быть сообразным предмету исследования – в его определении «метод – это душа содержания», – то в отличие от естественно-научного знания теоретическая рефлексия закономерных способов

социальной регуляции обязана не просто учитывать эмоционально-целенаправленный и виртуально-нормативный компонент социальной формы движения, но также должна быть способной к его адекватному воспроизведению и семантической интерпретации. Указанное обстоятельство побудило исследователей к поиску адекватных методологических оснований гуманитарного знания и способствовало утверждению герменевтики, аксиологии и праксеологии в социальных исследованиях. Аксиогерменевтика социального закона становится возможной благодаря тому, что, во-первых, социальные эмоции и репрезентируемые ими ценности не являются спонтанными и произвольными, но соответствуют установленным обществом целям социальной деятельности и потому носят *над*индивидуальный, социально значимый и обобщенно типизированный, стандартный характер, во-вторых, их теоретическая рефлексия (или голос общества в человеке) позволяет наблюдать чувственные состояния социального субъекта (общества) по поводу целей деятельности, устанавливать соответствие сформулированным целям, совершаемые и переживаемые индивидами социоперформации (социальные действия), на этом основании оценивать и корректировать социальное движение.

Итак, эмпирически наблюдаемое отличие социального закона от физического кроется в его психологической (виртуально-семантической) обусловленности и целесообразном характере. Всякое сознательное действие, говорится в начале «Никомаховой этики», некоторым образом целенаправленно [3, с. 54]. А это значит, что всякое социальное правило, всякий социальный закон принципиально отличается от естественного автоматизма и объективной принудительности природного закона своей *искусственно создаваемой целесообразной формой*. Причем независимо от направленности индивида то ли на реализацию отдельных целей во внешнем мире, то ли к собственному бытию, которое в таком случае становится автономной целью человеческого внимания. Такая автотелеологическая, то есть имеющая цель в самой себе, самообусловленность человеческого действия, есть важнейшая предпосылка социального самоопределения индивида в его выборе целенаправленной формы (закона, способа) своего социального движения.

Социальную целенаправленность человеческой деятельности следует отличать от природной целесообразности. Решающее отличие здесь, как уже было отмечено, состоит в знаково-символическом проектировании социального действия (закона). Структура целенаправленной человеческой деятельности включает в себя:

- 1) интерес или цель – гносеологический образ *желаемой* вещи или процесса;
- 2) предмет преобразования;
- 3) необходимые материальные ресурсы – вещество, энергия, время, пространство;
- 4) необходимые интеллектуальные ресурсы – понимание (или знание) устройства изменяемой части мира (объекта деятельности);
- 5) необходимые аксиологические ресурсы – идеологические представления о социальных ценностях, обширная сфера социальных чувств;

6) социальный (культурный) опыт – образцы, нормы и правила человеческого мышления, чувствования и человеческой деятельности;

7) имеющиеся артефакты – средства и технологии, орудия мышления и практической деятельности;

8) виртуальное (знаково-символическое) представление о непосредственной технологии (сценарии, способе) реализации интереса и достижения цели (успешность деятельности зависит от знания законов и, соответственно, технологически рационального сочетания предмета преобразования и средств ради достижения цели. Знание технологии создает протенциальное ощущение предвкушения успеха и уверенности в достижении цели);

9) способность контролировать (оценивать) сообразность совершаемых действий реализации намеченной цели;

10) движущее человеческую активность желание (*аскиологический образ цели*, социально выращенную эмоцию).

Таким образом, целенаправленность человеческой деятельности составляет сущностный способ бытия, фундаментально неустранимую основу социального закона. Категория цели занимает центральное место в характеристике акта любой, в том числе и познавательной, человеческой деятельности, поскольку именно сообразно цели сфокусированы и (техно)логически согласованы все прочие компоненты структуры деятельности. Эта мысль наблюдательно сформулирована А. Огурцовым: «Деятельность предполагает рационально формулируемые цели, рациональный выбор средств, сравнение целей и выбранных средств, рационально обоснованное принятие решения, целенаправленные акты деятельности и, наконец, объективные результаты, далеко не всегда совпадающие, а некоторые часто даже противоречащие поставленным целям» [4, с. 193]. Заметим, что выражения «сравнение целей», «выбранных средств», «обоснование принятия решения» в сущности своей представляют *оценочные акты*, которые помимо прочего предполагают наличие критериев оценки или уже установленных ценностей, как точки отсчета успешности или эффективности совершаемой деятельности. Иначе говоря, *ценностно-оценочный момент неустраним из целесообразной структуры человеческой деятельности*, является ее неотъемлемой, экзистенциально-определяющей частью и представляет собой психологический механизм сознательного (или культурного) контроля взаимодействия средств и профессиональных технологий субъекта деятельности с точки зрения мыслимой и эмоционально переживаемой цели. А поскольку соотношение цели, предмета преобразования, средств и самой деятельности происходит в материальном предметном мире и в своей основе опирается на физические процессы, то оценка, хотя зачастую и осуществляется эмоционально, по своей сути не может быть исключительно личностно-субъективной, так как призвана учитывать объективные причинно-следственные взаимозависимости и конструктивно-технологические законы связи средств, предмета труда и искомого результата деятельности.

Кроме того, использование категории цели в нашем контексте необходимо для обоснования ценностной мотивации и аксиологического сопровождения социокультурной деятельности людей. Цели как психологические образы

деятельного социального индивида не появляются «внезапно вдруг», не рождаются спонтанно из иррационального небытия, но вполне объяснимо по своему происхождению и структуре являются психологическим способом осознания и фиксации устойчивых социальных интересов. Образ цели представляет собой психологический способ осознания побуждений конкретного человека, внутреннего ощущения его желаний и поэтому неразрывно связан с эмоциональными интенциями индивида [5, с. 35–37]. А поскольку эмоции, как полагает П. В. Симонов, являются психологическим способом представления потребностей в коре головного мозга [6, с. 26], то образ социального интереса как аксиологический образ цели деятельности всегда эмоционально окрашен, то есть содержит в себе определенную ценностную значимость для субъекта деятельности. Тем самым программный образ цели деятельности (а с ним и виртуальный проект социального закона) формируется в результате ценностной обусловленности мотива деятельности и представляет собой культурный способ психологической репрезентации ценности в сознании субъекта деятельности, которая принудительно для последнего предопределяет вектор и выбор наличного технологического способа культурной деятельности, в том числе и культуротворческой.

Социальное движение первоначально зарождается в эмоционально окрашенных желаниях-представлениях индивидов, затем семантически (знаково-виртуально) моделируется в образе целерациональных планов (виртуальных культурных проектов-представлений о технологических сценариях и правилах) достижения желаемых целей и лишь после волевого принятия решения о действии результативно «опредмечивается», то есть объективируется, становится внешне материальным, предметно реализуется в совместной согласованной деятельности множества людей. При этом следует постоянно помнить, что *социальная эмоция* как неотъемлемый элемент мотивационно-волевой сферы *является источником, движущей силой, корректирующим механизмом и конечной целью* социального действия. Ни одно социальное действие как собственно человеческое действие не совершается без участия социальных эмоций. С известной долей правоты можно утверждать, что для социального действия *эмоции значат больше, чем мышление*, о чем свидетельствуют многочисленные примеры социальных манипуляций, («цветных» революций) в которых социальная эмоция рассматривается в качестве главного неотъемлемого элемента социального действия и его закона.

Именно поэтому «человеческая эмоция» вовсе не является эпифеноменом – случайным психофизиологическим фактором, но напротив – социально формируемым и *культурно регламентируемым типическим переживанием* (чувством), необходимый типологический стандарт которого задается объективной структурой типовой практической ситуации и задачами конкретного целесообразного акта [5, с. 134]. Культурно сформированные, на основе биологически врожденных (базовых, ключевых) эмоций, социальные чувства представляют собой эмоциональные обобщения повторяющихся практических ситуаций, а поэтому они суть важнейший и неустранимый элемент практического разума. Если порядок действий в целесообразном акте структурно определяется через цель, то, во-первых, побуждение к действию всегда включает в себя

адекватную цели эмоцию, а во-вторых, сами действия структурно связываются в целостный технологический сценарий на фоне стандартных (культурно сформированных) эмоций. Неоправданное игнорирование эмоциональной обусловленности социального действия – *безусловного сквозного присутствия социальной эмоции* во всех его элементах и *объединяющей отдельные, причинно не связанные движения и предметы в цельную целесообразную структуру* – является принципиальным теоретическим недостатком большинства антропологических, социально-политических, этических и культурологических исследований. В конечном итоге это сущностные издержки панрационализма в социальных исследованиях.

Итак, в отличие от природно-фаталистической неотвратимости естественно-научного закона модально-вероятностная специфика социального закона выражается в следующем: для того чтобы предметно осуществиться, *социальный закон предварительно должен быть осознан*, то есть виртуально, в той или иной знаково-теоретической или чувственно-ментальной форме «пройти сквозь желание и волю» людей, и, более того, должен иметь возможность быть *индетерминистски свободно выбранным* из ряда возможных вариантов социокультурного действия. Другими словами, социальный закон должен предварительно культурно и психологически обрести *необходимую и объективно адекватную эмоционально окрашенную идеально-целесообразную форму*, желаемый результат своего опредмечивания в «вещном» горизонте человеческой жизнедеятельности. И в этом кроется его главная интригующая особенность – парадокс заключается в том, что, несмотря на то, что социальный закон зарождается в субъективных психологических представлениях, он тем не менее не перестает быть объективным, т. е. независимым от сознания и воли выполняющих его людей. Социальный закон объективен в такой же мере, в какой объективно общественное сознание.

Напомним, что главное требование к открываемому наукой закону – быть объективным, не зависеть от произвола субъективных предпочтений и фантазий отдельных личностей. Иначе он не будет законом. Но в то же время ни одно социальное изменение не совершается без субъективного желания людей. Тот же закон стоимости, например, не реализуется, если у человека не появится желание купить или продать что-либо. И это поразительно – социальный закон зарождается в сознании людей, семантически оформляется в виде программного сценария достижения цели, реализуется в человеческих действиях под руководством сознания, то есть *зависит* от сознания, *но не определяется* сознанием и волей людей!

В свете объяснения целесообразной обусловленностью всякой человеческой деятельности этот парадокс выглядит еще более остро на фоне естественного детерминизма природного закона. В научной среде принято считать, что физический закон представляет собой объективную последовательность причинно следственных зависимостей, знание о которых позволяет объяснить и предвидеть характер движения вещей в предметном мире. Но когда дело касается закономерностей движения общества, то естественно-научный способ объяснения, а тем более естественно-научное предвидение грядущих социальных изменений

становится катастрофически беспомощным и годится в лучшем случае лишь для феноменологического описания характера движения внешней предметной формы социума. Например, законы акустики или оптики не могут раскрыть социальный смысл произведений искусства, равно как и законы генетики, на которые так часто любят ссылаться в объяснении человеческих поступков, бесполезны в объяснении этнических (религиозных, нравственных, политических, эстетических и пр.) смыслов и особенностей поведения людей, поскольку *гены отвечают лишь за синтез белка и ничего собственно человеческого в себе не содержат*. Не случайно биологический редукционизм служит оправданием самых невежественных и бесчеловечных политических программ, социальных теорий.

Парадокс здесь в том, что предписываемые обществом нормы и правила целесообразных человеческих движений *не подчиняются каузальной связи* – они могут следовать во времени одно за другим, но при этом из одного правила другое причинно не вытекает – «*post hoc non est propter hoc*». Соответственно, из одного человеческого действия другое не следует в силу природной причинной неотвратимости, подобно тому как порядок складывания букв в слова, цифр в числа, звуков в мелодию, красок в образы или стилистический порядок следования слов в человеческой речи обуславливаются целесообразно-смысловыми или эмоционально-стилистическими, а не причинными механизмами. По справедливому наблюдению Декарта, в движении мысли нет никакой гарантии, что из одной мысли может возникнуть другая. Чтобы мыслить закон, необходимо мочь собрать несвязанные для большинства людей вещи и держать их целесообразно собранными, что равносильно установлению (открытию? изобретению?) нового правила, нового закона движения не только мысли, но и физической деятельности людей.

Тем самым по своему происхождению общество и культура оказываются изначально креативными, появляются в результате отрицания (преодоления естественно-фаталистической предопределенности) биологической, в том числе и психологической, формы движения. Как надприродное социальное существо человек обречен на виртуальную свободу в изобретении способов реализации заветных желаний. Искусственный порядок (технологический сценарий) последовательной цепочки человеческих движений также диктуется избираемым волевым способом конструктивно-технологическим решением о способе использования средств в процессе достижения цели в целесообразной структуре практического действия. «Хитрость разума», по меткому замечанию Гегеля, позволяет произвольно создавать небывалые сочетания уже известных законов ради достижения желаемого результата. И в этом смысле свободно выстраиваемая телеологическая структура человеческой деятельности внешне также выглядит субъективно определяемой, что часто служит основанием для волюнтаристских и субъективно-иррационалистических тенденций в антропологии и социологии.

Но в то же время и это неоспоримый факт, такая последовательность не может быть сугубо произвольной, иначе человек не смог бы достигать намеченных целей. Свобода материального движения принципиально отличается от свободы желания и свободы мышления. Эффективный и результативный порядок

человеческих действий должен учитывать объективные физические, в том числе и причинные, отношения вещей в структуре целесообразного акта. Физическая определенность структуры природного объекта оказывает конституирующее воздействие на структуру деятельности человеческого субъекта, обеспечивая тем самым возможность адекватного воспроизводства форм человеческих действий и практических ситуаций. Лишь строя свою деятельность в соответствии со структурой объекта, например при изготовлении каменных орудий труда, человек может добиться нужного результата. В противном случае игнорирование особенностей объекта может сделать не только бесполезными затраченные усилия, но и, как это не раз случалось, причинить вред и даже привести к гибели человека, государства, всего общества. И закон адекватности способа деятельности объекту деятельности является лишь одним из возможных проявлений этой фундаментальной особенности социума. Свобода творчества как раз и нужна для нахождения (угадывания, подбора, конструирования) такой адекватности.

Таким образом, одно из возможных объяснений парадокса заключается в том, что *объективная закономерность социального действия предопределяется физически объективным отношением средств и цели*, а точнее, материальным взаимодействием вещей в структуре целесообразного акта. А это значит, что объективным характером обладают не только непосредственные социальные акты – процессы материального опредмечивания (овеществления и отчуждения) субъективных целесообразных проектов, но и *само смысловое содержание и законы логической связи* предшествующих им субъективно-психологических представлений, если оно истинно («объективность» истины), в том числе и идеально воспроизводимые смысловые модели закономерностей физического взаимодействия вещей. Неистинные целесообразные проекты, которые игнорируют закономерные причинно-следственные связи вещей, неизбежно ведут человека к поражению, и тогда случается типичная ситуация неудачи, выраженная формулой – «хотели как лучше, а вышло как всегда».

Кроме того, *целесообразная принудительность социального закона* отличается от природной объективности причинно-следственной детерминации тем, что для своей инвариантной реализации *нуждается во всеобщем идеальном смысловом поле* субъективно-человеческого взаимопонимания, *общезначимая однозначность* которого подкрепляется санкционными механизмами социального признания-одобрения или осуждения-порицания. Совместное социальное действие невозможно вне всеобщего смыслового согласия, однозначного понимания смысла целесообразного сценария (технологии) действия, так как индивидуальные отклонения от него изменяют характер цели (эмоции в том числе) и угрожают единству общности людей, необходимому для совместной реализации общих интересов. Поэтому любое общество стремится к идеологическому (эмоциональному) и культурному единству, закрепляемой в традиции нормативной предсказуемости поведения индивидов.

Горизонт всеобщности смыслового поля, с одной стороны, определяется границами живой социальной системы (общности людей), а с другой – устанавливает пространственные параметры действия социального закона.

Отрицание общезначимых правил, в сущности, означает отрицание конкретной формы социального движения или конвенционально установленной социальной закономерности. Соответственно, уничтожение традиции как культурного способа воспроизводства социального закона разрушает социальное единство, угрожает существованию данной общности людей.

В этом также (в который уже раз) настойчиво проявляется парадоксальность социального закона – искусственная целесообразная форма социального действия или артефакта создается сознательно (виртуально), творческими усилиями субъектов социального процесса, но обретает, будучи однажды «опредмеченной», статус объективности и становится независимой от воли и желания отдельных людей. Именно смысловая однозначность целесообразного действия, закрепляемая в нормативно-идеологическом согласии индивидов в социальных сообществах, обеспечивает принудительную объективность и фатальную неотвратимость осуществления социального закона, его независимость от волюнтаризма желаний отдельных людей. Как тут не вспомнить известный идеологический постулат: «Идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами».

Но каким же образом достигается однозначность смыслового понимания социальных процессов у различных индивидов, а тем более – каким образом становится возможным согласование их совместных действий? Если отвлечься от факта существования специализированных культурных способов стандартизации мышления и эмоций отдельных индивидов, например: образование, воспитание, просвещение, пропаганда, мода, массовая культура, искусство и т. п., а также грубых внешних форм дисциплинарного или основанного на страхе наказания насильственного принуждения, то в качестве непосредственной материальной основы социального закона, безусловно, следует рассматривать коллективную деятельность людей.

В общей теории социальной деятельности здесь системно важным оказывается аспект отношения деятельности к человеку. Деятельность может рассматриваться либо как непрменный атрибут, способ движения отдельного человека (что и как им производится, создается и осуществляется), как исходный универсальный принцип целостной характеристики социальной формы движения. При втором подходе, отмечает Г. Щедровицкий, «универсум социальной деятельности не может уже рассматриваться как принадлежащий людям, как их атрибут или приобретения, даже если мы берем людей в больших массах и организациях. Наоборот, сами люди оказываются принадлежащими к деятельности, включенными в нее или как материал, или как элементы вместе с машинами, материалами, знаками, социальными организациями и т. д.» [7, с. 242]. Иначе говоря, «не отдельные индивиды создают и производят деятельность, а наоборот: она сама “захватывает” их и заставляет “вести” себя определенным образом» [7, с. 242]. Дело в том, что люди застают уже готовыми существующие формы социальной деятельности и посредством имитации и научения втягиваются в бесконечный водоворот социоперформаций, неустанно воспроизводя тем самым всеобщую смысловую логику действия социального закона. Исходные же формы социальной деятельности, как уже отмечалось, диктуются объективной

технологической зависимостью соотношения средств и цели, осознание которой делает любую человеческую деятельность информационной деятельностью.

Стараниями Маркса во многих современных теориях создателем очеловеченной действительности, всех предметных форм культуры, а также создателем самого человека посредством изменения вещей считается труд – высшая форма предметной деятельности [8, с. 188]. Понятие предметной деятельности – центральное понятие теории социальной деятельности. «Беспредметная» деятельность, то есть деятельность, которая не выполнялась бы ни в каком материальном субстрате и не воплощалась бы ни в каком объекте, принципиально невозможна: деятельность, не отнесенная к объекту, превратилась бы в неуловимый и мистический *actus purus* [9, с. 61].

Суть предметной деятельности, взятой в своем наиболее абстрактном виде как общий способ бытия человеческой культуры, раскрывается с помощью категорий *опредмечивания* и *распредмечивания*. Опредмечивание (*Vergegenständlichung*) трактуется как преобразование деятельной способности человека в информационно-смысловую форму предмета, то есть как «процесс превращения свойств субъекта деятельности, выступавших в виде характеристик его способа действия, его движения и жизни, в свойства объекта деятельности, в характеристики, которые передаются человеком предмету и получают новую форму существования, неотъемлемую от своего предмета-носителя» [10, с. 12]. Распредмечивание (*Entgegenständlichung*) является обратным процессом перехода из форм предметности в форму собственно человеческого осмысленного движения, обусловленного данной формой предмета, в форму живой человеческой активности, в действующую способность. Г. Батищев обращает внимание на то, что распредмечивание является не потерей предметности, а только «погружением» ее в информационно-деятельностный процесс [11, с. 90–109].

Таким образом, социальная деятельность в ее конкретном определении (собственно предметная деятельность) рассматривается как конкретное тождество взаимообусловленных, взаимопроникающих и противоположно направленных процессов опредмечивания и распредмечивания. Этот процесс не просто фундаментально закономерная черта социума и культуры, но представляет собой функциональное содержание культуротворческой деятельности, в процессе которого осуществляется непрерывное «оживление человека» – бесконечное воспроизводство и передача от поколения к поколению биологически ненаследуемой антропосоциальной информации. Неустанный функциональный процесс опредмечивания и распредмечивания ненаследуемой в генах социальной информации как раз и представляет собой основной закон культурного или собственно человеческого движения.

Результатом коллективной деятельности людей является искусственный мир артефактов – социальное пространство или «общественное тело» человека. Как известно, артефакты имеют две формы – предметную (телесную, природный материал) и человеческую (культурные смыслы). Являясь функциональными органами «человека как такового», артефакты имеют однозначные нормативные инструкции своего функционального употребления или правила индивидуального

человеческого движения. В процессе своего нормативного использования-потребления артефакты непрестанно воспроизводят в сознании людей однажды опредмеченные в них человеческие смыслы и тем самым *создают единое социальное информационное пространство, всеобщее-человеческое смысловое поле*, основу культурной самоидентификации и согласованных совместных движений отдельных индивидов. Благодаря существованию артефактов, социальное пространство становится насквозь информационным, а движение общества представляет собой безумно сложный информационно-нормативный процесс. В рамках исследуемой проблемы это значит, что социальные законы, по сути, – это законы принудительного влияния культурной информации на взаимодействие индивидов в обществе.

Информационное измерение социального закона требует дополнительных разъяснений. Дело в том, что информация не является какой-то особенной физической вещью или свойством вещей, информация функциональна, а не атрибутивна, потому ее объективность загадочна – «она принадлежит самим вещам и событиям, миру феноменов, но ее не существует, если никто или ничто не может ее воспринять» [12, с. 11]. В такой формулировке главная мысль заключается в том, что вопреки классической модели Шеннона информация не передается, не состоит из сигналов, не имеет отправителя или получателя, вообще не трактуется как коммуникативный процесс: мир не является корреспондирующим субъектом и не общается посредством информации с живущими в нем реципиентами. Атрибутивная интерпретация информации как подлежащего восприятию сигнала ведет к бессмыслице существования мировой души, которая жаждет общения с нами. Напротив, информация не извлекается в готовом виде из вещей и не предстает перед индивидом как законченное театральное представление для созерцающего его зрителя, восприятие информации зависит от нас самих. Но также верно и то, что индивид не извлекает информацию из самого себя. Восприятие не существует вне того, что воспринимается. Информация не передается и не воспринимается, а воссоздается (или «прочитывается», «реконструируется») субъектом всякий раз заново, в процессе воздействия сигналов-раздражителей на его рецепторы и психику. А это значит, что индивида нужно научить воспринимать мир (в том числе и мир артефактов), то есть видеть, слышать, осмысливать мир *«по-человечески»*. В известном смысле информация неисчерпаема, как и неисчерпаем социокультурный опыт человечества. Еще Платон, рассуждая о сущности эйдоса дома, пронизательно заметил, что есть у всех людей представление о доме. Однако домов много, они разные, они возводятся и разрушаются, люди также рождаются и умирают, но эйдос дома (в нашем смысле понятие или закон существования дома именно как дома) остается и обладает особым самостоятельным бытием, устанавливающим правила уникального телесного движения индивидов.

Здесь мы вновь сталкиваемся со сформулированными выше парадоксами социального закона – *парадоксами всеобщности, объективности, целесообразности и индетерминизма*. Если индивид не владеет «индетерминистским языком» культуры и в силу этого не способен адекватно распределить объективно существующую всеобщую социальную информацию, то

его уникальное субъективное восприятие артефактов препятствует реализации социального закона, что, в сущности, означает разрушение существующего нормативного способа воспроизводства целесообразного социокультурного движения, а в конечном итоге – уничтожение данного общества.

Напомним, что социальный закон действует в социальном пространстве. Социальное пространство информационно, это пространство символических артефактов и функциональных норм их культурного употребления. В известном смысле человек также является артефактом. Как свидетельствуют антропологические исследования, искусственность человека обнаруживается в процессе эволюционного подавления и отрицания биологических законов движения и формирования культурных навыков социальной деятельности [13, с. 23–25]. Сущностное содержание «человека как такового» как раз и составляют культурные, то есть одобряемые в данном обществе, нормы и правила совместного движения. Человек во всей всеобщности своего смысла как «виртуальные невидимые рельсы» «входит» в индивидуальное биологическое тело посредством имитации последним существующих форм человеческого движения и нормативного научения пользования артефактами, то есть распремечивания «окаменевшей» в них социальной информации. Таким образом, социальный закон реализуется в процессах индивидуального оживления-воспроизводства закодированной в артефактах информации и направляемой восприятием телесной индивидуальной предметной деятельности. Однако *в непосредственных актах индивидуальной деятельности социальный закон неизбежно искажается, «замутняется»* невежественными или ошибочными субъективными представлениями индивидов, нарочитым своеволием или вмешательством случайных внешних обстоятельств в процедуру материального действия. А это значит, что для обыденного восприятия он обретает внешние черты уникальности, субъективной обусловленности, природной детерминированности индивидуального телесного движения. Тем самым когнитивная рефлексия социальных закономерностей приобретает парадоксальный характер: глубинные сущностные черты социального закона – объективность, всеобщность, целесообразность, а с ней и осознанность, эмоциональность, неестественная искусственность, индетерминизм – скрыты для внешнего обыденного восприятия за видимостью креативной уникальности действующего субъекта, которая в действительности служит всего лишь способом угадывания необходимой объективной тенденции социального развития.

Иногда такие отклонения от нормы становятся эмоционально привлекательными для части индивидов, которые начинают им подражать. Как следствие, в определенной социальной среде формируются девиантные или маргинальные сообщества, а с ними и мода на отклонения, которая впоследствии может сформироваться в особую культурную традицию или новый социальный закон.

Список литературы

1. Шульц П. Философская антропология. Введение для изучающих психологию. URL: http://pedlib.ru/Books/4/0474/4_0474-84.shtml#book_page_top (Дата обращения: 24.10.2017)
2. Салас С. Д. Мораль XXI века [Электронный ресурс] / С. Д. Салас – Режим доступа: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8346810 (Дата обращения: 24.10.2017).
3. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 54.
4. Огурцов А. П. От принципа к парадигме деятельности / А. П. Огурцов // Эргономика: Труды ВНИИТЭ – М. : ВНИИТЭ, 1976. – Вып. 10. – С. 189–239.
5. Воеводин А. П. Эстетическая антропология: Монография / А. П. Воеводин. – Луганск : РИО ЛУГВД им. Э. А. Дидоренко, 2010. – 368 с.
6. Симонов П. В. Высшая нервная деятельность. Мотивационно-эмоциональные аспекты / П. В. Симонов. – М. : Наука, 1975. – 173 с.
7. Щедровицкий Г. П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности / Г. П. Щедровицкий. – М. : Школа культурной политики, 1995. – С. 231–280.
8. Маркс К. Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Издательство политической литературы, 1960. – Т. 1. – 920 с.
9. Лекторский В. А. Принцип предметной деятельности и марксистская теория познания / В. А. Лекторский // Эргономика: Труды ВНИИТЭ. – М. : ВНИИТЭ, 1976. – № 10. – С. 60–67.
10. Батищев Г. С. Противоречие как категория диалектической логики / Г. С. Батищев. – М. : Высшая школа, 1963. – 120 с.
11. Батищев Г. С. Деятельностная сущность человека как философский принцип / Г. С. Батищев // Проблема человека в современной философии. – М. : Наука, 1969. – С. 79–144.
12. Попович М. Аналітична філософія культури / М. Попович // Культурологічна думка. – Київ, 2009. – № 1. – С. 9–18.
13. Воеводин А. П. Методологические вызовы философской антропологии / А. П. Воеводин // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского: Философия. Политология. Культурология. – Симферополь, 2015. – Том 1 (67). – № 3. – С. 16–28.
14. Гусейнов А. А. Этика и мораль в современном мире / А. А. Гусейнов // Этическая мысль. – Москва, 2000. – № 1. – С. 4–15.

Voevodin A.P. A Social Law // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 3. – P. 3–17.

Social law is considered in the article as a sustainable form of social movement or, equivalently, as a way of social existence. Theoretical study of social law is extremely difficult psychological characteristics of individual reflection and cash forms of identity. In this regard, the article deals with the main mystery and the essential ways of being social law, decisive of which is the focus of human activity, which is fundamentally unremovable form the basis of social law. This means that in contrast to the natural, social law is not possible without individual goal-setting, psychological experiences and reflections of purpose in a specific symbolic form. A form of social movement virtual is perceived by people as an expedient way of implementing specific interest and achieve the desired goal. Thus, the social law is fundamentally different from natural law to its artificially created desirable form of human activity. Then compare social and natural laws reveals their paradoxical differences that are analyzed in this publication. The study of social law is faced with the paradoxes of universality, objectivity, feasibility, indeterminacy.

Keywords: indeterminacy, semantic field, social law, social emotion, social performance, purposeful activity.

References

1. Shul'ts P. Filosofskaya antropologiya. Vvedenie dlya izuchayushchikh psikhologiyu [Philosophical Anthropology. Introduction for Students of Psychology]. URL: http://pedlib.ru/Books/4/0474/4_0474-84.shtml#book_page_top (Accessed: 24 October 2017)
2. Salas S. D. Moral' XXI veka [Moral of the XXI century]. Available at: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8346810 (Accessed: 24 October 2017)
3. Aristotel'. Nikomakhova etika [Nikomakh's Ethics]. Moscow: Mysl', 1983, Vol. 4. – p. 54.
4. Ogurtsov A. P. Ot printsiipa k paradigme deyatel'nosti [From Principle to Activity Paradigm]. Moscow, VNIITE, 1976, Vol. 10, pp. 189–239.
5. Voevodin A. P. Esteticheskaya antropologiya: Monografiya [Aesthetic Anthropology: Monograph]. Luhansk, RIO LUGVD im. E. A. Didorenko, 2010, 368 p.
6. Cimonov P. V. Vysshaya nervnaya deyatel'nost'. Motivatsionno-emotsional'nye aspekty [Higher Nervous Activity. Motivational-Emotional Aspects]. Moscow, Nauka, 1975, 173 p.
7. Shchedrovitskii G. P. Iskhodnye predstavleniya i kategorial'nye sredstva teorii deyatel'nosti [Initial Representations and Categorical Means of the Theory of Activity]. Moscow, Shkola kul'turnoi politiki, 1995, pp. 231–280.
8. Marks K., Engel's M. Kapital [Capital]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1960, Vol.1, 920 p.
9. Lektorskii V. A. Printsip predmetnoi deyatel'nosti i marksistskaya teoriya poznaniya [The Principle of Objective Activity and the Marxist Theory of Knowledge]. Ergonomika: Trudy VNIITE [Ergonomics: Proceedings]. Moscow, VNIITE, 1976, № 10, pp. 60–67.
10. Batishchev G. S. Protivorechie kak kategoriya dialekticheskoi logiki [Contradiction as a Category of Dialectical Logic]. Moscow, Vysshaya shkola, 1963, 120 p.
11. Batishchev G. S. Deyatel'nostnaya sushchnost' cheloveka kak filosofskii printsip [The Activity Essence of Man as a Philosophical Principle]. Problema cheloveka v sovremennoi filosofii [The Problem of Man in Modern Philosophy]. Moscow, Nauka, 1969, pp. 79–144.
12. Popovich M. Analitichna filosofiya kul'turi [Analytical Philosophy of Culture]. Kul'turologichna dumka [Culturological Thought]. Kiev, 2009, №1, pp. 9–18.
13. Voevodin A. P. Metodologicheskie vyzovy filosofskoi antropologii [Methodological Challenges of Philosophical Anthropology]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo: Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya [Scientific Notes of the Crimean Vernadsky Federal University: Philosophy. Political Science. Culturology]. Simferopol, 2015, Vol. 1 (67), № 3, pp. 16–28.
14. Guseinov A.A. Etika i moral' v sovremennom mire / A.A. Guseinov // Eticheskaya mysl'. Moskva – 2000. № 1. – S. 4-15.

УДК 304.444

ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В КОНТЕКСТЕ XXI СТОЛЕТИЯ

Лазарев Ф. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: fellazarev@rambler.ru

В данной статье автор рассуждает о необходимости нового методологического подхода в области исследования культурных и социальных процессов. Новые тенденции современного культурного процесса вызывают потребность в новом типе практической философии – философии, которая имеет вкус к анализу быстротекущих проблем истории, к глобальным, острейшим противоречиям современного мира. Интервальный подход в этом отношении предстает актуальным методом, позволяющим проникнуть в сущность современных социокультурных и исторических процессов, так как интервальный подход имеет не только гносеологическое измерение, но и касается проблем исторического и цивилизационного порядка. Следует подчеркнуть, что переход к новой познавательной стратегии – это не только требование внутренней логики развития современной науки, но и ответ на новые цивилизационные вызовы, связанные с развитием научно-технологических практик последних десятилетий. Похоже на то, что речь идет о формировании одной из составляющих научного стиля мышления XXI столетия. Очевидно, что всестороннее осмысление отмеченных процессов – важнейшая задача современной методологической мысли.

Ключевые слова: культура, интервальный подход, наука, методология, познавательная стратегия.

Историко-философский процесс: две ключевые тенденции. С древнейших времен и до настоящих дней философская мысль развивалась, если иметь в виду основное русло эволюции мыслительной культуры, по пяти главным направлениям:

- разработка и осмысление ключевых понятий философского дискурса (мир, бытие, космос, движение, сознание, человек и др.);
- размышление над ключевыми («вечными») вопросами, имеющими мировоззренческий смысл (Как устроен мир? В чем смысл жизни? Что такое свобода? Существует ли истина?);
- конституирование основных форм и типов рефлексии (ирония, диалектика, критика, категориальная, когнитивная, трансдоксальная рефлексия и др.);
- ретроспективный анализ самой философской мысли (история философии);
- критическое осмысление наличных форм культурной жизни и познания, реально протекающих социально-политических процессов и экзистенциально-нравственных проблем бытия людей в той или иной конкретной исторической ситуации.

Если присмотреться к содержанию отмеченных направлений философствования, то можно заметить, что они – в общем и целом – всегда включали в себя две основные группы: во-первых, те, которые связаны с

разработкой *языка философии* и ее внутренних проблем; во-вторых, те, которые предполагают обращение к реально происходящим в обществе процессам, к человеку во всей полноте его социокультурных определений. Можно сказать поэтому, что в течение многих веков в истории философии боролись две тенденции – чистого теоретизирования и практически ориентированного анализа. Одна тенденция нацелена на решение внутренних задач дисциплинарного характера, вторая фокусирует внимание на осмыслении внешних проблем. Эта дивергенция обозначилась уже в древности.

Философия: новый поворот. На рубеже 18–19 вв. философия становится доминирующей формой духовного производства в Германии в лице таких мыслителей, как И. Кант, Ф. Шеллинг, Г. Гегель и др. Позднее Ф. Ницше подвергает глубокой философской критике многие острые проблемы развития европейской культуры. В XX в. эту линию продолжают представители экзистенциализма. В их сочинениях мы находим всесторонний экзистенциально-нравственный анализ таких острых противоречий европейской цивилизации, как феномен отчуждения человека, утрата смыслов, некоммуникабельность, стандартизация личности и др. Критический анализ технократической цивилизации XX в. в социокультурном измерении представлен в работах О. Шпенглера, П. Сорокина, Ж.-П. Сартра, Х. Ортеги-и-Гассета. Заметный всплеск интереса к философии наблюдается в первой четверти XX в. в связи с революцией в естествознании. На это прямо указывают работы таких корифеев физической науки, как А. Эйнштейн, М. Планк, Н. Бор, В. Гейзенберг, А. В. Фок и др.

Похоже на то, что сегодня философская мысль просыпается для нового прорыва. У нее все явственнее обнаруживается потребность вновь повернуться лицом к человеку, к острейшим противоречиям глобального мира. Почему эта проблема обострилась именно в последние годы? Дело в том, что современная цивилизация характеризуется небывалыми темпами развития. Если раньше качественные изменения в социально-экономической сфере, в культуре, науке, в развитии технологий происходили в течение длительных периодов исторического процесса, то сегодня наступила эра инновационных скачков, ведущих к качественным сдвигам во всех сферах жизни людей. Из сказанного вытекает одно важное следствие: в прошлые времена философ в своих размышлениях о мире имел дело с довольно устойчивой социальной и культурной реальностью. Поэтому на первое место, как правило, выдвигались так называемые вечные вопросы о природе человека, об истине, о смысле жизни и т. п.; при этом трудно было различить, что в этой проблематике составляло инвариантный аспект, а что было навеяно текущими историческими событиями. Новое возникало медленно и пробивалось сквозь толщу размеренной повседневности с большим трудом. Сегодня новое врывается в жизнь людей чуть ли не ежедневно, будоражит их воображение, порождает серьезные риски и бросает вызовы как отдельному индивиду, так и всему человечеству.

Очевидно, что философ не может не заметить эти глубокие перемены в развитии цивилизации XXI века. Возникает новая познавательная ситуация – ситуация вызова, актуального запроса. Как ответ на нее в арсенале исследователя появляются соответствующие понятийные и методологические средства анализа.

Ускорение процессов во всех сферах жизнедеятельности, небывалый в прошлые эпохи темп жизни – все это требует не только эффективных познавательных средств и эвристических ресурсов, но и изменения целей философствования. В этих условиях появляется потребность в *новом типе практической философии* – философии, которая имеет вкус к анализу быстротекущих проблем истории, к глобальным, острейшим противоречиям современного мира.

Расширяется диапазон социокультурных областей, которые начинает осваивать философская мысль. Речь, прежде всего, идет о сфере культуры, экономики, геополитики, экологии. В этом контексте резко возрастает интерес к методологии в ее *практическом измерении*. Дело в том, что философская рефлексия над новыми реалиями глобального мира нуждается в существенном обновлении своего методологического инструментария, в выработке новых подходов и способов анализа и др. Каково же состояние современного методологического сознания?

Современное методологическое сознание: основные тенденции. Методологическое сознание переживало весьма своеобразный, если не сказать странный, этап своей эволюции. Его можно было бы обозначить старинным русским словом *смута*: оно существует, но вроде бы как его и нет. Претензии классических форм объективистской парадигмы на привилегированное положение в вопросах истины и научной рациональности не оправдались. Порой возникало впечатление, что методологизм как установка и как сложившаяся в XX в. сфера рефлексии вообще испытывает момент самоисчерпаемости. Идея «конца» методологии стала особенно популярной в свете деконструктивистской инициативы. В этих условиях многие философы ищут иной, «постнеклассический» опыт постижения истины, выводящий за пределы традиции, как она мыслилась в «позитивных» науках. Стал все явственнее просматриваться когнитивный и ценностно-антропологический тренд в эволюции способов философствования.

Что же в таких условиях делать ученым-предметникам, работающим в конкретных отраслях науки? В эпоху релятивизации знания потребность в методологической культуре не только не уменьшилась, а значительно возросла, прежде всего в области социально-гуманитарного познания. Следует вообще иметь в виду, что, в отличие от естествознания, сфера гуманитаристики по природе своей является методологически нагруженной в значительно большей степени. Так, с 70-х годов прошлого века в методологической литературе развернулась довольно оживленная дискуссия об эпистемологическом статусе *социологии познания и социологии науки*. Старт этой дискуссии, вообще говоря, был дан еще в 1962 г. Т. Куном в его работе «Структура научных революций», который своим понятием «парадигма» обратил внимание специалистов в области философии науки на глубокую связь теоретических построений с социокультурным контекстом. В последней трети XX в. появляется целая серия работ (в частности, Д. Блура, Б. Барнса, Б. Латура), в которых фокус обсуждаемых тем постепенно сместился к одной ключевой проблеме: может ли социология науки как автономно сложившаяся дисциплина исследовать науку во всех ее проявлениях, т. е. не только собственно социальные аспекты производства научного знания, но и само *содержание* знания, сам процесс поиска *научной истины*? Очевидно, что ответ здесь напрямую зависит

от решения другого вопроса: может ли социально-исторический контекст обуславливать самую смысловую сторону научных теорий?

Еще Карлу Мангейму было очевидно, что в социально-гуманитарных исследованиях важную роль играет *познавательная позиция* ученого, которая задается структурой социальной реальности, его положением в системе социальных страт. Это означает, что ученый видит мир через призму своих социокультурных установок. Однако Мангейм полагал, что этот эпистемологический эффект не распространяется на естественные науки и математику. Кстати сказать, марксисты также были убеждены в том, что они свободны от давления «социального» и могут изучаться с позиций строгой объективности, поскольку теоремы математики и законы естественных наук не затрагивают интересы классов и социальных групп. Именно этот общепринятый постулат предшествующего методологического сознания был поставлен под сомнение новой волной исследователей. В весьма нашумевшей книге Бруно Латуре «Пересборка социального» (Лондон, 2005) [6] автор пытается радикально пересмотреть общепринятое толкование природы «социального» как такового. Он убежден в том, что «нет никакого социального измерения, никакого “социального контекста”, никакой отдельной области реальности, которой можно было бы навесить этикетку “социальное” или “общество”...» [6, с. 15]. Он предлагает свою концепцию новой социологии под названием «акторно-сетевая теория», соглашаясь с тем, что все попытки социологически объяснить науку представляют собой противоречие, ибо по определению научно только то, что свободно от ограничений со стороны общества (от идеологии, материальных интересов и т. п.) [6, с. 134]. Однако, как полагает Латур, все это справедливо лишь для традиционной социологии, но не для новой «акторно-сетевой» версии, которая отнюдь не ограничивает себя внешним социальным контекстом научной деятельности. Необходимо отбросить ту концепцию причинности, которая использовалась в социальных науках. Для этого нужно в некотором смысле уравнивать мир природного и сферу социального.

Не вдаваясь в детали и тонкости акторно-сетевого подхода, отметим только два важных момента. Похоже на то, что в эволюции современного социально-гуманитарного знания пришло время, когда необходимо произвести «пересборку» не только «социального» в рамках социологии, но и «культурного» в культурологии, «психологического» в рамках психологии и т. п. В самом деле, многие объяснительные матрицы, которыми пользуются, например, современные психологи, восходят к учениям З. Фрейда, К. Юнга и некоторых других классиков первой половины прошлого века. Между тем методологические схемы, которые в свое время предложили эти ученые, во многом отражают стереотипы начала XX в. и требуют серьезного пересмотра. То же можно сказать и по поводу современного состояния других гуманитарных наук.

Второй момент, на который следует обратить внимание, связан с методологической оценкой самой акторно-сетевой теории. Бруно Латур утверждает, что новой версии социологии науки под силу то, что не могла в принципе сделать традиционная социологическая мысль – исследовать *когнитивный аспект* научной деятельности. Однако есть веские основания полагать, что концептуальные средства

и познавательные инструменты социологии в любой ее версии не способны в принципе проникнуть в *гносеологическое измерение* поиска истины. Сама оптика используемых в социологии абстракций такова, что специалист просто не способен видеть и как-то адекватно фиксировать такие эпистемические феномены, как научная объективность, истина, рациональность, доказательство и т. п. Они с необходимостью оказываются за скобками интервала используемых абстракций. Но если с ними напрямую не сталкивается социолог, то это не значит, что они вообще не существуют. Между тем следует признать, что наука есть *многомерный объект*, многоинтервальная сущность и каждое ее измерение, каждый интервал может изучаться лишь своим специфическим набором понятий, задающим особую перспективу видения объекта. Здесь свои смыслы и своя методология исследования. Для пояснения этого тезиса можно воспользоваться аналогичной ситуацией с другим многомерным объектом, каким предстает в познании *человеческое существо*. Имеется целый набор дисциплин, которые изучают человека. Биология исследует его биологическую ипостась, психология ставит своей целью изучить его психику и т. д. Однако принципиально важно то, что каждая научная дисциплина ограничена в своих познавательных возможностях рамками своего видения объекта и не может выходить за их пределы, например: биология компетентна в изучении биологического измерения человека, но совершенно бесполезна при рассмотрении его как социального существа. Здесь нужна другая наука – социология – со своим набором абстракций и моделей описания. Всякая попытка понять социальную жизнь людей через призму биологических моделей и в биологических терминах означала бы возвращение к редукционизму весьма дурного толка, упускающего из виду самое существенное в понимании социальной природы человека. Но попытка описать в терминах социологии *эпистемологическую сферу* человека как субъекта познания, в свою очередь, также неправомерна, ибо здесь мы имеем дело с другим измерением человеческой сущности. Очевидно, что при изучении человека мы можем обнаружить и другие интервалы его бытия, например экзистенциальный, который требует для своего адекватного постижения специальный набор абстракций и методов исследования.

Интервальная парадигма: методологический и цивилизационный контекст. Весьма симптоматичным является тот факт, что эпистемический кризис, начавшийся в последней трети XX столетия, во многих своих чертах продолжается и в наше время. Во многих докладах ученых-гуманитариев на различных конференциях и симпозиумах ощущается отсутствие у авторов продуманной и выверенной методологической базы. Аналогичное впечатление можно вынести и из выступлений ученых в различного рода телевизионных дебатах. Некоторое время тому назад на одном из телеканалов обсуждались вопросы: какой учебник отечественной истории нужен в школе, какие принципы должны быть положены в основу его написания? На передачу были приглашены авторитетные ученые-историки, журналисты, деятели культуры. (Не было только тех, кто особенно был бы нужен при обсуждении методологических и социокультурных принципов: не было философов-методологов.) А между тем вопросы, которые возникают в данном контексте, являются поистине глобальными. В чем заключается цивилизационная

ценность исторической памяти? Как данное общество воспринимает и осмысливает свою историю? Какими *перспективами видения* исторического процесса сознательно или бессознательно пользуется ученый-историк в своей теоретической работе? Какую *философию истории* он принимает? Очевидно, это вопросы не журналистики и даже не исторической науки как таковой. Перед нами вопросы метауровня, имеющие прямое отношение к философии истории и к методологии гуманитарных наук.

Во время упомянутой дискуссии одни ораторы отстаивали позиции наивного объективизма, полагая, что историю можно и нужно излагать «строго объективно», независимо от каких бы то ни было социокультурных контекстов, исторического опыта народа, информационных войн и т. п.; историческая истина объективна и является единой и общей для ученых любой страны и научной традиции. Другие выступающие утверждали, что каждый ученый имеет право на свою индивидуальную точку зрения и на свое видение тех или иных исторических событий; это обстоятельство должно найти отражение в наших учебниках по истории. Наконец, выступали и такие, которые были уверены в том, что историческая наука конструирует свои модели и картины на основе явных или скрытых идеологем и культурных мифов. Очевидно, что все три упомянутых подхода к оценке природы исторического знания на данный момент безнадежно устарели. Специфика сегодняшнего момента заключается только в том, что «методологический дилетантизм» в науке, учитывая радикально изменившуюся ситуацию, о которой говорилось выше, резко снижает эффективность научно-исследовательской работы.

С 70-х гг. минувшего столетия наблюдается интенсивный поиск методологических программ, которые были бы адекватны новым вызовам научного прогресса. В этом контексте мы, естественно, обращаемся к интервальной парадигме [3], которая, будучи альтернативной *постмодернизму* как философской стратегии, вместе с тем выступает как органический элемент *постмодерна*, т. е. того особого состояния культуры, в которое вошла западная цивилизация 60–70-х годов. В интервальной концепции, в самих ее категориальных основаниях слиты два, казалось бы, несоединимых начала. С одной стороны, решительно отстаиваются традиционные постулаты и ценности философского сознания эпохи модерна – объективность, познаваемость, разум, истина, суверенность самосознающего Я и др. С другой стороны, выстраивается концептуальная система, последовательно реализующая программу релятивизации любых тотализирующих дискурсов. Познающий субъект принципиально интервален, он всегда задан контекстуально, в том или ином локальном хронотопе [4]. Его взгляд на мир необходимо ограничен существующей интеллектуальной перспективой понимания и видения мира с ее конечным словарем и собственной семантикой. Каждый природный или социокультурный срез бытия в принципе может стать объективной основой для формирования гносеологической «системы отчета», конституирующей свой способ мироописания, свою систему истин и смыслов.

Очевидно, что интервальный подход имеет не только гносеологическое измерение, но и касается проблем исторического и цивилизационного порядка [5].

Если смыслы, цели и мировоззренческие установки индивидов существенно зависят от тех самозамкнутых социокультурных миров, в которых они пребывают в процессе своей жизнедеятельности, то означает ли это, что люди из разных этносов, социальных систем и «локальных культур» в такой степени «некоммуникабельны», что в принципе не способны глубинно понять друг друга и не могут в сущности вести между собой продуктивный диалог? Сегодня, в условиях болезненного противостояния глобальных геополитических пространств и цивилизаций, этот вопрос приобретает фундаментальную значимость как в социокультурном, так и в политическом плане. И именно поэтому он нуждается во всестороннем философском осмыслении. Ведь если верно, что в окружающей действительности «все относительно», что реальность расколота на миры, между которыми нет единых скрепов, связующих нитей, то, очевидно, в ней невозможно подлинное взаимопонимание людей, народов, социальных групп, религиозных общин. Интервальная метафизика предлагает принципиально иное, отличное от постмодернизма видение диалектики абсолютного и относительного, единого и многого, единичного и общего: относительное не исключает абсолютного, а плюрализм реальности не исключает ее единства, скрепляемого инвариантными связями и отношениями вещей. А это означает, что продуктивный диалог между народами и культурами не только возможен, но и продуктивен в силу существования общечеловеческих, инвариантных смыслов, ценностей и норм, которые вырабатывались человечеством в течение сотен и тысяч лет и которые лежат в основе любой локальной культуры. Но если принять данное допущение, то отсюда следует, что всем, кто отвечает за судьбы людей в общепланетарном масштабе, было бы весьма полезно освоить культуру многомерного мышления, принципы интервального диалога.

В. Алтухов [1, с. 156], рассматривая особенности «многомерного мышления», подчеркивает, что новые понятия и принципы незаметно проделывают колоссальную работу, подталкивая мышление людей к переходу на многомерную основу. Под их влиянием вырабатываются новая концепция диалога равноправных, автономных участников, новая концепция истины, закладываются логические основы политической культуры, формируются принципы взаимоотношений между конфессиями, мировоззрениями, очевидно, характерные для современной цивилизации. Начинает проясняться тот смысл категорий «единство», «целостность», который задается многомерным видением реальности. Прежде всего, достижение единства, если иметь в виду политические, идеологические, цивилизационные споры, вовсе не означает обязательного преодоления всех расхождений между оппонентами. Напротив, следует признать возможность сохранения определенных, в том числе и весьма существенных расхождений, которые закономерно вытекают из особенностей материальных интересов, социокультурных установок, собственного видения мира каждой стороной, задаваемого существенным различием в *объективном положении* этих сторон.

В этом случае поиски единства заключаются отнюдь не в том, чтобы усреднить интересы сторон, их точки зрения, то есть, чтобы мыслить и действовать в духе старых стереотипов мышления. Ни к чему, кроме как к углублению

конфронтации, такой метод не приведет. Задача заключается в том, чтобы суметь перевести эти политические и мировоззренческие установки из одноплоскостного видения реальности в многоплоскостное ее видение. При этом каждая сторона со своими интересами и принципами сможет разойтись (а не столкнуться в безальтернативном варианте) с другой стороной, где эти интересы, позиции и принципы смогут дополнять (как разные), а не исключать, не вытеснять (как противоположные) друг друга. Вот это и есть новая форма единства, целостности, новый смысл гармонии, вытекающий из обсуждаемой методологической парадигмы.

Как верно замечает В. Алтухов, новый подход, будучи применен в области политики, международных, культурных, конфессиональных отношений, может привести современный мир на качественно новый уровень бытия. Если каждый из оппонентов, нередко погруженных в классическую атмосферу конфронтации, осознает, что его точка зрения по самой своей сути не вправе претендовать на универсальную значимость, ибо отражает реальность лишь изнутри какого-то одного интервала, и что она может быть дополнена альтернативным видением мира из другого интервала, равноценным и автономным, имеющим такое же право на истину, то будут создаваться предпосылки совершенно другой духовной атмосферы, определяемой продуктивным диалогом между различными странами и цивилизациями.

А значит, будут складываться условия для ослабления конфронтации в международных отношениях и возрастать возможности достижения всеобъемлющего консенсуса – предпосылки нового мирового порядка. Это в полной мере относится и к разумному решению любых межнациональных и межэтнических конфликтов. Можно сказать, что сама конфликтология как теоретическая дисциплина получает в лице интервального подхода новую методологическую базу.

Следует заметить, что интервальная парадигма в процессе своего формирования противостоит не только постмодернизму, но и некоторым ключевым постулатам марксистской методологии. В отличие от традиционной диалектики, которая настаивала на постулате «единства и борьбы» противоположных сторон, сил, позиций, интервальная диалектика видит разрешение противоречия не в том, что одна сторона побеждает другую, не в слиянии их в единое целое, не в высшем «синтезе» через «снятие» в чем-то третьем, а в поиске устойчивых конфигураций, соответствующих реальной иерархии сторон, уровней, ипостасей целого. Это тот самый гомеостазис, та самая гармония в социальной жизни людей, которая достигается через диалог, взаимопонимание, взаимный, сбалансированный учет интересов сторон, через то, что Н. Рерих назвал «красотой компромиссов».

В новой диалектике нет места ни «единству» (как слиянию противоположностей), ни «борьбе» как противоборству по принципу «кто кого»; единство здесь мыслится как *многомерная система* соподчиненных и разноуровневых интервалов, а «борьба» – как поиск взаимосогласованности в соответствии с интервальной структурой бытия. Принцип разумного компромисса не есть изобретение данной концепции, ибо в своем практическом выражении он

существует столько же, сколько существует история. Интервальный подход есть лишь философская рефлексия над этим принципом, позволяющая прояснить его онтологическую, гносеологическую и методологическую грани. В этом смысле традиционную диалектику (Гераклит, Гегель, Маркс, Энгельс и др.) можно рассматривать как философскую рефлексию над другим, столь же древним принципом исторического взаимоотношения людей – принципом борьбы, взаимной конфронтации и противостояния. В рамках данной традиции война, столкновение, противоборство сторон, сил и тенденций рассматривались как вечный закон жизни, как вселенский, универсальный принцип бытия всех вещей и явлений, как внутренний источник развития и бесконечного совершенствования. В связи с этим, однако, следует заметить, что рефлексия над «практикой компромиссов» оказалась (обозревая всю панораму человеческой мысли) делом более сложным в теоретическом плане и более поздним в историческом смысле. Видимо, искусство разрешения конфликтов и миротворчества требует от людей больших интеллектуальных ресурсов и моральной высоты, чем искусство войны, но для сегодняшнего планетарного миропорядка первое становится все более и более важным и жизненно необходимым.

Практическая востребованность философии в XXI веке. О том, что философия и наука тесно связаны между собой и находятся в постоянном взаимодействии, известно чуть ли не со времен Аристотеля. С тех пор об этом было много написано, особенно в последнее столетие. И этот тезис справедлив, если брать его в общем плане. Если же рассматривать конкретные исторические ситуации, то весьма часто мы наблюдаем прямо противоположную картину. Например, известно, что естественные науки по мере своего становления в 17–19 вв. постоянно отгораживались от философии, демонстрировали свою независимость и даже противоположность, свое неприятие «метафизики». В атмосфере подобных умонастроений в 19 в. стал формироваться такой феномен, как сциентизм, который, в частности, выступил как «дух позитивности», как некая мировоззренческая установка. [8] Последняя к середине 19 в. теоретически конституирует себя как позитивизм, согласно которому «наука сама себе философия».

В этом контексте всплеск интереса к философии в физике и математике первой половины XX в. был отнюдь нетривиальным событием. Примечательно, что этот поворот точных наук к своим категориальным и методологическим основам осуществили сами ученые, исходя из внутренних потребностей и из логики развития самой науки.

В чем же причина поворота к философии точных наук в наше время? Довольно обстоятельный ответ на этот вопрос можно встретить в статьях и выступлениях известного российского физика М. В. Ковальчука. [2] Ученый обращает внимание на то, в наше время наблюдается серьезный поворот в стратегии научного познания как в естествознании, так и в гуманитарных дисциплинах. В течение четырех веков наука изучала природу, расчленяя целое на части, углубляясь в детали, выделяя отдельные элементы, аспекты, уровни вещей и явлений. Сегодня наука все больше испытывает потребность в междисциплинарных практиках с тем, чтобы постигать мир посредством сборки частей в единое целое. Если в прошлом

доминировал аналитический подход, то теперь, отвечая на новые вызовы научно-технологической революции, наука встает на путь *синтеза*. Но речь идет не о синтезе в традиционном смысле слова, речь идет об особом типе сборки элементов в целостные модели. Этот процесс М. В. Ковальчук называет *конвергенцией знания*. Следует подчеркнуть, что переход к новой познавательной стратегии – это не только требование внутренней логики развития современной науки, но и ответ на новые цивилизационные вызовы, связанные с развитием научно-технологических практик последних десятилетий. Похоже на то, что речь идет о формировании одной из составляющих *научного стиля мышления XXI столетия*. Очевидно, что всесторонне осмысление отмеченных процессов – важнейшая задача современной методологической мысли.

В чем же особенность нового поворота к философии в современную эпоху? Похоже на то, что впервые возрастающая значимость философии обнаруживается практически одновременно во *многих сферах развития* мировой цивилизации – в науке, образовании, экономике, политике. Это вытекает из того, что современный мир вошел в новую стадию своего существования.

Практическая востребованность философии в современную эпоху в чем-то сходна с той востребованностью, которая наблюдалась в отношении социологии и психологии в 60-е годы прошлого века. Именно с этого времени начинает активно внедряться практика конкретно-прикладных исследований. Запрос на такие исследования во всех сферах общественной жизни с годами только усиливался. К примеру, сегодня практические психологи оказываются постоянно востребованными и на производстве, и при чрезвычайных ситуациях, и в педагогической практике. Парадокс заключается в том, что в настоящее время психологическая наука во многом исчерпала потенциал своих объяснительных моделей и начинает отставать от реальных запросов жизни. Похожая ситуация сложилась и с прикладной социологией. На это, в частности, обращает внимание и Б. Латур. Создается впечатление, что этим дисциплинам не хватает новых прорывных идей и подходов.

Между тем в XXI в. все больше возникает спрос на социокультурные услуги нового типа, связанные с современным антропологическим кризисом, с проблемами потери этнической идентичности, с трудностями культурной адаптации, с деформациями ценностных ориентаций у определенной части молодежи и т. п. Порой создается впечатление, что мы вообще не знаем, представитель какой гуманитарной профессии может оказывать такого типа услуги для широких слоев населения. Например, потребность людей в утешении не только в момент личной трагедии, но и в период ценностного и мировоззренческого разлада. Разумеется, психологи часто берутся за эту работу. Очевидно, что во многих случаях потребность индивида в «терапии души», в обретении надежных духовно-нравственных опор в жизни не может быть в принципе удовлетворена ни социологом, ни психологом. Это как раз такая сфера человеческого духа, которая издревле была объектом религиозного душепопечительства и философских духовных практик.

Очевидно, что общество может быть полноценным и способным к инновационному развитию лишь при условии, что вся сфера образования выступает как культурное пространство производства человеческого в человеке. Сегодня становится крайне актуальной духовно-нравственная составляющая педагогического процесса. В современном мире появилась значительная прослойка высокообразованных, талантливых и подчас даже гениальных людей, занимающихся криминальным бизнесом, например так называемые хакеры, создатели финансовых пирамид, биржевые спекулянты и т. д. Все это говорит о том, что восходящий к эпохе Просвещения тезис, согласно которому зло порождается невежеством, а усвоение индивидом определенной суммы знаний автоматически делает его нравственным существом, оказался несостоятельным. Сегодня от просветительской модели мы должны перейти к новому цивилизационному проекту: от человека разумного – к формированию *человека духовного*. С точки зрения культурных традиций за реализацию такого проекта, в первую очередь, могут взяться такие страны, как Россия, Индия и Китай.

У современной практической философии появляются три новые задачи:

- существенное расширение проблемного поля исследования за счет включения в него новых сфер человеческой жизнедеятельности;
- выработка эффективных методологических инструментов;
- внедрение в жизнь практики аксиологической терапии.

Способна ли современная философская мысль взять на себя решение задач подобного типа? Во многих отношениях ответ здесь будет скорее отрицательным. Но кроме философов эти задачи никто не может взять на себя. Выход из положения видится в принятии следующих стратегий: во-первых, усиление творческой активности в сфере философской рефлексии, во-вторых, подготовка кадров с учетом появления новых социокультурных функций философии.

Список литературы

1. Алтухов В. Новое мышление – мышление о многомерном мире // Дружба народов. – 1994. – № 2.
2. Ковальчук М. В., Нарайкин О. С., Яцишина Е. Б. // Вопросы философии. – 2013. – № 3.
3. Лазарев Ф. В. Проблема точности естественнонаучного знания // Вопросы философии. – 1968. – № 9. – С. 31–42.
4. Лазарев Ф. В., Кураев В. И. Точность, истина и рост знания. – М.: Наука, 1988. – 236 с.
5. Лазарев Ф. В., Литтл Брюс А. Многомерный человек. Выведение в интервальную антропологию. – Симферополь: СОНАТ, 2001. – 261 с.
6. Латур Б. Пересборка социального. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
7. Харман Грэм. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера. – Пермь: Гиле Пресс, 2015. – 152 с.
8. Трифонова М. К. Наука, образование, человек. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2012. – 556 с.

Lazarev F.V. Practical Philosophy in the Context of the XXI Century // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 3. – P. 18–29.

In this article, the author discusses the need for a new methodological approach in the study of cultural and social processes. New tendencies of the modern cultural process call for a new type of practical philosophy - a philosophy that has a taste for analyzing the fast-flowing problems of history, to the global, acute contradictions of the modern world. Interval approach in this respect appears an actual method, allowing to penetrate into the essence of modern sociocultural and historical processes, since the interval approach has not only an epistemological dimension, but also concerns the problems of a historical and civilizational order. It should be emphasized that the transition to a new cognitive strategy is not only a requirement of the internal logic of the development of modern science, but also a response to new civilizational challenges associated with the development of scientific and technological practices of recent decades. It seems that we are talking about the formation of one of the components of the scientific style of thought of the 21st century. Obviously, comprehensively comprehending the processes noted is the most important task of modern methodological thought.

Keywords: culture, interval approach, science, methodology, cognitive strategy.

References

1. Altuhov V. Novoe myshlenie – myshlenie o mnogomernom mire [New thinking - the doctrine of a multidimensional world] // Druzhba narodov Publ. – 1994. - №2.
2. Koval'chuk M.V., Narajkin O.S., Jacishina E.B. //Voprosy filosofii. – 2013. - №3.
3. Lazarev F.V. Problema tochnosti estestvennonauchnogo znanija [The problem of the accuracy of natural science knowledge]// Voprosy filosofii. – 1968. - №9. – S.31-42.
4. Lazarev F.V., Kuraev V.I. Tochnost', istina i rost znanija. [Accuracy, truth and growth of knowledge] – M.: «Nauka» Publ., 1988. – 236 p.
5. Lazarev F.V., Littl Brjus A. Mnogomernyj chelovek. Vyvedenie v interval'nuju antropologiju [Multidimensional man: introduction to interval anthropology]. – Simferopol': SONAT Publ., 2001. – 261 p.
6. Latur B. Peresborka social'nogo. [Reassessment of social] – M.: Izdatel'skij dom Vysšej shkoly jekonomiki Publ., 2014. – 384 p.
7. Harman Grahem. The four-faced object: The metaphysics of things after Heidegger. - Perm: Gile Press, 2015. - 152 p.
8. Trifonova M.K. Nauka, obrazovanie, chelovek. [Science, education, people] – Simferopol': IT «Arial» Publ., 2012.

УДК 1+ 304.2

АРГУМЕНТАЦИЯ В ПУБЛИЧНОЙ ПЕРЕПИСКЕ: ОТ ЖУРНАЛЬНЫХ СТАТЕЙ К СОЦИАЛЬНЫМ СЕТЯМ¹

Шапиро О. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: Shapiro.olha@gmail.com

В статье рассматривается феномен публичной переписки как формат текста в динамике его исторического развития. Выясняется, что при переходе к электронной текстовой культуре смысл текстов исследуемого формата сохраняется, тогда как форма и коммуникативная ситуация, создаваемая текстом, существенно изменяются.

Анализ формы текста включает исследование его стилистики, способов презентации и аргументативной структуры. Последняя представляет наибольший интерес, поскольку напрямую связана с изменением коммуникативной ситуации: включаясь в коммуникативный процесс, читатель получает возможность выразить свое (не)согласие с аргументацией автора и вступить в дискуссию по теме текста.

Исследование аргументативных структур публичной переписки в статье проводится с позиций авторского прагма-аналитического подхода, который в свою очередь базируется на идеях американского логика и философа М. А. Финокьяро. Вслед за ним для выявления аргументативных структур мы используем диаграммы; кроме того, эмпирическое исследование переписки в рамках электронной текстовой культуры мы можем дополнить методом опроса и статистическим анализом данных, который позволяет провести функционал коммуникативно-ориентированных сайтов. В результате исследования мы приходим к выводу о существенном изменении аргументативного потенциала текста с переходом к электронной текстовой культуре, что в свою очередь заметно влияет на его прагматические характеристики.

Ключевые слова: переписка, публичный текст, виртуальная коммуникация, формат, текстовая культура, аргументация, прагма-аналитический подход.

Все большее место в жизни человека занимает интернет-коммуникация: личное общение, деловые контакты, потребность в свежей и подробной информации в самых разных сферах жизни все чаще реализуются в Сети. При этом использование Интернета как основной среды текстовой деятельности – и как глобального хранилища текстов, и как места текстовой самореализации автора и/или критика – становится причиной перехода к новому типу текстовой культуры. Сама текстовая культура как способ «производства, хранения и трансляции

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант № 16-03-00120 «Влияние форматирования на смысл: изменения в текстовой культуре и трансформация коммуникации»

текстов»[7, с. 140] – явление историческое, смена актуальной текстовой культуры обычно связана с появлением новых технологий, однако технические изменения здесь влекут за собой трансформации и содержательного, смыслового характера. Каждая текстовая культура предлагает потенциальному автору текстов набор форматов [7, с. 142], определяемых тремя базовыми критериями: 1) обстоятельствами порождения текста (культурный контекст и цель создания этого текста); 2) коммуникативной ситуацией, порождаемой текстом (связь между автором и читателем, топология читателя в тексте); 3) формой текста (жанровые, стилистические, аргументативные и пр. особенности).

В истории трансформации текстовой культуры мы можем отметить две узловые точки – возникновение письменности и изобретение печатного станка, обозначившие соответственно формирование письменной и печатной текстовых культур. Сегодня мы переживаем сопоставимый по значимости сдвиг – переход к электронной текстовой культуре, когда большая часть текстов хранится на цифровых носителях, а главным ресурсом трансляции этих текстов оказывается Интернет, представляющий собой одновременно глобальное текстовое хранилище и живую коммуникативную среду.

Подавляющее большинство форматов виртуальной коммуникации представляют собой письменные сообщения ограниченной длины, предполагают явное или имплицитное выражение реакции одного или многих адресатов и провоцируют полемику. Массовость (во всех смыслах этого слова) таких форматов обуславливает и их социальное значение, и остроту потребности в их детальном исследовании.

Я полагаю, что прообразом большей части виртуальных коммуникативных форматов является формат письма. При этом мы можем разделить весь массив переписки на переписку личную и публичную; в современном виртуальном пространстве традиционной личной переписке соответствуют личные сообщения, которые позволяют отправлять большая часть сервисов (mail, социальные сети, скайп и пр.), а публичной – публичные высказывания в социальных сетях, на форумах, в блогах и пр. коммуникативно-ориентированных сайтах.

В этой статье я буду касаться только публичной переписки, моей целью будет выяснение особенностей исторической трансформации исследуемого формата. Для того чтобы найти ответ на этот вопрос, попробуем выяснить, что привносит в эпистолярный формат текста феномен публичности, каковы истоки формирования формата публичной переписки, что происходит с базовыми параметрами эпистолярного формата при его исторической трансформации, как отражается (если вообще отражается) изменение формы текста на понимании его смысла.

Проникновение личной переписки в публичную сферу

Изначально письма не имели того личностного значения, которое мы привыкли им придавать. Ю. Хабермас пишет: «Когда современная почтовая связь только появилась, письма служили главным образом для пересылки “новых газет”, но со временем стали использоваться также для научной корреспонденции и для

семейного обмена любезностями» [9, с. 103]. Даже эти семейные письма были строго формализованы, стилистически выверены и содержали набор стандартных фраз, а не лично значимые откровения. Только позже, «в эпоху сентиментальности... Дневник становится письмом, адресованным отправителю. Рассказ от первого лица превращается в беседу с самим собой, предназначенную чужим получателям» [9, с. 104]. Именно такое отношение к традиционной личной переписке как к глубокому доверительному общению тет-а-тет сохранилось и в наши дни; это наблюдение подтверждают и эмпирические исследования [12].

Выход личного письма в публичное пространство мы можем связать с возникновением книгопечатания. Это – старт возникновения новой текстовой культуры и смены типа рациональности [16], которая привела к использованию иного типа аргументации в научных текстах – «формального доказательства» вместо «независимой аргументации», согласно С. Тулмину. Однако что представляли собой научные тексты того времени?

А. Гросс, Дж. Хармон и М. Рейди провели case-study научных статей от XVII в. до современности [15]. Они отмечают, что первыми статьями стали личные письма ученых друг другу, содержащие настолько важные научные идеи, что принимались решения придать их гласности. Т. е. научная статья как формат научного текста возникает из личной переписки, перенесенной в публичное пространство. Эту же идею подтверждает и Д. Дж. С. Прайс: «Современная научная литература начинается как раз с писем к вполне реальным людям, к аббату Мерсенну в Париже или к Генри Ольденбургу в возникающем Лондонском Королевском Обществе» [5, с. 93].

Со временем письмо все более вторгается в сферу публичности: «Письма не только дают прочесть чужим людям, разрешают сделать с них рукописную копию. Иногда содержание переписки изначально предназначено для печати – в Германии это подтверждается примерами Геллерта, Глейма и Гете» [9, с. 104]. Эта изначальная предназначенность для публики предполагает существенное отличие как в аргументативном потенциале, так и в смысловой наполненности письма.

Что изменяется в смысле переписки в момент перехода ее в пространство публичности? Х. Арндт пишет, что «далеко не все равно, осуществляется ли та или иная деятельность приватно или публично. <...> деятельность изменяет свое существо смотря по тому, занимаются ли ею приватно или публично, причем в весьма высокой степени...» [1, с. 62]. В случае с перепиской я полагаю, что ключевое различие между приватными и публичными текстами лежит в прагматической плоскости: если в личном письме весь аргументативный потенциал автора направлен непосредственно на адресата, то в публичной переписке он разделен между декларируемым адресатом письма и публикой (читателем). Смысл же всей дискуссии теперь заключается в придании гласности обсуждаемым проблемам, т. е. в намеренной публичности, характерной для публицистического формата текста² (тогда как раньше смысловым центром переписки являлось либо

² Подробнее про публицистический формат текста см. [8]

содержание обсуждаемых вопросов, либо демонстрация своего отношения к адресату).

Эти особенности характерны и для традиционной публичной переписки, и для ее виртуальных преемников. Однако мы можем говорить и о целом ряде отличий, которые связаны с изменением коммуникативной ситуации, создаваемой текстом. В первом случае в переписке участвуют двое (или несколько) авторов, а читатели остаются как бы за кадром коммуникации, хотя одновременно являются адресатом аргументации; во втором случае происходит непосредственная коммуникация, активным участником которой может стать каждый. Сдвиг же специфики коммуникативной ситуации приводит и к интересующему нас сдвигу в форме текста. В ее исследовании мы вслед за Гроссом, Хармоном и Рейди [15] будем обращать внимание на 3 базовых компонента: стилистику текста, способ презентации (связанный со структурными особенностями текста) и собственно аргументацию, которую мы будем анализировать с прагма-аналитических позиций³.

Публичные дискуссии на страницах периодических изданий

Публичную переписку XIX–XX вв. не всегда легко идентифицировать. Однако именно к этому формату мы можем отнести большую часть дискуссий, которыми изобилует пресса того времени (в том числе научная). Так, если говорить о русскоязычной прессе, то российские и эмигрантские журналы XIX века позволяют нам восстановить полемику западников и славянофилов; можем мы отыскать и полемические выпады самих изданий в адрес друг друга («Московский телеграф», в частности в лице Белинского, полемизирует с изданиями Булгарина и Греча, такими как «Северная пчела»; известен и полемический характер журнала «Современник», и заметка Самарина «О мнениях Современника»; в XX веке издается «Переписка из двух углов» В. Иванова и М. Гершензона и пр.) [2]. Однако временами авторами используется и эпистолярный жанр (напр., Герцен «Письма из Франции и Италии»). Мы далее будем говорить о том варианте публичной переписки, в котором сохраняется внешняя форма письма.

Для детального анализа формы публичных писем обратимся к case study. Возьмем два разноплановых случая: при серьезных отличиях в обстоятельствах порождения текста (как ситуативных, так и связанных с культурно-историческим контекстом) их форма остается во многом сходной:

1. Открытые письма В. Лосского и прот. С. Четверикова Н. А. Бердяеву и его (Бердяева) ответы на оба письма; опубликованы все 4 текста подряд в одном номере журнала «Путь» (1936 г.) [3]. Начало этой переписки было положено личным письмом Бердяева Лосскому, содержащим отказ в публикации в «Пути» документа фотиевского братства. Видя причину отказа в глубоком расхождении в позициях, Лосский посчитал необходимым вынести дальнейшее обсуждение этого расхождения в публичное пространство, как бы апеллируя ко мнению общественности.

³ Подробнее о теоретических основаниях прагма-аналитического подхода см. [11]

2. Переписка У. Эко с кардиналом К. М. Мартини в конце XX в. на страницах журнала «Либерал» (в каждом очередном номере журнала публиковалось одно письмо; отдельной книгой переписка вышла впервые в Риме в 1996 г.) [13]. Она была «заказана» самим журналом: редактор пригласил Эко и Мартини обменяться мнениями по поводу этических и религиозных вопросов. Изначально было ясно, что собеседники будут придерживаться различных – т. е. светской и религиозной – точек зрения; однако в результате переписки почти сразу обозначилось, что авторы не столько пытаются склонить читателей на свою сторону, сколько ищут общий фундамент для своих позиций, который бы оказался приемлемым как для светского, так и для религиозного читателя.

Стилистически публичная переписка выглядит промежуточным жанром между текстами художественными и научно-популярными: используется терминология гуманитарных наук, ссылки на первоисточники, четко структурированная аргументация; в пользу художественного текста свидетельствует наличие ярких образов, использование аналогий и метафор. Что касается презентации, то мы имеем дело с небольшими по объему текстами (по крайней мере, меньшими, нежели стандартная научная статья), не разделенными на параграфы и не имеющими жесткой структуры. В текстах используются этикетные формулы приветствия и прощания, обращенные не к читателю, но к единственному уникальному адресату.

Самая интересная часть формы текста – его аргументативная структура. Мы будем анализировать ее с позиций прагма-аналитического подхода, который в свою очередь опирается на идеи метааргументации М. Финокьяро: вслед за ним мы будем использовать для анализа аргументативных схем метод диаграмм [14, с. 20–22], вписывая в качестве узлов диаграммы аргументативные макроструктуры (тезис, аргументы, квазиаргументативные средства). При этом при переписке мы будем моделировать диаграмму для каждого письма в отдельности и сопоставлять их, выделяя подтверждающие и опровергающие связи между элементами аргументативного гиперязыка на разных этапах переписки.

Для моделирования мы возьмем 2 последних письма из переписки У. Эко и К. М. Мартини. Выделим Т (тезис), А (аргументы) и КА (квазиаргументативные средства). Позволим себе не соблюдать точные формулировки авторов для краткости и ясности передачи аргумента.

К. М. Мартини. Где верующий находит просвещение [13, с. 95–104]?

Т: необходимо признать трансцендентальные основания этических установок даже у светских людей.

А1: невозможно сформулировать нерелигиозное основание для моральных поступков.

А2: закон или власть не способны сами по себе побудить человека к самопожертвованию.

А3: мирская этика требует основания, чтобы ее нормам не грозила «смутность и неопределенность».

А4: разные религии могут прийти к «общему знаменателю» благодаря тому, что все они ищут основания в трансцендентном.

A5 (восстановлен из энтимемы): Светская этика не покоится на трансцендентных основаниях, однако приходит к тем же (или близким) моральным нормам, что и религиозная этика.

Аб: Светская этика заменяет Божественный Абсолют как этическое основание на концепцию «Другого». Но ее не может быть достаточно без трансцендентального обоснования!

КА1: риторические вопросы как способ формулирования тезиса и большинства аргументов.

КА2: позитивный вариант *ad hominem*: заверения в личном опыте общения с нерелигиозными людьми, придерживающимися строгих моральных принципов.

У. Эко. Нравственность рождается в присутствии другого [13, с 105–119].

Т: Нравственное основание неверующего – в признании Другого, и оно прочнее даже религиозной веры. Естественные принципы этики «врезаны» в наши сердца (т. е. фактически это антитезис к тезису К. М. Мартини; таким образом, имеет место непрямая критика аргументации).

A1: религиозные нормы тоже не удержали многих верующих от греха: ни одна основа не является непоколебимой.

A2: в качестве основания может быть достаточно просто «любви к другим» или стремления сделать мир (электронную вселенную, Субстанцию и пр.) более гармоничным.

A3: наличие или отсутствие веры – не признак (а)морального поведения.

A4: нерелигиозная вера бескомпромиссна, поскольку не предполагает прощения за аморальные поступки.

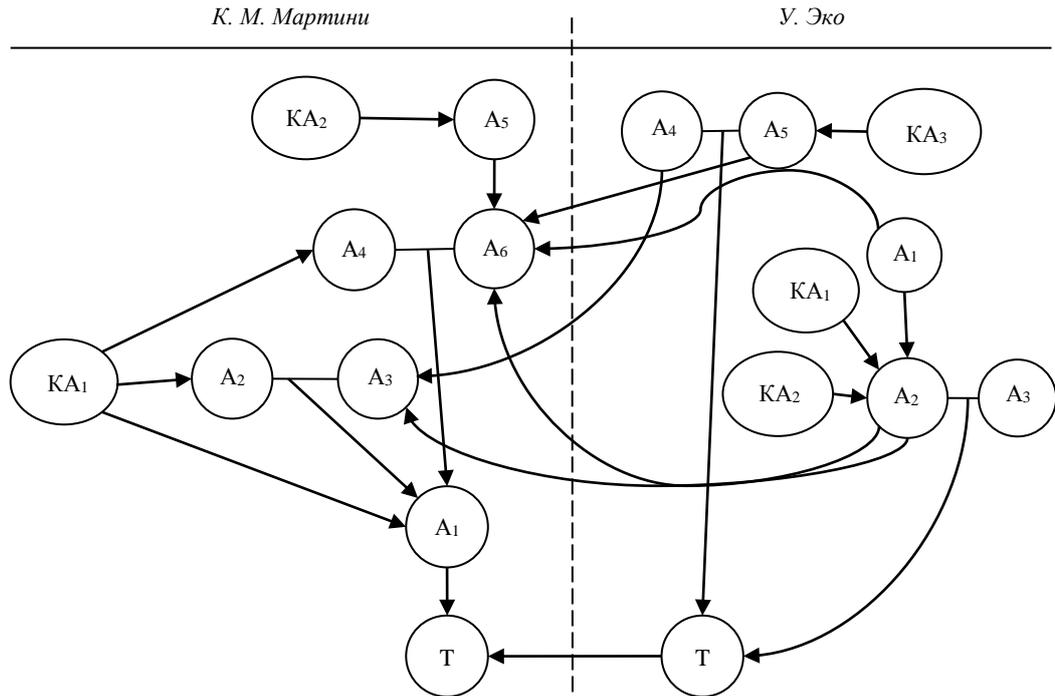
A5: даже нерелигиозный человек может вдохновляться примером Христа.

КА1: история про папу Иоанна (аргумент к авторитету, при этом эмоционально значимый).

КА2: пример личной беседы с коммунистом.

КА3: апелляция к эмоциям («представьте себя на минуту неверующим человеком»).

Изобразим связь между этими аргументами на карте, где стрелочки внутри одной стороны диаграммы будут обозначать поддержку, а стрелочки, соединяющие две стороны диаграммы, – критику (атаку):

Мы видим сложную систему аргументации: и тезис Мартини, и антитезис Эко подкрепляются двумя сходящимися блоками связанной аргументации; при этом оба автора используют набор корректных квазиаргументативных средств, а аргументы Эко не только подтверждают антитезис, но и атакуют аргументы Мартини (т. е. одновременно проводится критика и тезиса, и аргументации).

Наш пример репрезентативен. Такого же рода (а временами и намного сложнее) аргументативные схемы используются в традиционной публичной переписке повсеместно. Но сохраняются ли они в современной электронной текстовой культуре?

Виртуальная публичная коммуникация и ее разновидности

Виртуальными преемниками публичной переписки можно считать открытые дискуссии на платформах социальных сетей, блогов и пр. – т. е. тех типов интернет-ресурсов, которые мы можем условно назвать коммуникативно-ориентированными [10]. Сегодня их исследования крайне популярны, но преимущественно среди филологов и психологов; мы же будем говорить о логико-философских проблемах виртуальной коммуникации.

Переход публичной привел к трансформации «стандартного ролевого набора» коммуникации: вместо двух авторов и молчаливой публики мы получаем неограниченное количество активных участников, которые могут добавлять комментарии в дискуссию; кроме того, читатели могут обозначать свою позицию,

ставя «лайк» (отметку «нравится») под теми высказываниями, с которыми согласны. Такая «массовизация» публичной переписки в совокупности со спецификой функционала используемых для переписки ресурсов привела к изменениям всех трех аспектов формы текста.

1) Стилистически произошел сдвиг с пользой так называемой устно-письменной речи [4], допускающей неформальное обращение к собеседнику и сленг. Представляется, что причиной такого изменения стало отсутствие временной дистанции между репликами переписки, в силу чего она начинает имитировать живую речь; снижение же «официоза» связано как со спецификой компьютерно-опосредованной коммуникации (когда за монитором «не видно» социального статуса собеседника), так и с неформальным в целом самопозиционированием коммуникативных сайтов. Стандартные сообщения обычно значительно короче, чем письма в традиционной публичной переписке, и представляют собой чаще реплики, нежели полноценные ответы.

2) Презентация связана с особенностями дизайна сайта и может варьироваться в нюансах. Обычно существует «стартовое сообщение», под которым дописываются комментарии (при большом их количестве они сразу отображаются не все, а только первые/последние/популярные); в большинстве случаев доступно также комментирование комментариев. Эта особенность провоцирует разворачивание внутри переписки нескольких веток дискуссии, которые развиваются параллельно и независимо друг от друга.

3) Аргументативная структура ответов оказывается более простой, по сравнению с традиционной версией публичной переписки – в силу краткости ответов, которые зачастую касаются только одного аргумента/квазиаргумента/тезиса начального сообщения. При этом различные ветки комментариев атакуют (или, наоборот, подтверждают) различные (квази)аргументы автора.

В этой связи иначе будут выглядеть и аргументационные диаграммы для электронной версии публичной переписки. Вместо двух полноценных карт мы получаем одну карту стартового сообщения и атакующие/подтверждающие ее множественные высказывания различных авторов.

В качестве case study проанализируем сообщение известного в русскоязычном пространстве сети FaceBook блогера Жюли Реше «Из жизни девчочковоподобных философов» и несколько «верхних» комментариев (принадлежащих трем различным пользователям).

Т: девчочковое тело – оптимальный носитель философствования.

А₁: если ты девчочка, то тебя не воспринимают всерьез.

А₂: если тебя не воспринимают всерьез, ты можешь не бояться быть уличенным в том, что чего-то не знаешь.

А₃: не боясь быть уличенным в незнании можно усомниться в важности самых признанных теорий, а это – условие философствования.

КА₁: я сама не воспринимала себя всерьез, и это знание было трагическим (апелляция к эмоциям).

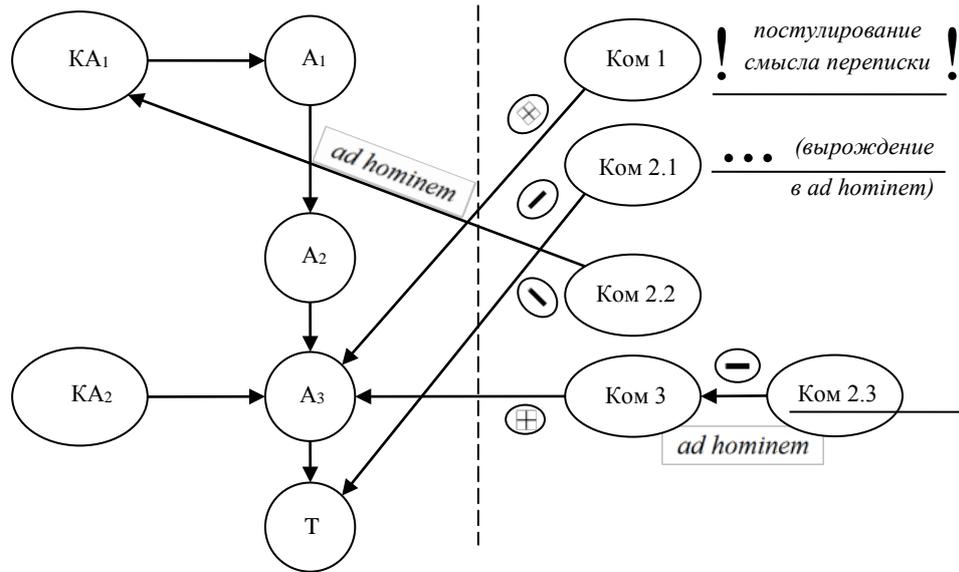
КА₂: я осознала это, сравнительно поумнев (вариация *ad hominem*, направленного на саму себя, – будем называть это «рефлексивным *ad hominem*»).

Ком 1: согласие с А₃ (В ответ на согласие комментатор получает формулировку смысла публичной переписки: «Я это знаю, вопрос в том, насколько это понимают другие»).

Ком 2.1: несогласие с Т (ветка вырождается в *ad hominem*).

Ком 2.2: *ad hominem*, направленные на КА₁.

Ком 3: согласие с А₃ (в ответ Комментатор 2 сводит все к вырождению в *ad hominem*).

Мы видим достаточно простую серийную аргументацию в стартовом тексте; тексты-ответы представляют собой скорее атавизмы от традиционной публичной переписки – каждый ответ содержит поддержку или критику только одного (квази)аргумента, при этом позволяя использовать себе некорректную уловку аргументации *ad hominem*. То есть в целом с точки зрения аргументативных структур публичная переписка, содержащаяся в социальных сетях, примитивизируется. Однако наличие большого количества комментариев и веток обсуждения, происходящего параллельно, говорит нам о том, что при попытке отобразить все их на одной карте мы получим чрезвычайно сложную и запутанную схему.

Прагма-аналитический подход предполагает кроме структурного еще и прагматическое исследование текстов, заключающееся в анализе «текстов-ответов» на исходный (анализируемый) текст. В случае с традиционной перепиской такой подход предполагает масштабное историко-философское исследование; однако в рамках виртуальной коммуникации возникает специфический функционал, позволяющий делать прагматический анализ текста на основании статистических

данных сообщения – а именно количества «репостов» (размещений стартового сообщения на своей странице другими пользователями; причем каждый такой «репост» может спровоцировать новую волну обсуждений, зачастую уже без участия автора стартового поста), «лайков» и комментариев. Мы будем исходить из того, что чем выше эти количественные показатели, тем выше коммуникативная эффективность поста/комментария. Так, анализируемый нами пост Жюли Реше собрал 359 «лайков», 12 «репостов» и спровоцировал 33 ветки комментариев, что является высоким показателем для социальной сети FaceBook и может свидетельствовать об актуальности освещенной в сообщении теме и эффективности (убедительности) авторского текста при его одновременной высокой провокационности. Полагаю, смыслом подобного рода провокационных сообщений можно считать возникновение полемики и, таким образом, привлечение публичного внимания к «острой» теме.

Итак, сопоставляя традиционную и виртуальную публичную переписку, мы приходим к таким выводам: 1) смыслом (и целью) публичной переписки в обоих случаях является привлечение общественного внимания к проблеме; 2) традиционная публичная переписка носит привилегированный, а виртуальная – массовый характер участия; 3) традиционная публичная переписка предполагает использование авторами текстов более сложных аргументативных структур, а электронная представляет собой ризому из многочисленных подветок комментирования и имеет более совершенный механизм выражения (не)согласия с автором его непосредственного читателя; 4) аргументативный потенциал текстов в обоих случаях направлен не только на непосредственного собеседника, но и на «незаинтересованного читателя».

Список литературы

1. Арндт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни / Х. Арндт ; пер. с нем. и англ. В. В. Бибихина. – СПб.: Алетей, 2000. – 437 с.
2. История русской журналистики XVIII–XIX веков / под ред. Запорова А. В. – М.: Высшая школа, 1973. – URL: <http://evartist.narod.ru/text3/01.htm>
3. Лосский В. Письмо В. Лосского Н. А. Бердяеву; прот. Сергей Четвериков. Открытое письмо Н. В. Бердяеву; Н. А. Бердяев. Об авторитете, свободе и человечности / В. Лосский, прот. С. Четвериков, Н. А. Бердяев // Путь. – 1936. – № 50. – С. 27–49.
4. Лутовинова О. В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации / О. В. Лутовинова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – Вып. 71. – С. 58–65.
5. Прайс Д. Дж. де С. Тенденции в развитии научной коммуникации – прошлое, настоящее, будущее / Д. Дж. де С. Прайс // Коммуникация в современной науке. Сборник переводов. – М.: Прогресс, 1978. – С. 93–109.
6. Реше Жюли. Из жизни девчонкоподобных философов [Электронный ресурс] / Ж. Реше – Режим доступа: <https://www.facebook.com/julie.reshe/posts/1487819361253269?pnref=story>.
7. Рыскельдиева Л. Т. Текстовая культура как объект историко-философских исследований / Л. Т. Рыскельдиева // Философский журнал. – 2017. – Т. 10. – № 1. – С. 136–153.
8. Рыскельдиева Л. Т., Коротченко Ю. М. Текстовый подход в социальной философии / Л. Т. Рыскельдиева, Ю. М. Коротченко // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Том 51. – № 1. – С. 153–170.

9. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. С предисловием к переизданию 1990 года / Ю. Хабермас; пер. с нем. В. В. Иванова. – М.: Весь мир, 2016. – 344 с.
10. Шапиро О. А. Массовая коммуникация в on-line измерении: смена парадигмы / О. А. Шапиро // Вісник національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого». Серія: філософія, філософія права, політологія, соціологія. – 2013. – № 2. – С. 57–65.
11. Шапиро О. А. О понятии аргументативного языка: прагма-аналитический подход / О. А. Шапиро // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2017. – № 38. – С. 15–22.
12. Шапиро О. А., Шкорубская Е. Г. Трансформация эпистолярного жанра в современной текстовой культуре / О. А. Шапиро, Е. Г. Шкорубская // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2016. – № 4 (49). – С. 257–265.
13. Эко У. и Мартини К. М. (кардинал) Диалог о вере и неверии / Эко У., Мартини К.М. ; Пер. с ит. (Серия «Диалог»). – 2-е изд. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. – 144 с.
14. Finocchiaro, Maurice A. Meta-Argumentation: An Approach to Logic and Argumentation Theory. London: College Publications, 2013. 279p.
15. Gross, Allan G., Harmon, Joseph E., Reidy, Michael S. Communicating Science: The Scientific Article from the 17th Century to the Present. – New York: Oxord University Press, 2002. – 267p.
16. Toulmin S. Return to Reason. – Harvard University Press, 2003. – 243 pp.

Shapiro O. A. Argumentation in Public Correspondence: from Journal Articles to Social Networks // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 3. – P. 30–41.

Annotation. The article deals with the phenomenon of public correspondence as a text format in the dynamics of its historical development. It turns out that when you switch to an electronic text culture, the purpose of the texts is preserved, whereas the form and the communicative situation created by the text vary significantly; the circumstances of the text generation vary in the traditional version of this format.

Text form analysis includes research of its stylistics, presentation modes and argumentative structure. The last one is the most interesting because of its connection with communicative situation changes: being included in the communicative process, a person gets an opportunity to express his (in)compliance with author's argumentation and join the discussion on the text topic.

Research of the public correspondence argumentative structures is conducted from the pragma-analytical approach, which is based on the M.A. Finocchiaro's ideas. After him we use diagrams for argumentative structures revealing; besides we can complete the empirical study of correspondence in the electronic textual culture with the interview method and data statistical analysis. As a result of our research we come to conclusion that transition to the electronic textual culture leads to the significant changes in the text argumentative potential, which influences its pragmatical characteristics.

Key words: correspondence, public text, virtual communication, format, textual culture, argumentation, pragma-analytical approach.

References

1. Arendt H. Vita Activa, ili O dejatel'noj zhizni. [Vita Activa, or About Active Life]. Sankt-Petersburg, Aletejja, 2000, 437p.
2. Istorija russkoj zhurnalistiki XVIII-XIX vekov [History of Russian Journalism of the XVIII-XIX Centuries]. Moscow, Vysshaja shkola, 1973. URL: <http://evartist.narod.ru/text3/01.htm>
3. Losskij V. Pis'mo V. Losskogo N.A. Berdjaevu [Lossky's letter to Berdjaev]; prot. Sergij Chetverikov. Otkrytoe pis'mo N.V. Berdjaevu [The Open Letter to Berdjaev]; N.A. Berdjaev. Ob avtoritete, svobode i chelovechnosti [On Authority, Freedom and Responsibility]. Put' [The Way], 1936, № 50, pp. 27–49.

4. Lutovinova O. V. Internet kak novaja «ustno-pis'mennaja» sistema kommunikacii [Internet as a New "Oral and Written" Communication]. Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A. I. Gercena [Proceedings of the Russian State Pedagogical Herzen University], 2008, V. 71, pp. 58–65.
5. De Solla Price, D. J. Tendencii v razvitii nauchnoj kommunikacii – proshloe, nastojashhee, budushhee [Trends in the Development of Scientific Communication – Past, Present and Future]. Kommunikacija v Sovremennoj nauke. Sbornik perevodov [Communications in Modern Science. Collection of Translations]. Moscow, Progress, 1978, pp. 93–109.
6. Reshe Zhjuli. Iz zhizni devochkovopodobnyh filosofov [From the Life of the Girl-like Philosophers]. Available at: <https://www.facebook.com/julie.reshe/posts/1487819361253269?pnref=story>
7. Ryskel'dieva L.T. Tekstovaja kul'tura kak ob'ekt istoriko-filosofskih issledovanij [Textual Culture as an Object of Study in the History of Philosophy]. Filosofskij zhurnal [Philosophical Journal], 2017, T. 10, № 1, pp. 136–153.
8. Ryskel'dieva L.T., Korotchenko Ju.M. Tekstovyy podhod v social'noj filosofii [Textual Approach in Social Philosophy]. Jepistemologija i filosofija nauki [Epistemology & Philosophy of Science], 2017, Tom 5, № 1, pp. 153–170.
9. Habermas Ju. Strukturnoe izmenenie publichnoj sfery: Issledovanija otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshhestva. S predislovijem k pereizdaniju 1990 goda [The Structural Transformation of the Public Society. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. With the preface to the 1990 re-issue]. Moscow, «Ves' mir», 2016, 344p.
10. Shapiro O.A. Massovaja kommunikacija v on-line izmerenii: smena paradig [Mass Communication in On-line Measurement: Paradigm Shift]. Visnik nacional'nogo universitetu «Juridichna akademija Ukraini imeni Jaroslava Mudrogo» [Bulletin of the National University "Yaroslav the Wise Law Academy"]. 2013, №2, pp. 57–65.
11. Shapiro O.A. O ponjatii argumentativnogo jazyka: pragma-analiticheskij podhod [On the Argumentative Hyperlanguage Notion: the Pragma-analytical Approach]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. [Bulletin of Tomsk State University]. 2017, № 38, pp. 15–22.
12. Shapiro O.A., Shkorubskaja E.G. Transformacija jepistoljarnogo zhanra v sovremennoj tekstovoj kul'ture [The Transformation of the Epistolary Genre in Modern Textual Culture]. Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura [Caspian region: politics, economy, culture]. 2016, № 4(49), pp. 257–265.
13. Eco U., Martini K. M. (kardinal) Dialog o vere i neverii [Dialogue about Faith and Unbelief]. Moscow, Biblejsko-bogoslovskij institut sv. apostola Andreja, 2007, 144 p.
14. Finocchiaro, Maurice A. Meta-Argumentation: An Approach to Logic and Argumentation Theory. London: College Publications, 2013. 279p.
15. Gross, Allan G., Harmon, Joseph E., Reidy, Michael S. Communicating Science: The Scientific Article from the 17th Century to the Present. – New York: Oxord University Press, 2002. – 267p.
16. Toulmin S. Return to Reason. – Harvard University Press, 2003. – 243 pp.

УДК 124.2

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТОК-ШОУ: ЦЕЛИ, АРГУМЕНТАЦИЯ, СМЫСЛ¹

Рыскельдиева Л. Т., Коротченко Ю. М., Шапиро О. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: ryskeldieval@gmail.com; yuliyakor03@gmail.com; shapiro.olha@gmail.com

В статье рассматривается жанр политического ток-шоу как одна из форм публицистического формата текста в современной текстовой культуре. Несмотря на популярность междисциплинарных исследований этого явления, авторы полагают, что ток-шоу должно стать предметом именно философского осмысления. Диахроническое исследование ток-шоу позволяет проследить линию формирования жанра от античных публичных политических речей через средневековые диспуты и публичную переписку XIX–XX веков к современной форме ток-шоу. Синхроническое исследование представляет собой жанровый и аргументативный анализ ток-шоу. В результате авторы приходят к выводам, что формально ток-шоу является наследником античной политической риторики, однако содержательно оно существенно отличается от нее: если во всех ранних формах политической публицистики смысл текста заключался в убеждении читателей, формировании у них определенной позиции по обсуждаемому вопросу, то цель ток-шоу – развлечение зрителя, заполнение его свободного времени. И хотя привлекательность ток-шоу обеспечивается как харизмой ведущего, так и специфической ролью зрителя (как собеседника, соавтора и одновременно судьи), оно тем не менее остается за пределами пространства смысла, создавая только его иллюзию.

Ключевые слова: аргументация, полемика, политический диалог, публицистика, публичная коммуникация, смысл, формат текста.

Устав от работы и удобно расположившись у телевизора, зритель оказывается в виртуальном мире, где собралась компания активных и словоохотливых людей. Среди этих людей он находит человека, как бы выражающего ее собственное мнение, представляющего его самого в публичном пространстве виртуальной коммуникации. Этот человек называет вещи теми же именами, находит правильные слова для выражения неартикулированной, недодуманной мысли. Это виртуальное пространство, манящее возможностью «как бы участия», – современное политическое ток-шоу. Что представляет собой жанр ток-шоу с точки зрения смысла, каково его место в огромной массе продуктов средств массовой коммуникации, какую роль оно играет?

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант № 16-03-00120 «Влияние форматирования на смысл: изменения в текстовой культуре и трансформация коммуникации»

Первая часть слова – «talk» – отсылает к разговору, беседе, вторая – «show» – к представлению или показу, термин «жанр» – к одному из видов литературы или искусства. На первый взгляд, мы имеем дело с новым видом творчества, возникшего в самой гуще межличностной коммуникации и призванного сделать из нее предмет эстетического восприятия. Мы, однако, полагаем, что в случае политического ток-шоу имеет место аберрация предполагаемого нами смысла этого события и как результат – трудноопределимый феномен с каким угодно смыслом или вообще без него. Даже будучи продуктом телекоммуникационных технологий, любое событие намеренно публичной речи с максимально широким адресатом, тем более непосредственно касающейся вопросов власти, следует назвать феноменом политического дискурса, имеющего так или иначе обнаруживаемые классические истоки. Отыскание классических истоков феномена и изучение моментов трансформации совокупности первоначальных значений и цели, имевшихся у него, может быть одним из репрезентативных способов рассуждений о смысле.

Античная риторика, которая наряду с философией сыграла значительную роль в становлении самосознания эллинов и формировании основ греческой пайдеи, может считаться таким истоком для любых публичных выступлений и в наши дни. Каковы цель и смысл публичных политических выступлений? Кто может взяться отвечать на эти вопросы? Ответ со всей очевидностью следует ждать от того, кто задает вопрос – от философии, ибо смысл есть то, что в наши дни становится темой размышлений, которая может объединить разрозненные господствующим ныне принципом междисциплинарности философские исследования.

Истоки классической античной риторики мы находим в мастерстве софистов, которые, по выражению А.-И. Марру, совершили в свое время «педагогическую революцию», взявшись учить нетрадиционному виду агона, учить побеждать не на олимпийском поприще, а в споре, в рассуждении, в диалектике. Среди них Протагор – первый учитель *πολιτικῆ τέχνης*, политического искусства как искусства убеждать посредством речи. В эпоху истинного расцвета **политическая публицистика** вступает вместе с Исократом, в деятельности которого софистическая «полиматия» (всезнайство) получила понятное и нужное применение, когда он сознательно и ярко **валюативно**² окрасил ораторское искусство, дал ему ясное ценностное наполнение: «Его красноречие не безразлично к морали; в особенности ему свойственны пафос гражданский и патриотический» [8, с. 126]. Риторика Исократа имела очевидную валюативную действенность, его «Панегирик» остался образцом текста, принадлежащего автору политически зрелому, морально ответственному и граждански активному именно за счет его открытости по отношению к ценностям, героям и целям его Родины, ее возрождению и будущему процветанию. Автор «Панегирика» предельно близко подошел к той позиции, с которой Платон устами Сократа бескомпромиссно

² Валюатив представляет собой обобщающую модель интерпретационной активности коллективного сознания – коллажный конструкт, объединяющий в себе «продукты» интерпретации социального мира коллективным субъектом [3, с. 154]. «Валюативно окрашенный» – это всегда интерпретация, явно выражающая ценностно-целевое и идеологическое отношение.

критиковал софистическое искусство красноречия – к идее блага, призвав ораторов не тратить силы на «судебные залоговые речи», но говорить «о делах, свершение которых освободит и их самих от затруднений, и для других окажется причиной великих благ» [1, с. 459].

Однако, несмотря на это обстоятельство, риторика вообще и политическая риторика в частности так и не получили единодушного одобрения у греческих философов. И Платон, непримиримо судящий о делах и речах с позиций высшего блага, видит в риторике лишь разновидность *κολακείμα* («колакейма») – **угодничества**, обратной стороны истинного искусства. Его Сократ в «Горгии» говорит о двух, можно сказать, типах и двух формах технэ: относящиеся к телу гимнастика и врачевание, а также относящиеся к душе государственное дело и правосудие. Все четыре, в свою очередь, имеют свою перверсию: «за врачеванием, повторяю, прячется поварское угодничество, за гимнастикой, таким же точно образом, – украшение тела: занятие зловерное, лживое, низкое, неблагородное, оно вводит в обман линиями, красками, гладкостью кожи, нарядами и заставляет гнаться за чужой красотой, забывая о собственной, которую дает гимнастика» [10, с. 281]. Риторика-колакейма, как говорил Сократ, «охотится за безрассудством», одурачивает и заманивает его каждый раз «желанным наслаждением», на деле являясь вовсе не искусством-технэ, а лишь его призраком-фантомом. Таким образом, в красноречии нас привлекает ложный блеск, делающий ее фантомом правосудия, тогда как софистика, породившая риторику, является фантомом государственного дела – политики. Не имеет ли эта позиция Сократа силы, проясняющей для нас место и роль всех социальных явлений, которые не могут обойтись без красноречия, не помогает ли нам греческая практика публичной жизни понять смысл нашей?

Современные ток-шоу представляют собой один из ярких примеров использования красноречия в медиасреде. За последнее время их анализу в научной литературе уделялось довольно много внимания.

В отечественной филологии сегодня защищены ряд диссертаций, посвященных ток-шоу: диссертация 2004 года Лариной Е. Г. на тему «Лингвопрагматические особенности ток-шоу как жанра телевизионного дискурса», диссертация 2016 г. Ковериной М. С. «Стратегии и тактики жанра телевизионного ток-шоу», диссертация 2016 г. Салихова А. Ю. «Лингвопрагматические особенности дискурса ток-шоу» и пр. Содержательные акценты филологические исследования делают на популярности ток-шоу и его интерактивности, причем популярность жанра обеспечивается в первую очередь социальной остротой поднимаемых проблем и уже только во вторую – мастерством и харизмой ведущего. Среди коммуникативных особенностей жанра отечественный исследователь ток-шоу Е. Ф. Коханов, например, выделяет следующие: 1) ток-шоу представляет собой социально-коммуникативную ситуацию, в рамках которой наблюдается соединение межличностной и массовой коммуникации; 2) межличностная коммуникация при этом является гибкой, максимально приближенной к повседневному общению и 3) при этом в наличии высокий уровень обратной связи с аудиторией [4, с. 55–57]. Отметим, что приближенность к повседневной коммуникации и вовлеченность в

нее аудитории здесь – видимость: публичная коммуникация всегда связана с необходимостью влияния не только на собеседника, но и на аудиторию, а «включенность зрителя» – просто игра, так как в реальности он не участвует в диалоге, но должен переживать этот диалог *как будто* является его участником. Возможность звонков и СМС-сообщений в студию, непосредственное обращение к телезрителям – скорее уловки, нежели реальные признаки участия зрителя в диалоге. Особая роль в ток-шоу отводится фигуре ведущего, и исследования лингвистов зачастую направлены на то, чтобы дать практические рекомендации для ведущих, стремящихся к успеху.

Логические исследования ток-шоу связаны преимущественно с поиском аргументативных ошибок и анализом способов влияния на оппонентов в рамках современной *informal logic*. Речь идет здесь о попытках приложить разработанные в рамках различных направлений неформальной логики образцы идеальной аргументации к эмпирическому материалу публичных дискуссий и выяснить, насколько эти дискуссии способны выдержать «проверку на рациональность» (см., например, статью Е. Н. Лисанюк [7]). Обратим внимание, что специфика жанра ток-шоу и политическая тематика не учитываются авторами; а вот особенности восприятия аргументации при посредничестве телевидения исследуется: например, Л. Лангсдорф указывает на снижение критичности восприятия аргументации при просмотре телепередач по сравнению с восприятием печатного текста или непосредственным участием в аргументативном дискурсе, поскольку телепередачи воспринимаются нами как «всего лишь развлечение» [17, с. 158].

Кроме того, ток-шоу успешно пополняет класс объектов, подлежащих междисциплинарному изучению. С. П. Поцелуев пишет: «Обращает на себя внимание явно междисциплинарный статус темы. Для осмысления политического диалога требуется участие сразу нескольких наук – политологии, лингвистики, логики, риторики, психологии... <...> “политической семиотики” и “политической дискурсологии”» [11, с. 17]. Применение этого подхода, однако, имеет свои методологические риски, среди которых, с одной стороны, фрагментарность эклектичного соединения разных аспектов предмета изучения, с другой – редукционизм как сужение предмета до его отдельного аспекта представляются нам серьезными помехами в деле создания целостного образа сложного социокультурного объекта. Преодолеть эти «подводные камни» междисциплинарности оказывается возможным, включив такой объект в сферу философской рефлексии. Мы полагаем, что рассмотрение ток-шоу как целостного явления в связи с его функцией производства общественно значимых смыслов – дело более существенное, чем попытки привести к общему знаменателю коннотативно различную терминологию и порой плохо коррелирующие между собой подходы в рамках разных научных направлений.

Ток-шоу – один из наиболее популярных сегодня способов организации полемики в публицистическом тексте. При этом публицистику мы понимаем как особый формат публичного текста (т.е. способ организации текста, подразумевающий определенные обстоятельства порождения, коммуникативную ситуацию между автором и адресатом и форму выражения [13]), адресованного

обществу в целом, публике [14]. Публицистический формат предполагает намеренную публичность текста, появляющегося в результате значимых социальных событий, претендующих на трансформацию публичной сферы, написанного на особом языке и выносимого на суд общественности в особой форме – через СМИ, Интернет, посредством открытой публикации; публикуемого (явно или неявно) от лица социальной общности «для ее адептов, против ее врагов и во имя сохранения ее целостности перед лицом внешних вызовов» [14, с. 166].

Использование жанра ток-шоу придает публицистическому формату специфические черты: смена формы текста здесь влечет за собой изменения и остальных базовых параметров формата.

Первое ток-шоу в истории телевидения выходит в 60-х гг. XX в. Жанр возник стихийно из публичного интервью: у Фила Донахью однажды закончились вопросы, и он решил делегировать роль спрашивающего зрителям, находившимся в студии [9]. Однако мы полагаем, что идейным предшественником ток-шоу были не интервью, а различные формы публичных дискуссий: интервью как жанр предполагает одного интервьюируемого, который просто излагает свою точку зрения по поводу предлагаемых вопросов и при этом не имеет полемического характера, что несимметрично с точки зрения выражения позиций и не предоставляет зрителю/читателю выбора между этими позициями. Ток-шоу же предполагают всегда несколько главных персонажей, публично вступающих между собой в полемическое противоборство. По-видимому, куда ближе (нежели интервью) жанру ток-шоу публичные университетские диспуты в Средние века и публичная политическая полемика, которой изобилует пресса XIX–XX веков и которую мы склонны интерпретировать как разновидность публичной переписки.

Средневековый диспут был явлением многогранным, преследующим целый спектр целей – от дидактической до воспитательной. Однако процедура его проведения напоминает нам именно современные ток-шоу, так как диспут имел: а) ведущего (профессора), который объявлял тему диспута заранее и как бы «модерировал» его проведение, б) аудиторию, которая имела возможность задавать вопросы и вступать в полемику, в) как бы «гостя студии» – бакалавра, который должен был отвечать аудитории. На втором этапе диспута ведущий-профессор давал также и свое решение обсуждаемого вопроса [6, с. 214]. И если академическая сторона этой процедуры трансформировалась в современную защиту квалификационных работ, то формальная сторона как раз напоминала знакомые нам развлекательные виды полемики.

Публичная переписка – иная форма того же явления. Только «ведущий» (теперь – редактор издания, на страницах которого ведется полемика) и аудитория как бы остаются в тени, фактически продолжая выполнять свои функции. Реконструируя публичные дискуссии, которыми были наполнены отечественные периодические издания XIX – начала XX века и которые имеют преимущественно политическую окраску [2], мы можем сопоставить их со стенограммой современных ток-шоу (если оставить только содержательные реплики гостей студии, убрав «рамку» диалога, задаваемую ведущим и зрителями) и найти много общего.

Сходство столь различных феноменов – средневекового диспута, публичной переписки и современного ток-шоу – обусловлено совпадением ключевых аспектов базовых параметров формата. Так, обстоятельства порождения текста во всех трех случаях предполагают: 1) наличие спорного тезиса 2) попытку убедить не только (и не столько) оппонента, но аудиторию и 3) публичный интерес к полемике. Коммуникативная ситуация во всех трех случаях ставит адресата полемики перед выбором между защищаемыми позициями: читатель/зритель не может остаться нейтральным, он должен принять одну из сторон. Таким образом, мы полагаем, что античная риторика «прорастает» в ток-шоу через средневековый диспут и публичную полемику XIX века. Однако что происходит с публицистическим форматом в этой исторической трансформации?

Первое, что нам необходимо прояснить, – это причины и цели ток-шоу как специфического жанра публичной политической коммуникации. Синтез причины и цели мы будем называть **«обстоятельствами порождения»**.

Сегодня политические ток-шоу мы можем считать ядром политически активной публичной сферы. Это связано, в первую очередь, с их популярностью, а следовательно, максимальным охватом зрительской аудитории и высоким уровнем эффективности при формировании общественного мнения. Напомним, что журналисты считают популярность этого жанра его существенным признаком. Это в первую очередь связано с полемической формой трансляции информации; как писал У. Липпман, «политика интересна только тогда, когда она оборачивается дракой или сопряжена с проблемной ситуацией. А для того, чтобы сделать политику популярной, проблемные ситуации должны быть найдены, даже если различия в суждениях, принципах или фактах не приводят к стычке между оппонентами» [5, с. 169]. Таким образом, одна из задач ток-шоу – не только развлечение, но и привлечение общественного внимания к политическим проблемам.

Исследуя публичную сферу, где господствуют СМИ, Ю. Хабермас ставит вопрос: «В какой мере она позволяет изменять, новаторски совмещать и критически фильтровать спектр ценностей, тем и доводов, канализированных под внешним влиянием?» [15, с. 43]. Действительно, если мы обратимся к эмпирическому материалу, то какими бы ни были изначально заявленные темы ток-шоу, ключевой вопрос в них всегда оказывается в сфере ценностей: именно в аксиологической терминологии всегда формулируется язык валюатива, на котором принято говорить в рамках публичной политической коммуникации. Именно на нем говорят герои ток-шоу, апеллируя к интерпретации зрителем тех или иных социально-значимых событий и явлений.

Ценности оказываются ядром общественного мнения, формирование которого возможно «благодаря прямому участию в публичной коммуникации» [15, с. 42]. При этом «этично-политическое позиционирование того, как мы хотим жить в качестве членов определенного коллектива, должно быть по крайней мере созвучно с моральными нормами. В основе переговоров должен лежать обмен аргументами» [15, с. 36]. Ясно, что особенно популярными ток-шоу становятся в преддверии социально значимых событий (напр., выборов). Таким образом, ток-шоу представляет собой коммуникативное действие, где в результате аргументации у

массового зрителя якобы должна сформироваться (или закрепиться?) устойчивая позиция по поводу тех или иных общественно значимых вопросов. Здесь мы имеем дело с «двойным дном» коммуникации: на первом уровне перед нами – классическая ситуация публичного спора, когда его участники в форме дискуссии друг с другом представляют аргументы, нацеленные не на оппонента, но на аудиторию; на втором уровне перед нами хорошо отрежиссированная ситуация, в которой заведомо известны выигравшие и проигравшие; в случае непредвиденных поворотов в дискуссии ее направляет в нужное русло ведущий, который может прерывать ее участников, комментировать сказанное ими, задавать провокационные вопросы и пр.

Что касается первого уровня, то хороший пример его исследования на конкретном эмпирическом материале – анализ ток-шоу “К барьеру!”, сделанный Е. Н. Лисанюк [7]. В этой дискуссии «ни одна из сторон не считает ни свою позицию, ни свои аргументы приемлемыми для другой стороны по существу и в качестве доводов» [7, с. 219], что противоречит базовому правилу приемлемости, которое принимают все исследователи аргументации, независимо от их теоретических позиций и предпочтений. Е. Н. Лисанюк в своей статье придерживается прагма-диалектического подхода; мы же сошлемся на П. Рикёра: «хороший аргумент есть тот аргумент, который в идеальном случае будет не только понят, принят за правдоподобный, но и приемлем всеми заинтересованными сторонами» [12, с. 136]. При этом сам Рикёр подчеркивает близость своей позиции к теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Однако Е. Н. Лисанюк приходит к выводу, что мы все-таки можем считать дискурс ток-шоу рациональным – в том случае, если мы примем аудиторию как третьего участника дискуссии, все видимые нарушения принципов рациональной аргументации нивелируются, принцип кооперации (закрывающийся в приемлемости аргументации для другой стороны) можно считать соблюденным.

Что касается второго уровня, то здесь все менее прозрачно, но и более тонко с точки зрения используемых аргументативных стратегий. С одной стороны, ведущий (автор) шоу подбирает состав участников теледискуссии соответственно поставленной цели, определяет порядок их выступления и пр. Например, в ток-шоу «Шустер live» от 4.11.2016 мы видим в качестве приглашенных участников – набор «типажей»: блоггер, ветеран, генерал, доброволец АТО, юрист. При этом каждый из них ведет себя соответствующим образом: доброволец АТО постоянно использует «лозунговые слова», генерал неоднократно повторяет фразу «я аргументирую» – хотя аргументов он на самом деле не приводит, блоггер пытается выйти на уровень обобщений и абстракций. Т. е. ведущий шоу подбирает для участия персонажей «валюативной дуги», оцениваемых в рамках валюатива как герои, мученики, иногда – враги. При этом для исследуемого шоу характерно отсутствие реальной дискуссии: мы наблюдаем скорее несколько параллельных монологов, в целом не связанных друг с другом, хотя формально относящихся к общей теме. Обратим внимание на то, что попытки участников полемики чаще всего пресекаются модератором: так, например, в выпуске «Шустер live» от 26.01.2017 Н. Савченко

делает попытки ответить остальным участникам шоу, но ведущая все время пытается перенаправить ее реплики, предлагая другие вопросы для ответа.

Другую стратегию мы встречаем в ток-шоу В. Соловьева «Поединок», однако и там мы можем отметить практически архетипический подбор участников. Например, в шоу от 2.02.2017 участвуют В. Ковтун и С. Кургинян, олицетворяющие собой две полярные позиции по отношению к вопросам, связанным с ситуацией в Украине; такую же оппозицию представляют в шоу от 26.01.2017 С. Кургинян и Г. Амнуэль: их диалог будто инсценирует столкновение острой оголенности современных проблем (Кургинян все время возвращается к проблеме Украины) с романтизацией памяти прошлого (Амнуэль сопоставляет все происходящее с революцией 1917 года).

Псевдоаргументативность и псевдодиалогичность ток-шоу заставляет задаться вопросом: в какой мере манипулирование общественным мнением в результате валюативного влияния на общественное сознание в наши дни является главной целью СМИ, реализуемой с помощью ток-шоу? Не оттесняется ли она на второй план их развлекательным, игровым, постановочным характером?

Развлекательность ток-шоу напрямую связана с ими порождаемой коммуникативной ситуацией. Развлекательная функция ток-шоу реализуется благодаря, с одной стороны, «остроте» тематики и одновременно полемической остроте передачи, а с другой стороны – той роли, которая отводится зрителю. Эта роль двояка: зритель является «как бы» участником дискуссии – «безмолвным партнером по диалогу, в лучшем случае предлагающим альтернативы “в своей голове”» [17, с. 159]; но и одновременно судьей, стоящим «над» участниками коммуникативного процесса.

Роль судьи оказывается для зрителя эмоционально привлекательной и при этом не требует от него интеллектуальных или эмоциональных затрат. Она может быть явной (например, в ток-шоу «К барьеру!» победитель в споре определяется путем зрительского sms-голосования) или не явной, но в любом случае зритель, смотрящий ток-шоу, оценивает его с позиций своей валюативной картины мира. Т. е. обычно в самом ток-шоу не выносятся окончательных вердиктов: акт завершения коммуникации должен совершить зритель, который принимает решение, кто из политиков был более убедителен. Это решение – не плод рациональной аргументации, не результат большей обоснованности позиции одного из гостей шоу. Главным критерием вынесения вердикта является изначальная установка зрителя, т. е. (перефразируя слова У. Эко) понимание идеологических структур ток-шоу зависит от идеологических пристрастий зрителя, а определенная идеологическая установка зрителя может привести или к восприятию, или, наоборот, к полному невосприятию идеологических структур этой передачи [16, с. 45]. Однако в таком случае судья оказывается в некотором смысле соавтором – если не автором! – текста, т. к. именно он вкладывает определенный смысл в дискурс политического диалога в рамках ток-шоу.

Именно здесь кроется сущность трансформации публицистического формата от античных речей через диспуты и публичные споры к ток-шоу. Античный оратор произносит речь с целью побудить слушателей к некоторому действию или

изменить (возможно – сформировать) их точку зрения по тому или иному вопросу; публичная переписка старается привлечь внимание общественности к социально-значимым вопросам и склонить читателя к той или иной позиции, но в обоих случаях смысл публичного выступления – в убеждении. Ток-шоу же оказывается «вырожденным» отпрыском публицистического формата: не убеждая, не формируя позицию, оно развлекает и заполняет собой пустоту, т. е. оказывается в пространстве «квазисмыслов». Шоу – это и не искусство, и не политика; апелляция к рейтингу, учет вкусов и интересов публики – все, что делается «на потребу», здесь не требуют осуждения, так как консьюмеристская интенция выражена явно. Современная «колакейма» здесь – лишь перверсия классического «технэ», которая может использоваться организаторами в своих целях. Достижение ими этой цели есть своеобразная «плата» смотрящих за то, что им показывают, обслуживая и угождая.

Подведем итоги. Мы полагаем, что, не смотря на свое ситуативное происхождение из интервью, ток-шоу является наследником античной риторики, в котором публичность, угодничество и развлекательный характер подчинили себе аргументативные цели. Глядя на этот факт сквозь призму структуры формата, мы видим, что если в античности доминирующую роль играли обстоятельства порождения текста, стержневыми в которых были аргументативные цели античной речи, то теперь на первый план вышла коммуникативная ситуация, в которой зритель чувствует себя «как бы участником» и одновременно «как бы судьей». Этот перекосяк, нехарактерный для античной риторики, ставит ток-шоу в особое положение среди других публицистических текстов, задачами которых (как и всего СМИ) принято сегодня считать формирование общественного мнения. Ток-шоу не способно сформировать позицию зрителя; оно отмежевывается от смысла, служит для заполнения пустоты и с помощью иллюзии создает ощущение отвлеченности от бессмысленности.

Список литературы

1. Исократ. Панегирик / Исократ // Хрестоматия по античной литературе для вузов в 2-х томах. Том 1. Греческая литература / сост. Дератани Н.Ф. и Н.А. Тимофеева. – М.: Просвещение, 1965. – С. 459.
2. История русской журналистики XVIII–XIX веков / под ред. Западова А. В. – М.: Высшая школа, 1973. – URL: <http://evartist.narod.ru/text3/01.htm>
3. Коротченко Ю. М. Валюативное моделирование коллективного сознания / Ю. М. Коротченко // Философия науки и техники. – 2016. – Т. 21. – № 1. – С. 152–168.
4. Коханов Е. Ф. Политические ток-шоу: диалогичность и интерактивность? / Е. Ф. Коханов // Вопросы теории и практики журналистики. – 2013. – Т. 4. – № 1. – С. 50–59.
5. Липпман У. Общественное мнение / У. Липпман; пер. с англ. Т. В. Барчуновой. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
6. Лисанюк Е. Н. Средневековый диспут / Е. Н. Лисанюк // Логико-философские штудии. – 2006. – № 4. – С. 212–227.
7. Лисанюк Е. Н. Является ли политическая дискуссия аргументативной? (На материале ток-шоу «К барьеру») / Е. Н. Лисанюк // Мысль: Аргументация: Сб. статей / под ред. А. И. Мигунова, Е. Н. Лисанюк. – СПб.: Издательство С.-Петербур. ун-та, 2006. – С. 218–229.
8. Марру А. И. История воспитания в античности (Греция) / А. И. Марру ; пер. с франц. А. И. Любжина – М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1998. – 413 с.
9. Могилевская Э. Ток-шоу на ТВ: происхождение, разновидности, приемы манипулирования / Э. Могилевская // RELGA (Научно-культурологический журнал). – 2006. – №15.(137) [Электронный

ресурс] / Э. Могилевская – Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1114&level1=main&level2=articles>

10. Платон. Сочинения в трех томах. Т. I. / Платон ; под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса – М.: Мысль, 1968. – 623 с.

11. Поцелуев С. П. Политические парадialogи / С. П. Поцелуев. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. – 392 с.

12. Рикер П. Справедливое / Рикер П.; пер. с фр. Б. Скурагова, П. Хицкого. Послесловие Э. Шлоссер. – М.: Гнозис, Логос, 2005. – 304 с.

13. Рыскельдиева Л. Т. Текстовая культура как объект историко-философских исследований / Л. Т. Рыскельдиева // Философский журнал. – 2017. – Т. 10. – № 1. – С. 136–153.

14. Рыскельдиева Л. Т., Коротченко Ю. М. Текстовый подход в социальной философии / Л. Т. Рыскельдиева, М. Ю. Коротченко // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Том 51. – № 1. – С. 153–170.

15. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества. С предисловием к изданию 1990 года / Хабермас Ю.; пер. с нем. В. В. Иванова. – М.: Весь мир, 2016. – 344 с.

16. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко; пер. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. – СПб.: Симпозиум, 2007. – 502 с.

17. Langsdorf L. Dialogue, Distanciation, and Engagement: Toward a Logic of Televisual Communication / L. Langsdorf // Informal Logic. – 1988. Vol 10. – №3. – pp. 151–168.

Ryskeldieva L.T., Korotchenko Y.M., Shapiro O.A. Political Talk-Show: Purposes, Argumentation and Sense // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 3. – P. 42–52.

The article considers political talk-show genre as a one of the form of publicistic format in the modern textual culture. Despite the popularity of interdisciplinary studies of this phenomenon (linguistics, psychology, political science, logic etc. are interested in the subject), the authors believe that the talk-show should be the subject of philosophical reflection. The diachronic study of talk-show allows tracing the line of genre formation from ancient public political speeches through medieval disputes and public correspondence of the XIX-XX centuries to the modern form of talk-shows. Synchronous research is a genre and argumentative analysis of talk-shows. The authors conclude that formally talk-show is an ancient rhetoric heir, but it differs significantly from ancient texts: the purpose of the all of the ancient political publicistic texts, medieval disputes and public correspondence was conviction of readers, creation a certain position on the issue under discussion, but talk-show purposes are entertainment of viewer, filling his free time. And although the attractiveness of the talk-show is ensured both by the charisma of an anchorperson and by the specific role of a viewer (as an interlocutor, co-author and at the same time a judge), it nevertheless remains outside the space meaning, but creates only its illusion.

Key words: argumentation, polemics, political dialogue, publicism. public communication, purpose, text format.

References

1. Isokrates. Panegirik [Panegyricus]. Khrestomatiya po antichnoy literature dlya vuzov v 2-kh tomakh. Tom 1. Grecheskaya literature [Anthology on Ancient Literature for Universities in 2 Volumes. Volume 1. Greek Literature] / sost. Deratani N.F. i N.A. Timofeeva. Moscow, Prosveshchenie, 1965, P. 459
2. Istorija russkoj zhurnalistiki XVIII-XIX vekov [History of Russian Journalism of the XVIII-XIX Centuries]. Moscow, Vysshaja shkola, 1973. URL: <http://evartist.narod.ru/text3/01.htm>
3. Korotchenko Yu.M. Valyuativnoe modelirovanie kollektivnogo soznaniya [Valuative Modeling of Collective Consciousness]. Filosofiya nauki i tekhniki [Philosophy of Science and Techniques]. 2016, T. 21, № 1, pp.152-168.
4. Kokhanov E.F. Politicheskie tok-shou: dialogichnost' i interaktivnost'? [Political Talk Shows: Dialogue and Interactivity?]. Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki [Issues of Theory and Practice of Journalism], 2013, T.4, № 1, pp. 50-59.

5. Lippmann U. Obshchestvennoe mnenie [Public Opinion]. Moscoq, Institut Fonda "Obshchestvennoe mnenie", 2004, 384p.
6. Lisanyuk E.N. Srednevekovyy disput [Medieval Dispute]. Logiko-filosofskie shtudii [Logical and Philosophical Studies], 2006, № 4, pp. 212–227.
7. Lisanyuk E.N. Yavlyaetsya li politicheskaya diskussiya argumentativnoy? (Na materiale tok-shou "K bar'eru") [Is the Political Argument Argumentative? (On the Material of the Talk Show "To the Barrier")]. Mysl': Argumentatsiya [Thought: Argumentation]. Sankt-Petersburg, Izdatel'stvo S.-Peterb. un-ta, 2006, pp. 218–229.
8. Marru A.-I. Istoriya vospitaniya v antichnosti (Gretsiya) [History of Education in Antiquity (Greece)], Moscow, «Greko-latinskiy kabinet Yu.A. Shichalina», 1998, 413p.
9. Mogilevskaya E. Tok-shou na TV: proiskhozhdenie, raznovidnosti, priemy manipulirovaniya [Talk Show on TV: Origins, Varieties, Manipulation Techniques]. RELGA(Nauchno-kul'turologicheskij zhurnal) [RELGA (Scientific and Cultural Journal)], 2006, №15. (137). Available at: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1114&level1=main&level2=articles>
10. Plato. Sochineniya v trekh tomakh. T. I. [Works in Three Volumes. Vol.1], Moscow, Mysl', 1968, 623 p.
11. Potseluev S.P. Politicheskie paradialogi [Political Paradialogues] Rostov-on-Don: Izd-vo YuFU, 2008, 392p.
12. Rikoeur P. Spravedlivoe [The Fair]. Moscow, "Gnozis", "Logos", 2005, 304p.
13. Ryskel'dieva L.T. Tekstovaya kul'tura kak ob#ekt istoriko-filosofskih issledovaniy [Textual Culture as an Object of Study in the History of Philosophy]. Filosofskij zhurnal [Philosophical Journal], 2017, T. 10, № 1, pp. 136–153.
14. Ryskel'dieva L.T., Korotchenko Ju.M. Tekstovyy podhod v social'noj filosofii [Textual Approach in Social Philosophy]. Jepistemologija i filosofija nauki [Epistemology & Philosophy of Science], 2017, Tom 5, № 1, pp. 153–170.
15. Habermas Ju. Strukturnoe izmenenie publichnoj sfery: Issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshhestva. S predislovиеm k pereizdaniyu 1990 goda [The Structural Transformation of the Public Society. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. With the preface to the 1990 re-issue]. Moscow, «Ves' mir», 2016, 344p.
16. Eco U. Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta [The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Text]. Sanct-Petersburg, Simpozium, 2007, 502p.
17. Langsdorf L. Dialogue, Distanciation, ade Engagement: Toward a Logic of Televisual Communication / L. Langsdorf // Informal Logic. – 1988. Vol 10. – №3. – pp. 151–168.

УДК 101.1:316"312"

ОБЩЕСТВО ВНЕ ЯЗЫКА: СОЦИАЛЬНАЯ УТОПИЯ Р. БАРТА

Бражникова Я. Г.

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: ilyana77@yandex.ru

В статье предложено своего рода введение в проблематику поздних социально-философских исследований Ролана Барта (1915–1980) в свете его ставших уже классическими работ о языке. Попытка мыслить коммуникацию и «жизнь-вместе» вне языковых оппозиций «речь – письмо», «означающее – означаемое» и т. п. приводит Барта к новому образу как языковой системы, так и самого социального мира. «Нейтральное письмо», к которому обращены ранние тексты Барта, обнаруживает этико-политическое измерение. Социальное, как и язык, не сводится ни к уникальному, ни к универсальному. Вопрос о «социальном», таким образом, освобождается от образа «языковой тюрьмы» и трансформируется в задачу описания пространственных моделей «жизни-вместе».

Ключевые слова: Ролан Барт, социальное, сообщество, язык, нейтральное, утопия.

Социальная утопия, преодолевающая языковую предопределенность, – один из ключевых сюжетов нововременной рефлексии. В XX столетии он получил неожиданное развитие в работах Ролана Барта, где выход к социальному вне языка позволяет иначе взглянуть как на сообщество, так и на языковую систему.

Цель данной статьи – уточнить и расширить бартезианскую концепцию соотношения *языка* и *социального*, знакомую отечественной гуманитаристике по его ранним текстам, в свете недавней публикации на русском языке его курса лекций в Коллеж де Франс «Как жить вместе: романические симуляции некоторых пространств повседневности» (1976–1977) [3]. В рамках подобного «перепрочтения» нашей задачей становится, прежде всего, обращение к интерпретации ставших классическими работ Барта о языке [1; 2] в контексте проблемы обоснования социального мира. Что позволяет решить и еще ряд задач, в частности, объяснить ту потребность в утопическом макетировании социального, которую сам Барт объявляет целью учебного курса в 1976-м [3], показать неслучайность такого «произвольного», «фантазматического», как выражается сам лектор, хода.

Смещение фокуса от критического, ироничного и радикального анализа форм массовой культуры к утопическому построению возможной идеальной формы сосуществования, которое мы наблюдаем в поздних разработках французского интеллектуала, связано с переосмыслением повседневности и ритма социальной жизни: «Утопия коренится в некоторой повседневности. Чем настоятельнее эта повседневность для человека (для его мысли) – тем сильнее (тщательнее

разработана) утопия» [3, с. 47]. По-видимому, именно это и предопределило «неудачу» курса лекций Барта: в ходе последней лекционной встречи он сам признается, что все выявленные им «принципы идиорритмической утопии» не могут стать утопией социальной, в отличие от Фаланстера или даже платоновского «Государства» [3, с. 236–237]. Однако это лишь подчеркивает значимость предпринятого поиска. Принципы *идиорритмии*, «изобретенные» Бартом, если и не дают образа идеального несуществующего пока общества, то вводят в пространство того, что сам он оценивает следующим образом: «Утопия в собственном смысле этого слова, утопия как форма Высшего Блага» [3, с. 240]. В наши задачи не входит рассмотреть все следствия этого бартезианского открытия, мы постараемся лишь зафиксировать тот путь к утопии идиорритмической «жизни-вместе», который связан со статусом *речи, языка, имен* и выдвигаемой в ранних работах Барта идеей «общества без языка».

Ранние статьи Барта нередко воспринимаются в качестве манифеста «языковой тюрьмы»: изменение общества возможно только через изменение языка. Однако вопреки этому образу бартезианской мысли, для которой сообщество немислимо вне языка, мы можем видеть в ней иные, противоречивые желания: попробовать обойтись *без языка* [8] или успешно «обходиться с языком», которого не понимаешь [2].

Барт замечает, что лингвисты более озабочены вопросом «что есть социальное», нежели социологи – проблемой языка. Сообщество может мыслиться прежде всего как язык. Это, однако, не означает, что оно может быть расшифровано, подобно языковому коду, или представлено как совокупность «дискурсов», образующих повседневные пространства. Именно язык как система знаков, несводимая в отдельности ни к письму, ни к речи, ни к тексту, являет тот образ мира, который является ближайшим к опыту социального. Другой вопрос: как мыслится сам язык, не подменяется ли он представлением об атемпоральной системе линейных соответствий, для которой социальное будет выступать лишь как объект описания, регистрации, классификации? Образ языка как системы воспроизводит и одновременно конструирует представление о социальном целом, а в конечном счете – само это целое. Сообщество обосновано в некоторой «точке до языка», которую М. Мерло-Понти называл «точкой тишины, из которой изъясняется мир» [11, с. 372]. В ней не только нет еще «общения», «коммуникации», «бытия-с-другим», но даже «нет еще человека». Когда Барт обратится к феномену «жизни-вместе», законное место в нем сразу же займут животные, цветы, комнаты, кулинарные блюда. Социальное предсуществует появлению человека.

Известно, что Ф. де Соссюр определял язык как «результат общественного соглашения», как «общественное установление» [6, с. 22, 70]. Барт, напротив, неоднократно указывал на то, что само социальное единство является результатом языкового производства: письмо выступает как «производство социального единства» [1, с. 322]. Оба тезиса отсылают к третьему: язык, как и социальное, возникает в измерении, которое существует *до* единого сообщества, *до* единой языковой системы. Отсюда двойственность и принципиальная незавершенность, присущие обеим «системам»: как сообщество не может быть удовлетворительно

репрезентировано в какой-либо речи, не может быть опрошено и проговорено, так и язык не является «средством общения», то есть средством передачи сообщений в уже существующем сообществе. Сообщество возникает как речь и сохраняется как язык. Возникновение языка (имен, различий, знаков) сопровождает и производит внутреннее деление социального пространства, в котором одновременно устанавливаются и называются ключевые границы и различия.

Когда Ф. де Соссюр утверждает, что возникновение языка является социальным фактом, а именно фактом общественного соглашения (конвенции), он тем самым воспроизводит известную социально-политическую парадигму договора. Отражением ее являются и ряд дихотомий, воспроизводимых Соссюром: синхронии и диахронии, индивидуального и социального и т. д. Вместе с тем он же обращает внимание на добровольно-принудительный статус языка: «Этот факт, кажущийся противоречивым, можно было бы, грубо говоря, назвать “вынужденным ходом”. Языку как бы говорят: “Выбирай!”, но тут же добавляют: “вот этот знак, а не другой!” Не только отдельный человек не мог бы, если бы захотел, ни в чем изменить сделанный уже языком выбор, но и сам языковой коллектив не имеет власти ни над одним словом; общество принимает язык таким, какой он есть (*telle qu'elle*)» [6, с. 70]. В этом смысле язык, как свидетельствует Барт, скорее «заставляет», чем позволяет нечто сказать.

«Произвольность языка» подразумевает несводимость его к какой-либо внешней обоснованности, невозможность рационализировать соответствия, которые в нем возникают. Невозможно установить правило, лежащее в основании соответствия означающего означаемому в различных языках, правило, открывающее путь к универсализации разделенных (социально, исторически, географически и т. д.) языков, а также позволяющее выявить механику построения поэтического текста. Именно радикальная случайность, которую Соссюр кладет в основание языка, превращает его в социальный факт и делает его социальным установлением.

Соссюровское различие между языком как готовым продуктом – социальным явлением, принимаемым «непреднамеренно», и речью как индивидуальной, многообразной и второстепенной деятельностью, которая приобретает характер установления только когда превращается в факт языка и принимается всем языковым коллективом, – имеет условный характер. Язык, как и сообщество, обоснован в промежутке между «коллективным» и «индивидуальным», пассивным и активным, произвольным и преднамеренным. Оба имеют характер структуры в том значении этого понятия, которое подразумевал М. Мерло-Понти, когда говорил, что структура практикуется говорящими и действующими «сама собой»: «скорее она их имеет, чем они ее» [5, с. 132]. Это социолингвистическое единство структуры имеет еще одно важное следствие, также подмеченное Мерло-Понти: признак диакритичности лингвистического знака, описанный Соссюром, непосредственно приложим к описанию социального взаимодействия. «Когда Соссюр говорит, что лингвистический знак диакритичен, – то есть, что он действует только благодаря своему отличию, в силу определенного расхождения между ним и другими знаками, а не потому, что вызывает в представлении определенное

позитивное значение, – он подчеркивает единство языка..., систематизацию, которая осуществляется в языке до того, как станет известным его идеальный принцип» [5, с. 132].

Собственно, именно эта «нетрансцендируемость» как языка, так и сообщества делает необходимой «эйнштейнову революцию в лингвистике» [1, с. 527], которую в 1973 году Р. Барт выдвигал как своего рода исследовательскую программу. Уже тогда он обращал внимание, что при традиционном научном анализе языков «едва ли не упускается из виду самый животрепещущий вопрос: непрозрачность социальных отношений» [1, с. 527].

В известном смысле этот поворот к «лингвистике лингвистики» будет осуществлен нелингвистом П. Бурдьё: наряду с проектами «социологии социологии» и «философии самой философии», вопрос о языке был рассмотрен им в работе с дважды говорящим названием «Что значит говорить?» («Ce que parler veut dire» – дословно: о чем говорит говорение? что хочет сказать высказывание?) [10]. Эта книга, созвучная в своей «наивной» постановке вопросу названию курсу лекций Барта «Как жить вместе» [3], интересна тем, что в ней также внимание сосредоточено на взаимосвязи правления и речи – Rex, Regnum и Regula, которую Барт рассматривал прежде всего в связи с ритмом и пространством, в режиме «без языка» [3, с. 212].

Так, Бурдьё ставит вопрос, с ответа на который, наверное, должен был бы начинаться любой курс общей лингвистики: что может сказать нам сам язык о самой практике пользования языком? Иными словами: что означает само слово «говорить» и какой ряд значений за ним стоит? Этот вопрос ставился уже М. Хайдеггером в работе «Путь к языку». В переводе В. В. Библихина этимологию «языка» Хайдеггер выводит через «сказ» к «показу» [7, с. 265]. Во французском языке возникает совершенно иной этимологический ряд: dire (сказать, говорить) связано с droit (право, правый) и непосредственно отсылает к глаголу diriger (править). «Говорить» и «править» связаны в грамматическом, политическом, педагогическом смыслах и обнаруживают своеобразную гомологию. Акт говорения сам является актом установления правила, которое вместе с тем предшествует ему и руководит им – правит, направляет. Язык перформативен по своей сути: он осуществляет то, что сам устанавливает. Правило структурирует язык в самой речи. Говорить, таким образом, – значит прежде всего осуществлять правило, лишая его статуса замершей, неподвижной структуры.

Язык вводит фундаментальные социальные измерения (статусы, переходы, различия) и одновременно скрывает и маскирует их, превращая в знаки. Речь правит. В этом контексте Бурдьё рассматривает *ритуалы перехода* (или *ритуалы установления*, характерным примером которых могут служить как древние, так и современные разновидности инициаций) как действия, направленные на легитимацию границы, отделяющую посвященных от непосвященных (социализованных от несоциализованных). Смысловое целеполагание иницируемого направлено на переход из одного состояния в другое, на узнавание скрытого от него смысла, на «познание себя самого». Между тем действительная цель, которую ненамеренно он реализует, заключается в легитимации социальной

границы, которую подтверждает сам акт перехода. Подобным образом, высказывание нацелено на выражение определенного смысла, но вместе с тем говорящий, который оживляет систему языка, воспроизводит – и, возможно, в новом качестве – социально значимые структуры [10, с. 21].

Всякое высказывание имеет ненамеренное социальное измерение, однако социальный опыт осуществляется до, а возможно, и вопреки высказываемому смыслу, хотя и совершается именно в языке, в речи, а не в пространстве «невывыказываемого». В «Империи знаков» Барт описывает собственное попадание в иную языковую систему как опыт непереводаемого, немислимого, который одновременно является опытом открытия «идеологии самого нашего языка». Тот, кто попадает в иное языковое пространство, не включен в практику инструментального использования языка – в «плоскость социальности и общеупотребительности» языка. Он находится как бы на его границе, благодаря этому ему приоткрывается социальная работа значения и знака, которая протекает по ту сторону коммуникации. Это позволяет увидеть «преломляющиеся в этом новом языке невозможности нашего языка; выучить систему непостижимого; создать наше “реальное” по законам иного монтажа, иного синтаксиса; обнаружить немислимое до этого положение субъекта в обществе» [2, с. 2–3], сместить топологию собственного языка. Смещение высвечивает основание той речи, которой мы владеем, и одновременно «чистую значимость» незнакомого языка. «В этой самой стране (Японии) империя означающих настолько широка, настолько превосходит речь, что обмен знаками сохраняет ..., подвижность, утонченность, несмотря на непроницаемость языка, а иногда даже благодаря этой самой непроницаемости», – замечает Барт [2, с. 18].

Благодаря расширению за границы того, что мы обычно связываем с речью и языком (означающее, означаемое, субъект, высказывание, смысл), обмен знаками направляет нас от поверхностной социальности, от «либерального пользования языком» (Барт) – к сообществу, которое не исчерпывается ни в каком отдельном высказывании и не поддается выпрямлению в линейной практике письма. Речевое и письменное удвоение общения предстает в этом случае как комментарий, лишаящий сообщение его собственного, нелинейного смысла и придающий общению статус «коммуникации». Хокку – упражнение в некоментировании, весьма непростое для привычных нам форм понимания, которые фатально сопряжены с анализом, пересказом, отделением главного от второстепенного. О невозможности брать/держать и даже передавать слово в режиме «либерального пользования» будет свидетельствовать курс Барта «Как жить вместе» и одновременный ему семинар «Держать речь» (1976–1977) в Коллеж де Франс. Позже именно этот ход будет активно эксплуатироваться Ж. Бодрияром в разработке гомологии неограниченной лингвистической и экономической продуктивности: «Одна и та же историческая мутация обеспечивает переход от социальных формаций, где материальные блага, число индивидов и произнесение слов более или менее строго ограничены, изъяты из свободного оборота и контролируются в рамках символического цикла, – к “современным”, то есть

нашим, социальным формациям, для которых характерна бесконечная продуктивность, как экономическая, так и лингвистическая ...» [4, С. 335].

Язык и сообщество ускользают как от универсализации, так и от уникализации одновременно. Ни как *stadium*, ни как *punktum* они не представлены. В обоих случаях мы имеем дело с искусственным объектом, ибо «упускаем непрозрачность социальных значений» (Барт), с одной стороны, и «непроизводимость сообщества» (Ж.-Л. Нанси) – с другой. В «Нулевой степени письма» Барт делал ставку на нейтральное письмо, связывая с ним утопию нейтрального сообщества. Нейтральное еще вернется и станет центральной – этико-политической – темой курса в Коллеж де Франс 1977–1978 гг. [9]. Однако выход за пределы контракта лингвистического/социального Барт совершает в курсе «Как жить вместе», где саму проблему социального и вопрос о сообществе предложено мыслить *вне языка*.

К примеру, в том сообществе, которое Барт предлагает утопически макетировать в ходе учебного курса о «романических симуляциях повседневных пространств» [3], в принципе нет места *именам*. Политические функции языка переосмыслены. Прознести: «Барт, Ролан!» – значит уже *править* [3, с. 187]. В «идеальном обществе», согласно Барту, нет имен, прозвищ, нет даже ласкательных имен – *каритативов*. Ласкание меняет мир посредством языка, присваивает его, не различая одушевленного и неодушевленного. Ласкательный язык маркетинга и глянца («пальтишко», «сумочка», «букетик») уже предполагает и *производит* «личность», которая «достойна» этих «столь незначительных» приношений.

При этом Барт перелицевал теорию социального в том числе и на уровне языка, дав Сообществу новое имя – жизнь-вместе. И уже само это имя выводит его из давних споров о природе социального, о сути Сообщества, о пресловутой intersubъективности, о бесконечной инаковости Другого. Более того, как только появляется «Другой» – все потеряно; мы вовлекаемся в бесконечную игру аппрезентаций и уже не надеемся вернуться к жизни-вместе. Вероятно, именно поэтому Барт признается, что роман Дефо его захватывает ровно до того момента, как появляется какой-либо другой (туземцы, Пятница). Понятие «жить-одному» в большей степени раскрывает социальное, нежели «история коммуникаций». С появлением Другого «мощное очарование этой книги пресекается. Это очарование – именно в повседневности, лишенной событий» [3, с. 165]. Таким образом, спасительные спекуляции вокруг «Со-бытия» также не объясняют банальной жизни-вместе и выступают в ней «эксклюзивным опытом».

Сама постановка вопроса «Как жить вместе?» радикально упрощает даже те допустимые концептуальные компромиссы, на которые отваживалась рефлексия в поисках «феноменологии социального», «бытия-с-другими» и форм «трансцендентальной апперцепции». Даже если бы не сохранились аудиозаписи курса и заметки лектора не дошли до нас, но сохранилось бы краткое «Резюме» [3, С. 248] (сухой остаток прочитанного курса, который каждый преподаватель предоставлял в Коллеж де Франс по его окончании), он стал бы событием в истории Социального. Барт обошёл бесконечный тупик, в который неизбежно упиралась философия в поисках обоснования социального мира. От разоблачения

«фундаментальной структуры» повседневности, от обнажения механизмов, по которым «функционирует» социальность и коммуникация, Барт обращается к бережному культивированию коллективного фантазма. Точнее, конкретного – личного и все же открытого для всех соучастников – фантазма совместной идиорритмической жизни. Социальное не сводится к функциональной схеме; оно – *форма*, а «форма дорогого стоит» [3, с. 9]. Эту мысль П. Валери можно, пожалуй, считать новым принципом экологии *социального*, которое, как показал Барт, и не подчинено языку, и не стремится подчинить его.

Однако именно здесь мы обнаруживаем – на новом уровне – ту самую интимную взаимосвязь *общества* и *языка*, которую было бы слишком просто сводить к господству и подавлению, к «языковой тюрьме». Отношения между языком и социальным более чем просто родственные. Социальное тавтологично. Социум – знак себя самого и ничего другого. Маркс призывал видеть не «общество» (субстанцию), но «общение» (событие). Батай показал, что «общество» – выколота точка, из которой разворачивается общество. В «Империи знаков» Барт настаивал: «...смехотворно пытаться оспаривать устройство нашего общества, ни на минуту не задумываясь о границах того языка, при помощи которого ... мы претендуем его оспаривать: все равно, что пытаться уничтожить волка, удобно устроившись в его пасти» [2, с. 18]. В связи с этим он призывал «упражняться в неправильной грамматике» [там же]. Обращаясь к описанию общества как такового (в отличие от «нашего общества»), мы обнаруживаем, что социальное и язык не просто гомологичны в своей грамматике, но представляют собой *одно и то же*, где ни одно не может быть «первичным» по отношению к другому.

Таким образом, мы попробовали показать, что «неудавшийся» проект учебного курса Ролана Барта 1976–1977-х годов, включающий в себя утопию «общества без имен и языка», с одной стороны, обоснован в его предшествующих утопических идеях, с другой – существенно их корректирует вместе с самими представлениями о *социальном*, *языке* и их соотношении. Язык, выступавший в ранних работах Барта предметом *пересобирания*, как политическое отправление становится выходом к «непрозрачности социальных отношений» и поводом для обращения к неречевым идиорритмическим моделям «жизни-вместе», учитывающим множественность и вариативность, а не элиминирующим ее. Утопичность этого идеала «жизни-вместе» очевидна, оттого и не менее продуктивна. Мы можем видеть, что пространство языка, империя знаков шире любых возможных способов ее репрезентировать – точно так же, как и идеал социального взаимодействия не сводится ни к одной социально-утопической модели.

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – пер. с франц. – М.: Прогресс, Универс, 1994. – 616 с.
2. Барт Р. Империя знаков. – пер. с франц. – М.: Праксис, 2004. – 144 с.
3. Барт Р. Как жить вместе: Романические симуляции некоторых пространств повседневности. Конспекты лекций в Коллеж де Франс, 1976–1977 г. – пер. с франц. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 272 с.
4. Бодрийар Ж. Символический обмен и смерть. – пер. с франц. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
5. Мерло-Понти М. Знаки. – пер. с франц. – М.: Искусство, 2001. – 429 с.
6. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – пер. с франц. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. – 432 с.
7. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления: пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
8. Barthes R. Le Degré zéro de l'écriture suivi de Nouveaux essais critiques, Éditions du Seuil, Paris, 1971.
9. Barthes R. Le Neutre. Cours au Collège de France (1977-1978). Paris: Seuil/IMEC, 2002.
10. Bourdieu P. Ce que parler veut dire (L'économie des échanges linguistiques). Paris. Fayard, 1982
11. Merleau-Ponty M. Phenomenologie de la perception. Paris, Presses Universitaires de France, collection « Quadrige », 1990

Brajnikova Y. G. Community Out of Language: the R. Barthes's Social Utopia // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 3. – P. 53–60.

This article is a kind of introduction to the problems of the late, socially philosophical, works of Roland Barthes (1915–1980) in the light of his already classic works on language. An attempt to think about communication and “living-together” outside of linguistic oppositions like speech-writing, meaning-signified, etc. leads Bart to a new image of both the language system and the social world itself. The “neutral letter” to which Barthes's early texts are addressed reveals an ethical-political dimension. “Social”, like language, is not reduced to either unique or universal. The question of “social”, thus, is freed from the image of the “language prison” and is transformed into the task of describing the spatial models of “living-together”.

Key words: Roland Barthes, the social, community, language, the neutral, utopia.

References

1. Bart R. Izbrannye Raboty: Semiotika. Poetika [Selected works: Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress, Univers, 1994. 616 p.
2. Bart R. Imperiya Znakov [Empire of Signs]. Moscow, Praksis, 2004, 144 p.
3. Bart R. Kak Zhit' Vmeste: Romanicheskie Simulyatsii Nekotorykh Prostranstv Povsednevnosti. Konspekty Lektsii v Kollezh de Frans, 1976 – 1977 [How to Live Together Novelistic Simulations of Some Everyday Spaces]. Moscow, Ad Marginem Press, 2016, 272 p.
4. Bodriyar Zh. Simvolicheskii Obmen i Smert' [Symbolic Exchange and Death]. Moscow, Dobrosvet, 2000, 387 p.
5. Merlo-Ponti M. Znaki [Signs]. Moscow, Iskusstvo, 2001, 429 p.
6. Sossyur F. Kurs Obshchei Lingvistiki [Course in General Linguistics]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural'skogo Un-ta, 1999, 432 p.
7. Khaidegger M. Vremya i Bytie: Stat'i i Vystupleniya [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow, Respublika, 1993, 447 p.
8. Barthes R. Le Degré Zéro de l'écriture Suivi de Nouveaux Essais Critiques, Éditions du Seuil, Paris, 1971, 185 p.
9. Barthes R. Le Neutre. Cours au Collège de France (1977-1978), Paris, Seuil/IMEC, 2002, 272 p.
10. Bourdieu P. Ce que Parler Veut Dire (L'Economie des Echanges Linguistiques). Paris. Fayard, 1982, 243 p.
11. Merleau-Ponty M. Phenomenologie de la Perception. Paris, Presses Universitaires de France, Collection «Quadrige », 1990, 531 p.

УДК 101.8

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННО-ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ СЕГОДНЯ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА КАНТОВСКОГО ПОНЯТИЯ «ПОСТУЛАТ»)¹

Крыштон Л. Э.

Факультет гуманитарных и социальных наук РУДН, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: kryshtop_le@rudn.university

Интерес к языку и к языковой форме выражения мысли был присущ философии с самого начала ее существования. Уже у философов древности мы находим развернутые концепции языка. Еще больший интерес к этой сфере мы отмечаем в Средние века, когда исследования терминологического аппарата были направлены прежде всего на Священное Писание и имели целью лучше его понять. Однако уже в эпоху Просвещения герменевтические методы исследования текста с сакральных текстов переносятся на тексты философские. Так, в частности, еще при жизни Канта появляются первые справочники его понятийного языка. Сегодня для подобного рода анализа все чаще используется компьютерная техника. В статье рассматривается значение электронно-вычислительной техники для историко-философских исследований. Позволяя анализировать большие объемы информации, современная техника предоставляет широкие возможности использования количественных методов исследования терминологического языка разных философов. Последнее, в свою очередь, позволяет лучше понять смысл и проследить генезис становления философских взглядов мыслителей. В качестве примера разбирается анализ термина «постулат» в философии И. Канта.

Ключевые слова: количественные методы, история философии, методология, понятие, термин, индекс, Кант, кантоведение.

Язык – одно из важнейших изобретений человека и один из важнейших инструментов постижения человеком окружающего мира. Издревле проблема языка вызывала интерес у мыслителей разных культур. В Древнем Китае мы находим концепцию «исправления имен», посвященную анализу соответствия или несоответствия имен сущностям вещей. В европейском регионе уже во времена античности мы находим весьма продуманные семиотические теории, например, у стоиков. Ничуть не меньшее внимание проблеме языка уделялось в Средние века (спор об универсалиях) и в Новое время (поиск ясных, отчетливых понятий для построения философских систем) и в эпоху Просвещения (борьба с предрассудками и заблуждениями, вызванными в том числе и неправильным словоупотреблением). В современности проблема языка связана с междисциплинарными исследованиями, где задействуются подходы различных наук – философии, культурологии,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта No 16-03-00806а.

социологии, лингвистики. В центре внимания находится ряд вопросов, вызывающих широкие дискуссии и обсуждения. Насколько тесно связаны мышление и язык? Является ли мышление полностью языковым или мышление все же возможно и без речи?

Сегодня у нас нет однозначного ответа на такие вопросы. Но некоторые основные моменты взаимосвязи языка и мышления все же установить удастся. В частности, Л. С. Выготский (1896–1934), опираясь на ряд экспериментов, показал, что мышление и речь являются двумя независимыми друг от друга процессами, лишь частично пересекающимися. Таковой вывод делается на основании наличия так называемой неинтеллектуальной речи (неосмысленное воспроизведение чего-то заученного) и неречевого мышления (практический интеллект), неплохо развитого и у не обладающих способностью к речи обезьян [1, с. 81–108]. С другой же стороны, так называемое речевое мышление (а именно таковым, по сути, и является все теоретическое мышление) тесно связано с феноменом внутренней речи. Единицей же такого мышления является, по Выготскому, слово. Но именно из факта изначальной нетождественности процессов мышления и речи следует вывод, что слово не представляет собой простого зеркального отражения мысли. Другими словами, «речь не служит выражением готовой мысли. Мысль, превращаясь в речь, перестраивается и видоизменяется. Мысль не выражается, но совершается в слове» [2, с. 286].

Это положение во многом созвучно герменевтическому тезису, согласно которому мир всегда является нам уже в языке. Именно наше словоупотребление и оказывается первым раскрытием мира, первой его интерпретацией, на которую нанизываются другие, более частные интерпретации позитивных наук. Такой подход позволяет выделить присущую философии дисциплинарную особенность. Очерченность предметного поля (будь то чувственно воспринимаемое, как в естественных науках, или нет – как в теологии) определяет специфику «частных» интерпретаций мира. На этом фоне философия выделяется именно тем, что, поставив своей задачей целостное постижение мироздания, дистанцируется от конкретики предмета, а следовательно, не вмещается в рамки искусственно ограниченного языка, подходившего бы под нужды однозначного описания этого предмета. И даже попытки низведения философии с ранга метафизики к простому анализу языков других наук, заявляемые в XX в., не смогли устранить этой особенности философии.

Оказываясь наиболее тесно связанной с постижением являемого мира, философия вместе с тем неразрывно связана с обыденным словоупотреблением, которое обуславливает первичный образ мира. Укорененное в повседневной жизни словоупотребление обуславливает процесс создание понятий в рамках «частных интерпретаций» – и это проблема в том смысле, что вовлеченная в данный процесс философия (не существовавшая бы без понятий) рассматривает этот процесс как собственно задачу философии. Г. Г. Гадамер считает, что «единственный философский честный выход из этой ситуации – осознать соотношение слова и понятия как определяющее для нашей мысли» [3] и воспринимать «историю понятий» как сущностную часть философии.

Обозначаемая в современной герменевтике проблема языка как проблема сущности философии имеет своим историческим контекстом вопрос об истолковании текстов. И здесь не лишним будет отметить, что «герменевтика» на протяжении большего периода своего существования как дисциплины означала ничто иное, как именно искусство истолкования сакральных текстов христианской традиции. При этом дело это представлялось чрезвычайно важным, так как именно библейские тексты воспринимались как источник знания божественных истин, необходимых не для благополучного устройства в этом временном, земном мире, а для вечного спасения души человека. Но как можно понять и постичь эти истины, если мы не понимаем, какой смысл вкладывался в слова Священного Писания? Ведь этот текст, хоть он и обладает непреложной ценностью, тем не менее создавался для людей прошлых веков, а значит, был ориентирован на те исторические и культурные реалии, которые были понятны простым людям тех времен, но вовсе необязательно могут быть понятны нам сегодня. В связи с этим и вставала необходимость изучения истории, географии, культуры, особенностей быта и религиозного ритуала евреев с целью лучше понять те вечные истины, которые Бог открыл для нас в Священном Писании (временном, как и любой текст). В конечном счете именно из этого подхода и выросли как историческая критика Священного Писания, так и связанные с ней поиски исторического Христа, зародившиеся и быстро развившиеся в эпоху зрелого Просвещения в протестантской Германии. Другой стороной этого «обмирщения» процесса применения герменевтических методов к Священному Писанию стало сознательное применение этих же методов к исследованию других (уже не сакральных в прямом смысле слова) текстов. На этом этапе развития герменевтики особую роль сыграли тексты И. Канта, понятийный аппарат которых подвергся пристальному исследованию еще при его жизни.

Известно кантовское стремление создать однозначные термины для обозначения основных понятий философской системы. Равно как известны и его неудачи на этом пути – упомянем о парадоксальном определении терминов «трансцендентальный» и «трансцендентный» в «Трансцендентальной диалектике» «Критики чистого разума». Язык Канта интересен еще и по той причине, что в нем мы наблюдаем значительное смешение как немецких форм понятий, так и латинских, употребляемых в то время. Ибо несмотря на попытки, предпринятые еще Вольфом, по созданию немецкого философского языка язык этот до Канта сформировавшимся назвать трудно. При этом однако не всегда понятно, когда латинская и немецкая формы понятия являются лишь синонимами, а когда они должны восприниматься как маркировки разных понятий. Такое смешение языковых форм на фоне стремления провести четкие различия между вновь вводимыми понятиями и теми, которые употребляются предшественниками и современниками, помноженное на уверенность Канта в том, что для основания его новой критической философии «необходимо разработать даже особые технические термины» [13, S. 199; 4, S. 503], создают то причудливое многообразие четких дефиниций, даваемых Кантом при всяком удобном случае и далеко не всегда способных непротиворечиво сочетаться в единое целое его философской системы. Споры о том, насколько оправданы новые терминологические изобретения Канта,

красной нитью проходят сквозь большинство работ XVIII–XIX вв., посвященных кантовской философии [11, S. IX]. Именно это и послужило началом отдельной области кантоведения – кантофилологии [20, р. VII; 7, с. 154–173].

Самым первым примером попыток систематического осмысления и разъяснения кантовской терминологии можно считать труд Карла Христиана Эрхарда Шмида «Словарь для более легкого употребления кантовских сочинений» (1786) [19], который вскоре стал настолько популярным, что выдержал несколько расширенных переизданий еще при жизни Канта. За этой работой последовали и другие работы подобного рода, например: «Энциклопедический словарь критической философии» Георга Самуэля Альберта Меллина (1797) [18] и многотомный «Новый всеобщий философский реальный лексикон или словарь» Иоганна Христиана Лоссиуса [16].

Значимой вехой в истории развития такого рода методов исследования стало создание в 1930 г. Рудольфом Айслером словаря кантовских терминов [9]. В дальнейшем его усилия были подхвачены рядом последователей, что привело в конечном счете к появлению современного многотомного справочника философских понятий [12]. В настоящий момент это направление настолько развилось, что его методы применяются не только к исследованию терминов кантовской философии, но и вовсе к изучению нефилософских понятий. Однако до сих пор именно исследование кантовской терминологии занимает особое место в историко-философских штудиях.

Новым этапом в этом направлении методологических исследований стало изобретение электронно-вычислительной техники. Именно благодаря последнему стало возможным составление кантовских индексов, начало чему было положено в 60-е гг. XX в. Готфридом Мартином [17]. Активная работа в этом направлении продолжается и по сей день [10]. Применение компьютерной техники открыло широкие просторы для быстрой обработки больших массивов текстовой информации с последующим ее ранжированием. Так, стало возможным проанализировать частотность употребления того или иного термина в текстах Канта, зафиксировать увеличение или уменьшение частоты употребления терминов в разные периоды творчества и в разных работах, посвященных тем или иным разделам кантовской философской системы. Значительно ускорился процесс определения того, немецкая или латинская форма понятия используется, также ускорился процесс выявления контекстов употребления тех или иных языковых форм, что значительно облегчало исследование не только разных контекстов употребления, но и разных нюансов смысла какого-либо понятия.

В целом плюсов открывающихся перспектив применения такого рода методов набиралось достаточно много. Особо активным сторонником их использования можно считать немецкого кантоведа Н. Хинске, по сей день являющегося главным редактором серии FMDA, в рамках которой создаются конкордансы основных текстов раннего и позднего Просвещения в Германии. Стоит отметить, однако, и тот факт, что в настоящее время использование электронных технологий на столько шагнуло вперед, что мы имеем дело уже не только с бумажными конкордансами, но и с онлайн-поисковыми системами, например с поисковой системой Bonper

Kant-Korpus, разработанной Институтом коммуникативного общения и фонетики при Боннском университете (Германия) [8]. Возможности, которые открываются для исследователей истории философии благодаря использованию подобных баз данных, поистине обширны. Ниже это будет продемонстрировано на примере исследования употребления понятия «постулат» в текстах Канта.

Понятие «постулат» используется Кантом уже в докритических работах, причем не единожды. В критический период этот термин прочно входит в кантовскую философскую систему. Пожалуй, сложно найти сегодня хоть сколько-нибудь философски образованного человека, не слышавшего о кантовских постулатах практического разума. В то же время значение этого понятия для многих остается и оставалось весьма туманным, несмотря на стремление Канта дать этому термину четкую дефиницию и отличить его от других близких по значению терминов. Это и приводило (и до сих пор иногда приводит) к ложным интерпретациям кантовских положений, названных им «постулатами». И хотя постулаты присутствуют не только в практической философии Канта, но также и в теоретической, именно для практической философии (особенно для сферы морали) эти необоснованные интерпретации стали особенно популярны. И именно они в конечном счете и приводят к обвинениям Канта в атеизме, безбожии, подрыве основ морали и религии.

Если мы обратимся к определению понятия «постулат», то в «Критике чистого разума» мы находим следующую дефиницию: постулат – это «*теоретическое*, но, как таковое, недоказуемое положение, поскольку оно неотъемлемо присуще *практическому* закону, имеющему a priori безусловную силу» [14, А 220; 5, с. 619]. В то же время в лекциях по логике мы видим несколько иное определение: «Постулат есть практическое, непосредственно достоверное положение или основоположение, определяющее возможное действие, относительно которого предполагается, что способ его осуществления непосредственно известен» [15, А 174–175; 6, с. 366]. Сравнивая эти два определения между собой, сложно не заметить кардинальное расхождение: в одном случае Кант определяет этот тип положения как положения теоретические, в другом – как практические. В то же время в обоих определениях достаточно четко подчеркивается как недоказуемый характер этих положений, так и их непосредственная связь со сферой действий. Собственно, здесь же мы усматриваем и возможный аспект примирения этих определений между собой – именно в предполагаемой известности способа выполнения действия и может быть заложена его теоретичность. Нам необходимо предполагать некоторые теоретические основания, дабы признать то или иное действие и способ его выполнения возможными. Именно так и обстоит дело с практическими постулатами, которые предполагают существование трех предметов – Бога, бессмертия души и свободы воли – как действительно существующих, так как именно они в конечном счете делают возможным моральное поведение человека из плоти и крови, как он представлен в феноменальном мире.

Как оценить то значение, которое отводится термину «постулат» в философии Канта? Такую оценку дает обращение к анализу частоты употребления данного

термина и различных его вариаций в текстах Канта. Так, именно в работах, посвященных практической философии, этот термин и его различные словоформы употребляются с максимальной частотой. При этом увеличение частоты употребления данного термина можно отнести ко второму изданию «Критики чистого разума», где этот термин употребляется по большей части снова же в контексте практической философии. Кроме того, говоря о «Критике чистого разума», следует отметить также и тот факт, что здесь мы встречаем не только сам термин «постулат», но гораздо чаще встречаем различные формы глагола «постулировать» (postulieren), что свидетельствует о том, что в данный временной период Кант хотя уже и шел в сторону формирования своего критического понимания данного термина, однако понимание это было еще до конца не сформировано. Окончательное же его оформление следует отнести ко второй «Критике». Частоту употребления Кантом данного понятия можно наглядно продемонстрировать следующей диаграммой:

* В статье «Verkündigung des nahen Abschlusses eines Traktats zum ewigen Frieden in der Philosophie» (1796) словоформы «postulat» используются дважды.

Сравнивая частоту употребления Кантом разных форм термина «постулат», мы можем отметить, что по большей части Кант употребляет термин «постулат»

уже в привычной нам сегодня немецкой форме. Латинские же варианты употребляются им крайне редко и только в ранних работах (некоторые из которых были написаны на латинском языке, например диссертация 1770 г.).

Таким образом, мы видим на примере анализа употребления различных форм термина «постулат» в философских трудах Канта критического и докритического периода, какую пользу могут оказать методы количественного анализа в историко-философском исследовании, которые реализуются на основе применения современной компьютерной техники. В данном случае, выявив то, в какой период, в каких работах и в каких контекстах преимущественно Кант употребляет данный термин, мы можем проследить процесс становления данного кантовского понятия. Хотя оно и имеет предысторию употребления в докритических работах, однако с уверенностью можно сказать, что собственно в особый термин кантовской философии оно превращается лишь с «Критики практического разума», так как даже в «Критике чистого разума» этот термин еще не приобретает строго очерченных терминологических границ. Исследование истории формирования данного понятия является важным для понимания кантовской философии в целом, так как «постулат» выступает одним из основополагающих понятий практической философии Канта.

Стоит отметить, что подробный анализ изменений частоты употребления Кантом данного термина в разные периоды его творчества, равно как и анализ контекстов его употребления и частоты употребления разных его словоформ, стал возможен в последнее время лишь благодаря развитию электронно-вычислительной техники, которая позволяет за непродолжительный период времени обрабатывать огромные массивы текстовой информации. Это значительно облегчает работу историка философии, сводя ее по сути лишь к последующему анализу полученных результатов и их сортировке. Таким образом, открывая широкие возможности применения методов количественного анализа, компьютерная техника является крайне полезным и удобным инструментом историко-философских исследований, значимость которого не стоит недооценивать.

Список литературы

1. Выготский Л. С. Генетические корни мышления и речи // Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1999. – С. 81–108.
2. Выготский Л. С. Мысль и слово // Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1999. – С. 276–337.
3. Гадамер Г.-Г. История понятий как философия // Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991 [Электронный ресурс] / Г.-Г. Гадамер – Режим доступа: http://www.psylib.ukrweb.net/books/_gadam01.htm (Дата обращения: 25.09.2017).
4. Кант И. Кант – Герцу // Собр. соч. в 8 тт. / А. В. Гулыга. М., 1994. – М.: Чоро, 1994. – Т. 8. – С. 502–504.
5. Кант И. Критика практического разума // Соч. на русском и немецком языках: В 4-х тт. / Н. В. Мотрошилова, Б. Тушлинг. – М.: Канон-плюс, 1997. – Т. 3. – С. 277–733.
6. Кант И. Логика // Собр. соч. в 8 тт. / А. В. Гулыга. М., 1994. – М.: Чоро, 1994. – Т. 8. – С. 266–398.
7. Хинске Н. Кантианство, кантоведение и кантофилология. Размышления об истории рецепции кантовской мысли // Историко-философский ежегодник 2015. – М., Канон-плюс, 2016. – С. 154–173.
8. Das Bonner Kant-Korpus. URL: <https://korpora.zim.uni-duisburg-essen.de/kant/> (Дата обращения: 25.09.2017).

9. Eisler R. Kant-Lexicon. Nachschlagewerk zu Kants sämtlichen Schriften. – Berlin: Olms, 2008. – 642 S.
10. Forschungen und Materialien zur deutschen Aufklärung (FMDA). Abt. III: Indices zur Philosophie der deutschen Aufklärung / N. Hinske. Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog, 1986 ff.
11. Hinske N. Einleitung // Schmid C. Chr. E. Wörterbuch zum leichtern Gebrauch der Kantischen Schriften nebst einer Abhandlung. – Bruxelles: Culture et civilisation, 1974. – S. VII–XXXII.
12. Historisches Wörterbuch der Philosophie / Hrsg. von J. Ritter, K. Gründer. – Basel, Stuttgart: Schwabe & Co., 1971–2007.
13. Kant I. Brief an Marcus Herz vom 24. November 1776 // Kant's Gesammelte Schriften / Königlich Preußische Akademie der Wissenschaft. – Berlin: Vereinigung wissenschaftlicher Verleger, 1922. – Bd. 10. – S. 198–200.
14. Kant I. Kritik der praktischen Vernunft // Werke in sechs Bänden / W. Weischedel. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft Darmstadt, 1998. – Bd. IV. – S. 107–302.
15. Kant I. Logik // Werke in sechs Bänden / W. Weischedel. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft Darmstadt, 1998. – Bd. III. – 696 S.
16. Lossius J. Chr. Neues philosophisches allgemeines Real-Lexicon oder Wörterbuch der gesammten philosophischen Wissenschaften in einzelnen, nach alphabetischer Ordnung der Kunstwörter auf einander folgenden Artikeln in 4 Bd. Erfurt: Rudolphi, 1803-1808.
17. Martin G. Allgemeiner Kantindex zu Kants gesammelten Schriften // Kant's Gesammelte Schriften / Königlich Preußische Akademie der Wissenschaft. – Berlin: Verlag de Gruyter, 1967. – Bd. 17. – 1110 S.
18. Mellin G. S. A. Encyclopädisches Wörterbuch der kritischen Philosophie. – Leipzig, 1797. – 464 S.
19. Schmid C. Chr. E. Wörterbuch zum leichtern Gebrauch der Kantischen Schriften nebst einer Abhandlung. Jena, 1795. – 668 S.
20. Verneaux R. Le vocabulaire de Kant. – Paris: Aubier-Montaigne, 1967. – Vol. 1. – 201 P.

Kryshstop L.E. Using of the Computer Technique in the Contemporary Studies in History of Philosophy (by the Example of Analysis of Kant's Postulate Notion) // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 3. – P. 61–69.

The interest for the language and for the language form of thought was characteristic for the philosophy since it exists. The philosophers of ancient times have already created language conceptions. A greater interest to this sphere we can find in the Middle Age, when the analysis of notions was referred to the Holy Scripture at first and aimed to understand it better. In the Age of Enlightenment these hermeneutics methods have been turned to the non-sacred texts such as philosophical ones. So the first vocabularies for the better understanding of Kant's terminological language have appeared while Kant was alive. Today the computer technique is used for the researches of such more often. In the article the importance of computer technology using in the history of philosophy studies is considered. Analyzing a great array data it gives us the possibility to use the quantitative methods for researching the terminology of different philosophers, what can help us to understand better the matter and the origins of philosophical views of them.

Key words: quantitative methods, history of philosophy, methodology, notions, index, Kant, Kant studies.

References

1. Vygotskii L. S. Geneticheskie korni myshleniya i rechi [Genetic Origins of Speaking]. *Myshlenie i rech'* [Thinking and Speaking], Moscow, Labirint, 1999, p. 81–108. [In Russian]
2. Vygotskii L. S. Mysl' i slovo [Thought and Word]. *Myshlenie i rech'* [Thinking and Speaking], Moscow, Labirint, 1999, p. 276–337. [In Russian]
3. Hadamer G.-G. Istoriya ponyatii kak filosofiya [The Notions History as Philosophy]. *Aktual'nost' prekrasnogo* [The Actuality of Beauty], Moscow, Iskusstvo, 1991. Available at: http://www.psylib.ukrweb.net/books/_gadam01.htm (Accessed: 25.09.2017). [In Russian]
4. Kant I. Kant – Gertsu [The Letter from Kant to Herz]. *Sobr. soch. v 8 tt.* [Writings in 8 vol.], ed. by A. V. Gulyga, Moscow, Choro, 1994, vol. 8, p. 502–504. [In Russian]
5. Kant I. Kritika prakticheskogo razuma [Critique of Practical Reason]. *Soch. na russkom i nemetskom yazykakh: V 4-kh tt.* [Writings in Russian and German in 4 vol.], ed. by N. V. Motroshilovoi, B. Tushlinga, Moscow, Kanon-plus, 1997, vol. 3, p. 277–733. [In Russian]
6. Kant I. Logika [Logic]. *Sobr. soch. v 8 tt.* [Writings in 8 vol.], ed. by A. V. Gulyga, Moscow, Choro, 1994, vol. 8, p. 266–398. [In Russian]
7. Hinske N. Kantianstvo, kantovedeniya i kantofilologiya. *Razmyshleniya ob istorii retseptsii kantovskoi mysli* [Kantianism, Kant-studies and Kant-philology. Meditation on the History of Kant's Thought Reception]. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik 2015* [History of philosophy. Yearbook 2015], Moscow, Kanon-plus, 2016, p. 154–173. [In Russian]
8. Das Bonner Kant-Korpus. URL: <https://korpora.zim.uni-duisburg-essen.de/kant/> (Accessed: 25.09.2017).
9. Eisler R. *Kant-Lexicon. Nachschlagewerk zu Kants sämtlichen Schriften*, Berlin, Olms, 2008, 642 S.
10. *Forschungen und Materialien zur deutschen Aufklärung (FMDA). Abt. III: Indices zur Philosophie der deutschen Aufklärung*, Hrsg. von N. Hinske, Stuttgart-Bad Cannstatt, Frommann-Holzboog, 1986 ff.
11. Hinske N. Einleitung. Schmid C. Chr. E. *Wörterbuch zum leichtern Gebrauch der Kantischen Schriften nebst einer Abhandlung*, Bruxelles, Culture et civilisation, 1974, S. VII–XXXII.
12. *Historisches Wörterbuch der Philosophie*, Hrsg. von J. Ritter, K. Gründer, Basel, Stuttgart, Schwabe & Co., 1971–2007.
13. Kant I. Brief an Marcus Herz vom 24. November 1776. *Kant's Gesammelte Schriften*, Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaft, Berlin, Vereinigung wissenschaftlicher Verleger, 1922, Bd. 10, S. 198–200.
14. Kant I. *Kritik der praktischen Vernunft. Werke in sechs Bänden*, Hrsg. von W. Weischedel, Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft Darmstadt, 1998, Bd. IV, S. 107–302.
15. Kant I. *Logik. Werke in sechs Bänden*, Hrsg. von W. Weischedel, Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft Darmstadt, 1998, Bd. III, 696 S.
16. Lossius J. Chr. *Neues philosophisches allgemeines Real-Lexicon oder Wörterbuch der gesammten philosophischen Wissenschaften in einzelnen, nach alphabetischer Ordnung der Kunstwörter auf einander folgenden Artikeln in 4 Bd.* Erfurt, 1803–1808.
17. Martin G. *Allgemeiner Kantindex zu Kants gesammelten Schriften. Kant's Gesammelte Schriften*, Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaft. Berlin, Verlag de Gruyter, 1967, Bd. 17, 1110 S.
18. Mellin G. S. A. *Encyclopädisches Wörterbuch der kritischen Philosophie*, Leipzig, 1797, 464 S.
19. Schmid C. Chr. E. *Wörterbuch zum leichtern Gebrauch der Kantischen Schriften nebst einer Abhandlung*, Jena, 1795, 668 S.
20. Verneaux R. *Le vocabulaire de Kant*, Paris, Aubier-Montaigne, 1967, Vol. 1, 201 p.

УДК 374; 378

ИДЕИ С. И. ГЕССЕНА О СВОБОДЕ И ПРИНУЖДЕНИИ И СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Люрья Н. А.

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Российская Федерация.

E-mail: luryana@mail.ru

Гуманистические идеи воспитания тесно связаны с пониманием соотношения свободы и принуждения, которые актуальны в этом процессе. Приводится анализ С. И. Гессеном педагогических систем Жан-Жака Руссо и Л. Н. Толстого, которые пытались воплотить идею свободного образования без принуждения. Анализируются выводы С. И. Гессена о том, что попытки освободить воспитание от принуждения в этих системах неудачны. Причины этих неудач он видит в том, что один тип принуждения сменяется другим: принуждение оказывается более тонким и принимает другую форму, чего не осознают сами педагоги. Чем более развиты социокультурные аспекты образования, тем тоньше принуждение, поэтому сложнее реализовать внутреннюю свободу обучаемого. Автор статьи обосновывает идею о том, что соотношение свободы и тип принуждения в системе образования являются отражением изменения ценностей культуры и существенно зависят от того, каким образом эти ценности проникают в систему образования. Приводятся примеры воспитания. Анализируется влияние культуры на тип принуждения в истории (переход от средневековой системы образования к эпохе Нового времени и Просвещения), а также анализируется соотношение культура – образование современности. Автор считает, что осознание этого факта в современной системе образования важно для формирования в ученике механизмов, позволяющих ему противодействовать принуждению и тем самым обрести истинную свободу.

Ключевые слова: культурные инновации, гуманистическое образование, воспитание, принуждение, свобода.

Цель данной статьи – использовать опыт выдающихся педагогов прошлого, создающих инновационные образовательные системы, для совершенствования современного образования, для осознания успехов и неудач его реформирования.

Для этого необходимо: 1) ознакомиться с идеями С. И. Гессена о причинах неудач гуманистической педагогики свободного воспитания Л. Н. Толстого и Ж.-Ж. Руссо, не учитывающих влияние социума на этот процесс; 2) проанализировать сущность этого влияния на соотношение свободы и принуждения в воспитании на конкретных примерах в истории; 3) применить полученные выводы о влиянии социокультурных факторов на тип соотношения свободы и принуждения к современной системе образования.

Насколько допустимо принуждение ребенка к учебе, какую свободу ему гарантировать в воспитании? Гуманистические идеи в современной педагогике основаны на убеждении, что образование должно быть построено с учетом

интересов ребенка, его возможностей и внутренних задатков, которые безусловно есть, их нужно только обнаружить и раскрыть. Эта проблема подробно проанализирована С. И. Гессеном на примерах педагогики Жан-Жака Руссо и Л. Н. Толстого [1], и она остается исключительно актуальной для проводимых в современной педагогике реформ. Руссо и Толстой являлись идеологами свободного воспитания. Они предлагали избегать насилия над детьми, обосновывая новые методы обучения, предоставляя ребенку свободу либо «сообразно природе» (Руссо), либо «сообразно жизни» (Толстой).

Так, Жан-Жак Руссо хотел освободить ребенка от всех навязанных цивилизацией принципов образования, таких как дисциплина, обязанности выполнять задания учителя и т. д. Он противопоставил существовавшей в то время системе природосообразное воспитание, основанное на убеждении, что надо убрать любое давление на ученика и идти **от интересов и желаний ребенка**, учитывать его особенности, природные, возрастные качества, которые надо выявить и развивать. Задача воспитателя – не давать готовые знания, а отвечать на возникающие в процессе взросления ребенка вопросы: ученик спрашивает – учитель отвечает, удовлетворяет его желания. Но что спрашивает и чего желает ребенок? «Задача воспитателя – следя за возникающими запросами воспитанника, удовлетворять их и **поставить его в условия, развивающие его органы и способности**» [1, с. 49]. Нетрудно заметить, как утверждает С. И. Гессен, что «**Эмиль хочет и спрашивает именно то, чего желает, чтобы он хотел и спрашивал, его воспитатель Жан Жак**» [1, с. 52].

На деле ученик находится под неустанным контролем учителя и в сущности оказывается во власти тех установок и желаний учителя, на которых основано его мировоззрение и его желания. Учитель ограждает ученика от вредных влияний культуры и искусно выстраивает события так, чтобы вызвать те или иные интересы и развить те или иные потребности ученика, которые он сам считает значимыми. **«Нет подчинения более полного, чем то, которое сохраняет видимость свободы; таким образом самая воля оказывается плененной... Но не худший ли это вид рабства, когда жертва гнета даже не сознает его? Пленение воли – не во много ли раз хуже оно пленения действия? Изолированный от всех других влияний кроме постоянного и упорного воздействия всемогущего и вездесущего Жан Жака, Эмиль хочет того, чего желает, чтобы он хотел, его воспитатель – вплоть до женитьбы на предназначенной Жан-Жаком ему в жены Софье. Нетрудно предвидеть, что, привыкший к неустанному пестованию со стороны Жан Жака в тепличной атмосфере изолированной от жизни “природы”, Эмиль, попавши в горнило подлинной, действительной жизни, менее всего сможет в ней отстаивать свою самобытность»** [1, с. 52].

Как показал анализ Гессена, это воспитание приводит к более тонкому принуждению, а не к той свободе, которую хотел реализовать Руссо.

Аналогичную ситуацию обнаруживает С. И. Гессен и в педагогике Л. Н. Толстого. Его «свобода» не в природе, а в «жизни» [1, с. 53–55]. Этим отличается свободное образование Толстого от идеала свободного воспитания Руссо.

По мнению Л. Н. Толстого, отношение между учителем и учеником должно быть отношением равенства. Ученики свободны выбирать то, что им нужно и интересно, школа должна только предоставить им эти возможности. Они должны быть освобождены от любого навязывания убеждений и обучения как со стороны взрослых, так и со стороны различных учреждений, семьи, церкви и т. д. В его школе нет расписаний уроков, дисциплины, заданий на дом, звонков, наказаний и т. д. «Но весь вопрос именно в том и состоит: могут ли дети быть свободны от влияния старших, – все равно в школе или семье? Разве влияние учителей, влияние отца, дворника, влияние окружающих старших детей, – все это не виды принуждения, иногда **гораздо более сильные, чем принуждение школьной дисциплины?** ... Ошибка Толстого, как и всякого анархизма вообще, **в слишком узком понимании принуждения: принуждение гораздо шире, чем кажется на первый взгляд**» [1, с. 57]. Он сам это осознал, когда писал в «Исповеди»: «Я так измучился от того особенно, что запутался,... так смутно проявлялась моя деятельность в школах, так противно мне стало мое влияние в журнале, состоявшее все в одном и том же – в желании учить всех и скрыть то, что я не знаю, чему учить, – что я заболел более духовно, чем физически, бросил все и поехал в степь к башкирам – дышать воздухом, пить кумыс и жить животною жизнью» [Цит. по: 1, с. 57].

Вывод С. И. Гессена: никакое образование невозможно без определенного вида принуждения, однако при этом необходимо учитывать два фактора: 1) необходимо осознание педагогами, в какой степени принуждение необходимо; 2) общественная система образования должна признать, что целью всего образования является свобода, суть которой определяется соответствующими культурными и социальными условиями. «Свобода как задание не исключает, а предполагает факт принуждения. Именно потому, что уничтожение принуждения есть существенная цель образования, принуждение и является исходным пунктом образовательного процесса. Показать, как каждый акт принуждения может и должен быть пронизан свободой, в которой только принуждение и обретает свой подлинный педагогический смысл, – и составит предмет дальнейшего изложения. Принудительное по природной необходимости, образование должно быть свободным по осуществляемому в нем заданию» [1, с. 57].

Дальнейшей конкретизации этих положений посвящена вся его работа. Мы в данной статье применяем эти выводы к современной ситуации в образовании. Более конкретно: покажем влияние социокультурных факторов на тип соотношения свободы и принуждения и отражение его в современном образовании.

Образовательная активность идет, как всегда, из трех источников: системно организованного образования, семьи и среды.

Свобода и принуждение – одна из ключевых тем системного образования. Эволюция системы образования и ее трансформация в истории культуры дает представление о том, как менялся тип принуждения при кардинальном изменении системы образования. На этапе формирования образования как института общества доминирует дисциплинарное, **физическое принуждение**, превалирует внимание структур, ответственных за контроль и сохранение существующей

организованности. Влияние среды имеет незначительный, побочный эффект. Эти факторы свойственны всем известным нам воспитательным методам как на этапе оформления системного образования, так и позже. Таковы, например, системы образования раннеклассовых обществ, система образования в Средние века в Европе. Так построено и современное системное образование – атавизм прошлого: поэтапный контроль, оценки, экзамены, нормативы персоналу, ЕГЭ, дисциплина и пр. Противодействие принуждению ограничено действием ученика, то есть оно также физическое, материальное. Однако важно, что как только одна система образования кардинально сменилась другой, один вид принуждения сменяется другим. Этот вывод можно проследить на материале средневековой Европы, когда церковное образование сменилось светским. А именно, сменить средневековую систему образования удалось благодаря культурной трансформации общества, когда изменились ценностные ориентации и научный метод проник во все сферы деятельности. Гуманизация образования в эпоху Возрождения и далее, оформившееся и осознанное принятие гуманистических ценностей привели к тому, что утопизм взглядов гуманистов на ребенка удалось воплотить не только благодаря новым ценностям, но и вследствие открытия **механизма**, позволяющего использовать и внедрить культурные достижения в системное образование. Возвышение роли разума обеспечило культурную трансформацию во всех сферах деятельности эпохи Просвещения, способствовало достижениям техники, науки, открытиям в психологической, социальной сфере.

В роли механизма выступали основанные на этих ценностях открытия методов, позволяющих внедрить эти достижения в сферу педагогики: в области техники – книгопечатание; в области философии и педагогики – открытия Яна Амоса Коменского и других педагогов; открытия в области психологии человека, ребенка, использование достижений науки в обучении, в частности, позволило полностью перестроить систему образования [2]. Таким образом, для противодействия **физическому принуждению** сначала происходит коллективное изменение – в культуре, науке, социуме, происходит более глубокое постижение Реальности. Природосообразное воспитание согласно Природе осуществляется по другим законам, чем это предписывается традиционными правилами системы. Противодействие принуждению идет от нового осознания – коллективного осознания новых культурных ценностей, возвышающих интеллект, разум, придающих ему основополагающую ценность, они как луч проникают во все сферы общественной жизни.

Таким образом, **принуждение физическое** переходит в принуждение другого типа, которое условно можно назвать **интеллектуальным** и которое Гессен подробно проанализировал на примере педагогики Руссо. Его преодоление переходит в другой тип, который условно можно назвать эмоционально-ценностным, которое актуально в настоящее время. В настоящее время происходит трансформация общества на базе плюрализма ценностных оснований. Коллективная трансформация – постмодерн, который опирается на более глубокие принципы существования общей целостности, человечества, – требует следующего шага в осознании соотношения свободы и принуждения в образовании. Эмоционально-

ценностное принуждение проявляется в конфликтах разных существующих ценностей (семьи, школы, церкви, общественных институтов), которые как в зеркале отражаются в системе образования в конфликтах между учителями, учениками, родителями, заказчиками выпускников, внутри самого педагогического персонала и т. д.

Приведенный выше исторический пример по изменению соотношения свободы и принуждения показывает, что противодействие – освобождение от эмоционально-ценностного «принуждения» (в терминологии С. И. Гессена) – может быть найдено в новом коллективном осознании при выполнении следующих условий.

1. В происходящей культурной трансформации общества необходимо найти такое основание, которое будет единым для всего человечества, которое позволит сохранить единство всего человечества. Его называют духовным, для всех – единым, где бы оно ни проявлялось. Иначе говоря, необходимо, чтобы происходящая на коллективном уровне трансформация выявила ответы на запросы современного образования в условиях плюрализма ценностей в обществе. Именно духовное основание позволит преодолеть эмоционально-ценностное принуждение сегодняшней системы образования для будущего поколения.

2. Второе необходимое условие: найти **механизмы**, позволяющие передать новые ценности последующему поколению, позволяющие использовать найденные на коллективном уровне ответы и адаптировать их на индивидуальном уровне в образовании (воспитании). Аналог – использование научных достижений в образовательной практике при переходе от церковной к светской системе образования в Средние века.

Новые средства коммуникации, интернет во многом могут сыграть как положительную, так и отрицательную роль, но очевидно, что механизм передачи новых ценностей уже существует, но все дело в том, каким образом они будут внедрены в новое образование. И хотя сейчас делаются множественные попытки их внедрения, но пока их успех проблематичен, так как нет ответа на первый пункт [3].

Сегодня очевидно, что кроме грубого принуждения, которое можно обозначить как дисциплину, подавление, сугубо рациональный подход в педагогике, установленные правила и т. д., более тонкий вид принуждения связан с тем, что ребенок в принципе зависим от **окружающей среды**, как никогда этого не было раньше. В наше время глобальной интеграции всех аспектов жизни этот факт становится еще более значимым. Массовая культура, общественное мнение, мода, всемирная информационная сеть, задающая как огромные возможности образования, так и масштабное подавление в виде интернета, зависимости и игр; друзья-товарищи, улица и всяческие соблазны – все это в значительно большей степени создают другой тип принуждения – более тонкий, более глобальный и тем самым более могущественный, чем во времена Руссо и Толстого. Среда оказывает воздействие, сравнимое с самой системой образования, перенимает ее функции. Поэтому и средства его преодоления, конечно, должны быть построены более сложные, чтобы быть более эффективными [3].

Эмоционально-ценностный плюрализм может быть заменен единым духовным, так как основная цель – сохранение человечества и его эволюция – едина

для всех. Какие качества воспитываются при этом? Как соотносятся свобода и принуждение в данном случае? Достаточно в этом плюрализме ценностей найти то общее, что объединяет их.

В современном обществе можно наметить некоторые позитивные факторы, способствующие поиску объединяющих моментов. Например, очень ценится во всех людях такое качество, как доверие. Доверие в семье, доверие на работе, доверие в магазине – когда существует уверенность, что все будет честно, тебя не обманут, не предадут, не украдут... Посмотрите, как выбирают главу государства, президента, на какие качества смотрит большинство, и вы найдете подтверждение этому. Другое качество – щедрость и милосердие: отношение к людям – что ты сделал для другого, чем пожертвовал, как помог, будь то глава государства или сосед по площадке... В современной культуре можно найти некоторые примеры эффективных решений преодоления принуждения и освоение собственной свободы.

Можно привести некоторые примеры успешного внедрения социокультурных инноваций в системное образование.

1. Методология Г. П. Щедровицкого, построенная как образовательный ресурс на различных возрастных уровнях, позволяет ученику осознавать себя, свои ценности в коммуникационном пространстве, а это – уже важный шаг в возможности противодействия негативным явлениям социума. Все проектные технологии, построенные на этой методологии, внедряются в образовательный процесс на разных уровнях.

2. Игровые техники образовательного процесса, когда так называемое насилие организованных форм, различных идеологических давлений нивелируется формами, приближенными к естественной, живой атмосфере, сливается с самой жизнью, например такое направление, как геймификация образования. Геймификация – это использование игровых техник и элементов в неигровых ситуациях. Методика активно используется в Америке, где педагоги пытаются совместить работу, труд, учебу, удовлетворение своим результатом в процессе этого образования.

Можно присоединиться к утверждению С. И. Гессена, актуальному и сейчас: «Цели жизни современного культурного общества ...и есть суть цели образования. Между образованием и культурой имеется ... точное соответствие. Образование есть не что иное, как культура индивида. И если по отношению к народу культура есть совокупность неисчерпаемых целей-заданий, то и по отношению к индивиду образование есть неисчерпаемое задание. Образование по существу своему не может быть никогда завершено. ... Только необразованный человек может утверждать, что он сполна разрешил для себя проблему образования. И если цели образования совпадают с целями культуры, то очевидно видов образования должно быть столько же, сколько имеется отдельных ценностей культуры... Мы говорим об образовании нравственном, научном (или теоретическом), художественном, правовом, религиозном» [1, с. 35].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что полностью освободить воспитание от принуждения и сделать его свободным невозможно: тип соотношения свободы и принуждения в системе образования зависит от

социальных, культурных факторов. Развитие общества, изменение культурных ценностей позволяют раскрыть новые измерения возможной свободы личности в образовательном процессе (ученика, обучаемого), но и принуждение оказывается более тонким и более могущественным. Осознание этого факта в современной системе образования важно для успехов в его реформировании соответственно запросам общества.

Список литературы

1. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 448 с.
2. Люрья Н. А., Созоров Н. Г. Влияние социокультурных инноваций на формирование профессиональных качеств педагога // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). – 2011. – № 13. – С. 145–150.
3. Люрья Н. А. Формирование профессиональных качеств педагога в системе образования вуза // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). – 2011. – № 13. – С. 151–155.

Lyurya N.A. The Ideas of S. I. Gessen on Freedom and Coercion, and Modern Education // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 3. – P. 70–76.

Annotation. Humanistic ideas of education are closely linked with the understanding of the relation of freedom and coercion that are relevant in this process. The analysis of S. I. Gessen pedagogical systems Jean.-Jacques Rousseau and L. N. Tolstoy, who tried to embody the idea of free education without coercion. Presents findings of S. I. Gessen that attempts to liberate education from in these systems failed. The reasons for these failures he sees in the fact that one type of coercion is replaced by another: coercion is more subtle and takes a different form which is not aware of teachers themselves. The more developed sociocultural aspects of education, the thinner coercion, and therefore more difficult to realize the inner freedom of the learner. The author substantiates the idea that the relationship between freedom and type of coercion in the education system is a reflection of changes in cultural values and depends significantly on how these values permeate the educational system. Examples of education. Examines the impact of culture on type coercion in history (the transition from the medieval system of education to the modern age and Enlightenment), and also analyzes the ratio of culture - education of our time. The author believes that awareness of this fact in the modern system of education, it is important for the formation of the student of the arrangements, allowing it to counteract the compulsion and thereby to gain true freedom.

Key words: Cultural innovations, humanistic education, education, coercion, freedom.

References

1. Gessen S.I. Osnovy pedagogiki. Vvedenie v prikladnyuyu filosofiyu. [Basics of Pedagogy. Introduction in Applied Philosophy]. Moscow. Shkola-Press, 1995 –448.p.
2. Lyurya N. A., Sozоров N.G. Vliyaniye sotsiokul'turnykh innovatsii na formirovaniye professional'nykh kachestv pedagoga. [The Influence of Socio-cultural Innovation in the Formation of Professional Qualities of the Teacher]. Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2011. № 13, pp. 145–150.
3. Lyurya N.A Formirovaniye professional'nykh kachestv pedagoga v sisteme obrazovaniya vuza. [The Formation of Teacher's professional Qualities in the education System]. Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2011. №13, pp. 151–155.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 3 (69). 2017. № 3. С. 77–85.

УДК 327.560

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ТУРЦИИ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: МОДЕЛЬ НЕ ВТЯГИВАНИЯ В МИРОВОЙ КОНФЛИКТ

Ирхин А. А.

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь, Российская Федерация.

E-mail: alex.irhin@mail.ru

В статье исследуется внешнеполитическая модель Турецкой Республики накануне и в период Второй мировой войны. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что такая внешнеполитическая стратегия в рамках многовекторности и заключения союзов с разными сторонами конфликта обеспечила Турции положение победителя при максимально низких издержках и отсутствии каких бы то ни было разрушений на своей территории. Функциональным вопросом при этом является проблема, связанная с тем, сможет ли Российская Федерация воспользоваться такой моделью внешней политики. Очевидно, что уровень геополитической субъектности России, а также навязываемая Западом роль врага в своей имперской системе не позволят Москве воспользоваться такой внешнеполитической моделью, однако она представляет функциональный интерес с теоретической и практической точки зрения в современных геополитических условиях формирования новой системы международных отношений.

Внешняя и внутренняя политика Турции XX–XXI вв. также представляет интерес в рамках цивилизационного подхода, ведь Анкара за этот период переживает беспрецедентные трансформации. Пытаясь стать частью Запада после сокрушительного поражения в Первой мировой войне, Турция отказывается не просто от мусульманской цивилизационной идентичности в рамках Османской империи, но и от статуса лидера суннитского мусульманского мира. Этот процесс проходил с 1920-х годов до начала XXI века, после государство начинает делать попытки возвращения к дореспубликанским традициям развития своего общества в рамках процесса индигенизации, который выделил в своих исследованиях С. Хантингтон.

Ключевые слова: Турция, Вторая мировая война, системы международных отношений.

Начиная с Вестфальской системы международных отношений и до настоящего времени проявились определенные исторические закономерности формирования каждой последующей модели международных отношений.

Во-первых, каждая из них формировалась после масштабного военного конфликта – мировой либо крупных региональных войн.

Во-вторых, будущий мир строился за счет побежденной в этом конфликте стороны.

В связи с этим возникает исследовательский интерес к политике государств, которые избегали вступления в разрушительные войны и при этом с минимальными ресурсными затратами оказывались в лагере держав победителей.

После прихода к власти в Турции умеренных исламистов в 2002 году, Анкара уверенно движется к получению статуса великой региональной державы. В течение XX–XXI вв. рост геополитического потенциала государства от сравнительно слабой страны к южному флангу НАТО и до статуса региональной державы представляет интерес в рамках научной методологии геополитического подхода и исторической динамики. История Турции XX–XXI вв. также представляет интерес в рамках цивилизационного подхода, ведь Анкара за этот период переживает беспрецедентные трансформации, пытаясь стать частью Запада после сокрушительного поражения в Первой мировой войне, отказываясь не просто от мусульманской цивилизационной идентичности, но и от статуса лидера суннитского мусульманского мира (начиная с 1920-х годов и до попыток возвращения к османским традициям развития начиная с 2000-х.). В данный исторический период особое место в турецком обществе занимали вооруженные силы Республики, которые имели возможность влиять на внешнюю и внутреннюю политику государства, поддерживая кемалистскую политическую элиту и ее курс [3, с. 25–26]. После прихода умеренных исламистов к власти их лидер Р. Т. Эрдоган меняет соотношение сил в турецком политикуме и существенно ослабляет влияние военных на внешнеполитический и внутривластный курс Республики [4, с. 11].

Цель публикации заключается в системном исследовании внешнеполитической стратегии турецкого государства в период столкновения великих держав накануне и во время Второй мировой войны.

Объект исследования: международные отношения в условиях складывающихся противоборствующих коалиций и в период мирового конфликта.

Предмет – внешняя политика Турецкой Республики в обозначенные хронологические рамки.

Методологической основой исследования являются геополитический и цивилизационный подходы в рамках методологии хронополитики – комплекса исследований, посвященных неоднородности исторического и политического времени, понимаемые в моделировании как однонаправленные стадийные процессы в истории обществ и анализе циклических или волнообразно изменяющихся тенденций в разных сферах жизни обществ.

Итак, во время Первой мировой войны был запущен процесс разрушения Османской империи, когда Запад пытается навязать Турции Севрский мирный договор (10 сентября 1920 года), который практически уничтожал остатки турецкой государственности. Этот мир, с одной стороны, подписал приговор султанской форме правления, а с другой – спровоцировал национально-освободительную войну турок против условий мира, навязанных Антантой. В итоге через несколько лет турки добиваются подписания Лозаннского мирного договора (24 июля 1923 года), который формирует геополитические рамки современной Турецкой Республики.

Далее турки переживают период значительной модернизации через вестернизацию своего общества и государства, во внешней политике опираясь в том числе на пул проигравших в Первой мировой войне держав. Активно в этой игре режим К. Ататюрка поддерживала и Советская Россия.

В 1936 году Турция возвращается в «Большую игру», но только лишь в качестве объекта влияния и конкуренции великих держав и по большому счету благодаря своему географическому положению.

В том же году состоялась конференция, которая упорядочивала новый режим прохода судов через Черноморские проливы, который с небольшими изменениями сохраняется и на сегодня. Так, 20 июля 1936 в Швейцарском городе Монтре главы Болгарии, Французской Республики, Соединенного Королевства, Греции, Японии, Румынии, Турции, Югославии и представитель ЦИК СССР договорились о новом режиме прохода судов в Босфоре и Дарданеллах. Эта Конвенция признает особое положение черноморских государств по сравнению с нечерноморскими. За торговыми судами всех стран сохраняется полная свобода прохода через проливы в мирное время, в военное же время турецкая сторона вправе вводить ограничения [1, с. 55–56].

Фактически контроль над проливами находится в руках Турции и более сильного государства или группы государств, стоящих за ней. На тот момент Конвенция была направлена против геополитической экспансии СССР (России). Черноморский флот России был «заперт» в Черном море, следовательно не имел стратегического значения, а экономические ограничения не слишком могли коснуться Советского Союза при закрытой модели собственного экономического развития. Однако в современных рамках относительной слабости России конвенция Монтре выгодна Российской Федерации, так как несет в себе ограничения для нечерноморских великих держав по тоннажу и сроку пребывания в Черном море [5, с. 47].

В подписании конвенции из нечерноморских держав участвовали: Англия, Франция и Япония. Это свидетельствует об их стремлениях вести политику в отдаленных регионах и их заинтересованности в ослаблении СССР.

В конференции не принимали участие два государства, которые с геополитической точки зрения являются, по определению З. Бжезинского, геостратегическими действующими лицами, способными к распространению своей власти над другими народами, – США и Германия [2, с. 54].

Таким образом, накануне Второй мировой войны Турция оказалась в центре международной политики. Проводя осторожную и многовекторную внешнеполитическую линию, турецкое правительство использовало сложившуюся международную обстановку для повышения своего статуса и международного престижа.

Главная задача турецкой внешней политики заключалась в том, чтобы не допустить втягивания в будущую мировую войну путем обеспечения нейтралитета, поэтому правительство начало накануне войны сложную внешнеполитическую игру, при которой заключались международные договоры с Великобританией, Францией и Германией. Была попытка заключения договора с СССР, однако она не

увенчалась успехом, в то же время отношения были урегулированы путем пролонгации договора от 1925 года [1, с. 52].

В свою очередь, Советский Союз проводил дипломатическую линию, которая должна была лечь в основу будущего договора, рассчитанного на ограниченные взаимные обязательства. СССР предложил подписать двусторонний пакт о взаимопомощи, ограниченный зоной действия Черного моря и черноморских проливов. Представители СССР считали, что деятельность такого пакта не втянет страну в войну с Германией. Советская элита полагала, что Союз вправе иметь гарантию, что в связи с угрозой войны Турция не пропустит военные корабли нечерноморских государств через Босфор в Черное море [11, с. 65]. В создававшейся ситуации правительство Турции обратилось к своим западным политическим партнерам. 30 сентября 1939 года министр иностранных дел Турецкой Республики Ш. Сараджоглу встретился в Москве с послами Англии и Франции, а 1 октября были возобновлены переговоры между СССР и Турцией, последняя сторона официально отклонила предложение о заключении двустороннего пакта о взаимопомощи, сфера действия которого ограничивалась бы районами Черного моря и проливов.

17 октября 1939 года после почти четырехнедельных переговоров Ш. Сараджоглу выехал из Москвы, а 19 октября 1939 года был подписан союзнический договор между Турцией с одной стороны, а Англией и Францией с другой стороны.

18 июня 1941 года Турцией был подписан договор о «дружбе и ненападении» с Третьим рейхом. 25 июня 1941 года турецкое посольство в Москве опубликовало заявление о том, что правительство Турецкой Республики решило объявить нейтралитет [6, с. 68].

Итак, благодаря своему стратегическому географическому положению, Турция накануне войны стала объектом соперничества трех центров силы – Германии, Великобритании и Франции, СССР.

Советский Союз и Германия были явно не удовлетворены режимом проливов, которые фактически находились в руках Турции и Англии, поэтому этот вопрос стал одним из предметов их секретных переговоров.

Германия предлагала Советскому Союзу условия разделения сфер влияния, возвращение старых российских территорий, потерянных в результате Первой мировой войны. В итоге между Москвой и Германией был заключен договор, вошедший в историю как пакт Молотова – Риббентропа. Этот пакт является крупнейшим провалом английской стратегии за весь XX век [8, с. 81].

В период Второй мировой войны американцы взаимодействовали с Турцией вначале посредством англичан, но вскоре самостоятельно стали активно сотрудничать с турецкой стороной в военно-политической и экономической сферах.

Роль Ближнего и Среднего Востока во Второй мировой войне была неоспорима. Для Англии и Франции регион был важнейшим узлом морских, воздушных и сухопутных коммуникаций, связывающих метрополии с их огромными колониальными владениями в Восточной Африке, Южной Азии и на Дальнем Востоке. Страны региона были источником ценнейших видов сырья для

военных экономик, таких как нефть, хлопок, продовольственные товары, значение которых для западных демократий возросло после оккупации Японией Юго-Восточной Азии в 1942 году [7, с. 3].

К тому же регион в условиях военного противостояния в Северной Африке служил прочным тылом, надежность которого была важнейшим условием для отражения угрозы захвата державами «Оси» Египта и Суэцкого канала, что являлось первостепенным вопросом для Великобритании [12, с. 18–23]. Поэтому англичане и американцы активно начали заключать экономические договоры с Турцией, целью которых было вытеснить Германию с Восточного Средиземноморья.

По соглашениям от 9 октября 1941 года, от 2 июня 1942 года и ряда других между Англией и Турцией англичане стали получать стратегическое сырье: медь, хлопок, шерсть и (что особенно важно) хром, который используется для получения броневых сортов стали [12, с. 15].

Со своей стороны, Англия предлагала взять на себя Соединенным Штатам часть союзнических обязательств по отношению к Турции, и за четыре дня до нападения Японии на Перл-Харбор США заявили о своем решении предоставить Турции помощь по ленд-лизу с 31 декабря 1941 года. Это решение американского правительства было расценено в Турции как одобрение США турецкой внешней политики [6, с. 115]. В Соединенных Штатах Америки понимали и высоко ценили нейтралитет Турции, закрывая глаза на германо-турецкое сотрудничество. В Вашингтоне полагали, что в интересах США поддержать англо-турецкие отношения. Следовательно, уже в начале 1940-х гг. Великобритания ощущала проблему нехватки собственных ресурсов для удержания ответственности в регионе.

Балансируя между союзниками, турецкое правительство обратилось в феврале 1942 года к Германии с просьбой о возобновлении кредитного соглашения 1938 года. Воспользовавшись предложением Германии о концентрации войск на советско-турецкой границе, правительство Турции выдвинуло контрпредложение – обеспечить турецкую армию оружием на том основании, что она фактически будет прикрывать правый фланг наступающих германских армий от возможного нападения англо-американских войск. Таким образом, Турция показывала, что не склоняется на чью либо сторону, придерживаясь нейтралитета и получая военную техническую помощь от двух сторон конфликта.

К 1942 году в результате нового положения на восточном фронте Турция более откровенно стала высказываться по поводу новой опасности в случае провала восточной кампании Гитлера. Турецкие дипломаты стали приходить к выводам, что возможным исходом войны является победа англо-американского блока с помощью СССР. По мнению представителей турецкой дипломатии, это означало полный распад Европы, так как ни Великобритания, ни США не в состоянии остановить напор русских в территориальном отношении и предотвратить большевизацию изголодавшейся, измученной от войны и обнищавшей Европы [12, с. 611]. Оценивая перспективы дальнейшего развития германо-советской войны и опасаясь полной победы союзников, турецкое правительство теперь считало для себя оптимальным

вариантом, возможно, более быструю победу Германии над СССР, после которой Германия могла бы компромиссно урегулировать свои отношения с Англией и США.

На конференциях, происходивших во время войны в Тегеране, Ялте, Потсдаме и других, турецкий вопрос, так или иначе, становился объектом обсуждения и дискуссий между тремя государствами: СССР, США и Великобританией. Последняя после поражения Франции желала вступления Турции в войну на стороне антигитлеровской коалиции, но затем постепенно отказалась от этой идеи.

Еще одна сторона настоятельно требовала вступления в войну Турции – Советский Союз. Турция, в свою очередь, оправдывалась перед западными союзниками и СССР, всячески оттягивая вступление в войну, ссылаясь на ограниченность ресурсов и неудовлетворительное состояние вооружения своей армии, но с оказанием технической помощи союзников турецкое руководство брало на себя обязательство вступить в конфликт [13, с. 225].

30–31 января 1943 года в г. Адане состоялась встреча У. Черчилля с президентом Турции И. Иненю, на которой было решено значительно увеличить военные поставки в Турцию. Турецкая сторона в результате встречи получила от Англии вооружения на сумму 20 млн фунтов стерлингов. В течение первой половины 1943 года в Анкаре побывали руководители британских вооруженных сил на Ближнем Востоке [7, с. 27].

В январе 1943 года в г. Адане между министром иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу и У. Черчиллем состоялся диалог. По мнению Ш. Сараджоглу, Россия могла стать империалистической после Второй мировой войны. Это вынуждает Турцию быть исключительно благоразумной. Черчилль ответил, что будет создана международная организация для обеспечения мира и безопасности, которая будет сильнее Лиги Наций, а также отметил, что он не боится коммунизма. Ш. Сараджоглу заметил, что он ищет чего-то более реального. Вся Европа полна славян и коммунистов. Все побежденные станут большевистскими и славянскими, если Германия будет разгромлена. У. Черчилль отметил, что положение не всегда оборачивается так плохо, как ожидают, но если и случится так, то лучше, чтобы Турция была сильной и тесно связанной с Соединенным Королевством и Соединенными Штатами. «Если Россия без всякой причины нападет на Турцию, то вся международная организация выступила бы в защиту Турции, а гарантии после нынешней войны должны быть гораздо более твердыми не только в отношении Турции, но и в отношении всей Европы. Если Россия станет подражать Германии, то мы должны будем организовать самое тесное сотрудничество против нее» [12, с. 612].

В Тегеране (с 28 ноября по 1 декабря 1943 г.) интенсивность обсуждения условий вступления Турции в войну была достаточно высокой. Советская сторона настаивала на скорейшем вступлении. Англия и Соединенные Штаты занимали более сдержанную позицию.

В Ялте вопросы вступления Турции в войну обсуждались уже в связи с созданием ООН и сроков вступления государств, желающих принять участие в

работе организации. И. Сталин уже был менее оптимистичен по поводу вступления Турецкой Республики в войну. Конференция определила срок вступления государств в конфликт – до 1 марта 1945 года. В самой Турции понимали, что любая критика решений конференции может поставить государство в положение изоляции перед союзниками [9, л. 217–219].

На Потсдамской конференции (с 17 июля по 2 августа 1945 г.) был поднят вопрос о проливах по инициативе президента США Г. Трумэна на 8-м заседании 24 июля 1945 года [10, с. 314].

Отдавая должное турецкому правительству за прекрасную внешнеполитическую тактику, необходимо отметить, что к концу войны цели и задачи Турции изменились. Придерживаться нейтралитета до конца войны было по крайней мере невыгодно, так как в послевоенном устройстве мира государство не получало никаких значительных перспектив. Конечно, как и прежде, оно могло рассчитывать на поддержку Запада. К концу войны изменилось соотношение мировых сил Востока и Запада, что естественно сильно влияло на позицию Турции. Усиление СССР было крайне опасно для положения Турции.

К концу Второй мировой войны политическое руководство Турции пришло к осознанию необходимости вступления своего государства в войну с целью участия в организации, которая будет определять устройство послевоенного мира. Так, 23 февраля 1945 года, когда территории Турции уже не могла угрожать германская авиация, а исход войны был полностью предрешен, государство вступило в конфликт на стороне антигитлеровской коалиции.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что такая внешнеполитическая стратегия обеспечила Турции положение победителя при максимально низких издержках и отсутствии каких бы то ни было разрушений на своей территории. Функциональным вопросом при этом является проблема, связанная с тем, сможет ли РФ воспользоваться такой моделью внешней политики. Очевидно, что уровень геополитической субъектности России, а также навязываемая Западом роль врага не позволят воспользоваться такой моделью внешней политики, однако она представляет функциональный интерес с теоретической и практической точки зрения в современных геополитических условиях формирования новой системы международных отношений.

Список литературы

1. Акгюн М. Черноморские проливы: незримые связи // Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы. – 2003. – С. 43–75.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Международные отношения, 1999. – 256 с.
3. Ирхин А. А. США и роль армии в политической жизни Турции: история и современность // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – 2002. – Том 15 (54). – № 1. – С. 21–29.
4. Ирхин А. А. США и Турция: стратегический союз и тактические разногласия / А. А. Ирхин. – Севастополь: РИБЕСТ, 2016. – 208 с.
5. Ирхин А. А. Внешнеполитическая стратегия США в отношении Турецкой Республики: Дис... канд. пол. Наук / Александр Анатольевич Ирхин. – К., 2006. – 204 с.

6. Корхмазян Р. С. Турецко-германские отношения в годы Второй мировой войны. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1977. – 186 с.
7. Лазарев М. С. Вторая мировая война и страны Ближнего и Среднего Востока. Положение в Турции, Иране, Афганистане и Арабских странах // Международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке после Второй мировой войны (40–50-е гг.). – М.: Наука, 1974. – С. 3–28.
8. Нарочницкая Н. А. Старый «Восточный вопрос» в новой англосаксонской политике // Международная жизнь. – 2001. – № 8. – С. 75–89.
9. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф.17. Оп. 128. Д. 820, 1199.
10. Тегеран, Ялта, Потсдам. Сборник документов трех конференций антигитлеровской коалиции. – М.: Международные отношения, 1971. – 415 с.
11. Черников И. Ф. В интересах мира и добрососедства: советско-турецкие отношения в 1935–1970 гг. – Киев: Наукова думка, 1977. – 198 с.
12. Черчилль У. Вторая мировая война: Сокр. пер. с англ. / Под ред. А. С. Орлова. – М.: Воениздат, 1991. – Кн. 2: Т. 3–4. – М.: Воениздат, 1991. – 670 с.
13. Feis H. Churchill, Roosevelt, Stalin. The War They Wagenand the Peace They Sought. – Princeton University Press, 1957. – 692 p.

Irkhin A. A. The Foreign Policy Strategy of the Turkey Before and within the World War II: Model of Uninvolvement in the World Conflict // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 3. – P. 77–85

Annotation. The article deals with the model of the foreign policy of the Republic of Turkey before and within the World War II. The analysis performed helps to come to the conclusion that Turkey, taking the strategy of the foreign policy of multi-vectored nature and accompanied with alliances with confronting parts of the conflict, earned itself a place of a winner without any devastation of the territory as well as any considerable costs. And of the most functional importance there is the problem whether the Russian Federation is ready to take a model like this. Though it is clear that the level of the geopolitical subjectness of Russia and the model of enemy in the Western imperial system that is imposed by the West won't afford Moscow to take the discussed model of the foreign policy, it is of functional theoretical and practical interest when the new system of foreign policy is formed.

The domestic and foreign policy of Turkey in XX–XXI cc. is considered within the civilizational approach: Ankara witnesses unprecedented changes. Trying to become a part of the West after the crushing defeat in the World War I, Turkey not only neglected its Muslim identity within the Ottoman Empire, but also the status of the leader of the Sunni Muslim. The process started in 1920s and lasted till the early XXI c., when the country made the first attempts to return to pre-republican tradition of the society development within the indigenization process described by S. Huntington.

Key words: Turkey, World War II, systems of foreign relations.

References

1. Akgyun M. Chernomorskie proliivy: nezrimye svyazi [Black Sea Passages: Hidden Communications]. Rossiisko-turetskie otnosheniya: istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy [Russian-Turkish Relations: History, Current State and Prospects], 2003, p. 43–75.
2. Bzhezinskii Z. Velikaya shakhmatnaya doska. Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy [The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperative]. М., «Mezhdunarodnye otnosheniya», 1999, 256 p.
3. Irkhin A. A. SShA i rol' armii v politicheskoi zhizni Turtsii: istoriya i sovremennost' [The USA and a Role of Army in Political Life of Turkey: History and Present]. Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo [Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University], 2002, Tom 15 (54), № 1, p. 21–29.
4. Irkhin A. A. SShA i Turtsiya: strategicheskii soyuz i takticheskie raznoglasiya [USA and Turkey: Strategic Union and Tactical Disagreements]. Sevastopol', «RIBEST», 2016, 208 p.

5. Irkhin A.A. Vneshnepoliticheskaya strategiya SShA v otnoshenii Turetskoi Respubliki: Dis... kand. pol. Nauk [The U.S. Foreign Policy Strategy Towards the Turkish Republic]. K., 2006. – 204 p.
6. Chernikov I.F. V interesakh mira i dobrososedstva: sovetsko-turetskie otnosheniya v 1935–1970 gg. [For the Benefit of the World and Neighborliness: the Soviet-Turkish Relations in 1935–1970]. Kiev, Naukova dumka, 1977, 198 p.
7. Korkhmazyan R.S. Turetsko-Germanskije otnosheniya v gody Vtoroi mirovoi voiny [The Turkish-German Relations in the Years of World War II]. Erevan, Izdatel'stvo AN Armyanskoi SSSR, 1977, 186 p.
8. Narochitskaya N.A. Staryi «Vostochnyi vopros» v novoi anglosaksonskoi politike [Old "East Question" in New Anglo-Saxon Policy]. Mezhdunarodnaya zhizn' [International Life], 2001, № 8, p. 75–89.
9. Lazarev M.S. Vtoraya mirovaya voyna i strany Blizhnego i Srednego Vostoka. Polozhenie v Turtsii, Irane, Afganistane i Arabskikh stranakh [World War II and Countries of the Middle East. Situation in Turkey, Iran, Afghanistan and Arab Countries]. Mezhdunarodnye otnosheniya na Blizhnem i Srednem Vostoke posle vtoroi mirovoi voiny (40–50-e gg.) [The International Relations in the Middle East after World War II (the 40–50th)], 1974, p. 3–28.
10. Cherrhill U. Vtoraya mirovaya voyna: Sokr. per. s angl. / Pod red. A. S. Orlova. – M. : Voenizdat, 1991. – Kn. 2: T. 3–4. – M. : Voenizdat, 1991. – 670 s.
11. Feis H. Churchill, Roosevelt, Stalin. The War They Waged and the Peace They Sought, Princeton University Press, 1957, 692 p.
12. Rossijskij centr hranenija i izuchenija dokumentov novejshej istorii [Russian Center Storage and Studying of Contemporary History Documents]. F.17. Op. 128. D. 820, 1199.
13. Tegeran, Jalta, Potsdam. Sbornik dokumentov trjoh konferencij antigitlerovskoj koalicii [Tehran, Yalta, Potsdam. Documents`Collection of Three Anti-Hitlerite Coalition Conferences]. M., Mezhdunarodnye otnosheniya, 1971, 415 p.

УДК 327.2

МЕХАНИЗМЫ ЗАПАДНОЙ ИЗОЛЯЦИИ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ЭВОЛЮЦИИ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ

Константинова А. П.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: alinadant@rambler.ru

В статье рассматривается проблема изоляции России странами Запада. Выделяется пять исторических этапов направленной на изоляцию России политики Запада, в период которых происходило усовершенствование механизмов изоляции. Первый этап политики, направленной на изоляцию России, охватывает XVI–XVIII века. Второй исторический этап в противостоянии между Западом и Россией охватывает период примерно от появления Петровской империи до конца Крымской войны. Третий этап начинается в период революций 1917 года и до конца Второй мировой войны. Санкции в послевоенный период стали одним из наиболее распространенных изоляционных инструментов. Пятый этап начинается с начала XXI века и связан с использованием различных геополитических технологий и давлением на Россию по всему периметру ее границ. Анализ механизмов западной изоляции показывает, что на протяжении нескольких столетий механизмы изоляции России странами Запада развивались, но их геополитические векторы оставались неизменными.

Ключевые слова: механизмы изоляции, геополитика, национальная безопасность, национальные интересы, мировое господство, Запад, изоляция России.

Новый виток противостояния России со странами Запада, которые проводят политику ее изоляции, вынуждает нас вновь проанализировать исторический опыт подобных условий. Сходство многих явлений, характерных для переломных эпох, создает исторические параллели, дает ключ к верному пониманию механизмов международных процессов и их научному осмыслению, пониманию той роли, которую они продолжают играть в современном политическом процессе.

Под политической изоляцией понимается система мер, используемых с целью устранения противника или конкурента от внешнего мира, нарушение его внешних связей, исключение его из системы международных отношений с целью его принуждения к выполнению каких-либо требований.

Анализ работ как отечественных, так и зарубежных авторов указывает на то, что термин «санкция» не имеет строго определенного толкования. В данной статье под санкциями понимаются различные ограничения, вводимые одним государством или группой государств на осуществление связей со страной-объектом с целью принудить ее изменить свое поведение.

К важнейшим геополитическим концепциям, составляющим методологическую основу исследования, относятся: концепции Х. Маккиндера,

А. Мэхэна, Н. Спайкмана. Наличие устойчивых контрастов между социально-политическим развитием регионов обуславливает возникновение системы «центр – периферия». Ф. Бродель, И. Валлерстайн и др. дают периодизацию истории, основываясь на смене гегемонии тех или иных стран: Испании, Нидерландов, Англии и США, указывая, что в каждом цикле истории капитализма выделялась держава, которая выступала гегемоном центра, организуя эксплуатацию периферии [22]. И. Валлерстайн относит к полупериферии более двадцати стран мира, в том числе и Россию.

Х. Маккиндер рассматривал территорию Евразии (России) – «хартленд» – как регион, определяющий мировое господство. И чтобы противостоять «хартленду», морским державам необходимо установить над ним контроль, в том числе над государствами, входящими во «внутренний полумесяц», то есть являющимися пограничными по отношению к «хартленду» [20].

В период образования российского централизованного государства в конце XV – начале XVI века появляется необходимость выхода к незамерзающим портам. Прямым следствием российской политики является появление проекта Балто-Черноморской дуги, отрезающего Россию от выходов к морю [16]. В начале XVI века против России вводятся первые коллективные санкции Литовского княжества, ганзейских городов и Ливонского ордена. Кроме того, Польша, Литва, Ливонский орден и Священная Римская империя в течение XVI века вводили торговые ограничения, препятствовавшие поставкам в Россию стратегического сырья и въезду специалистов, применяли дипломатические шаги, направленные на создание негативного образа русского государства [9; 21; 22]. На первом историческом этапе (XVI–XVIII века) политика Запада по отношению к России также была направлена на формирование в европейском сознании устойчивого представления о России как варварской стране.

Изменить статус русского государства и выйти из изоляции России удалось в XVII веке, в годы Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.), когда Запад был занят внутренними конфликтами между ведущими державами [17].

Как отмечает крымский исследователь А. А. Ирхин, успешно противостоять Западу, будучи его экономической периферией, Россия может при условии, что Запад разобщен, а наибольший успех достигается, когда он занят внутренними конфликтами между ведущими державами [8].

Второй исторический этап в противоборстве Запада и России охватывает период примерно от возникновения Петровской империи до окончания Крымской войны. Россия стала утверждаться в качестве полупериферийной страны со второй четверти XVIII века, после реформ Петра I [3]. В течение XVIII века «триморье» («приморье») становится коммуникационным треугольником России (Балтийское – Черное – Каспийское моря) [10].

Вторая половина XVII–XVIII вв. считается эпохой внешнеполитического и военного господства Франции на европейском континенте. В XVIII в., когда Россия входит в полупериферию, Франция проводит линию укрепления «восточного барьера», в состав которого включает граничащие с Россией государства – Швецию,

Речь Посполитую и Османскую империю [4]. «Восточный барьер» становится средством сдерживания «российской угрозы» [13].

Таким образом, первый этап политики, направленной на изоляцию России, отхватывает XVI–XVIII века. С момента становления ее в качестве централизованного государства в середине XVI в. инструментами изоляции России становятся санкции – меры, направленные на блокирование доступа к Балтийскому морю. Экономические санкции в данный период носят эпизодический характер. После того как «триморье» становится коммуникационным треугольником России, выстраивавшаяся столетиями в отношении России экономическая блокада утрачивает актуальность. В XVIII в., когда Россия входит в полупериферию, Франция проводит линию укрепления «восточного барьера», в состав которого включает граничащие с Россией государства – Швецию, Речь Посполитую и Османскую империю. На первом историческом этапе среди механизмов изоляции по отношению к России проводится политика, направленная на формирование в европейском сознании представления о России как варварской стране.

Сделав при Петре I ставку на присоединение к европейскому цивилизационному сообществу, Россия ищет способы достичь постоянного влияния на жизнь Запада. Она быстро этого добивается, поскольку международная конъюнктура эпохи в этом благоприятствовала.

В период царствования Екатерины II роль России в отношении Запада сводилась к союзнической поддержке одного западноевропейского центра силы против другого. Главными стратегическими ходами Екатерины II оказываются войны с Турцией и разделы Польши, отношения же с крупными европейскими державами Австрией и Пруссией выстраиваются в зависимости от отношения каждой из них к турецкой игре Империи. Вес России на Западе в данный период определялся успехами вне пространства Запада.

На протяжении XIX века вражда между морским гегемоном – Великобританией и Россией являлась постоянным фактором международных отношений. Великобритания стремилась ослабить Россию, следуя своему традиционному курсу – не допустить возникновения и существование континентального гегемона.

Русофобия была одной из причин, определявших политику Великобритании на протяжении большей части XIX века [11]. Англия проводила политику противодействия России на Кавказе и в Закавказье, стала направлять Иран и Турцию против России. Способы британской помощи были различны – вооружение, финансы, дипломатия, информационная поддержка, военные консультации.

Правительство Великобритании, в котором внешнеполитический курс определял премьер-министр Г. Дж. Пальмерстон, делало все возможное для ослабления российских позиций на Ближнем Востоке и превращения Турции в стража британских интересов. Следует отметить, что наметившиеся антироссийские мотивы лондонского курса опирались на поддержку заинтересованных европейских держав. Лейтмотивом австрийской политики по отношению к России становится девиз министра иностранных дел К. Фикельмона: «Всегда оказывать сопротивление России, никогда не разрывая с ней» [19].

Пальмерстону Османская империя представлялась «сторожем» черноморских проливов и буфером против российского экспансионизма на Ближнем Востоке [16]. Попытки России решить собственные геополитические задачи за счет османских владений без согласия европейских стран вели к риску столкновения с «объединенной Европой». Примером может служить победоносная для России война с Турцией в 1877–1878 гг., не принесшая желаемого геополитического успеха [7].

Г. Пальмерстон перед началом Крымской войны 1853–1856 гг., завершившейся изоляцией России, писал: «Моя заветная цель в войне, начинающейся против России, такова: Аландские острова и Финляндию отдать Швеции; часть остзейских провинций России у Балтийского моря передать Пруссии; восстановить самостоятельное королевство Польское как барьер между Германией и Россией. Валахию, Молдавию и устье Дуная отдать Австрии, Крым, Грузию отдать Турции, а Черкесию либо сделать независимой, либо передать под суверенитет султана» [23]. Отчетливо видно, что по этому сценарию Россия должна была быть отрезана от Черного и Балтийского морей.

Оказавшись в изоляции после Крымской войны, Россия изменила геополитическую ориентацию с Запада и черноморских проливов, стремилась переориентировать военные, политические и коммерческие интересы страны на Дальний Восток, создать крупнейший на Тихом океане флот, реформировать в свою пользу тихоокеанскую систему международной торговли [8]. Таким образом, вытесненная из восточных пределов Европы коалицией западных держав во главе с Великобританией Россия развернулась в сторону Средней Азии и Дальнего Востока.

Теперь целью Великобритании становится оттеснение России от Тихоокеанского побережья [2, с. 90–102]. Англия подталкивает Японию к войне с Россией, обеспечивая тыловую поддержку. Поражение в Русско-японской войне вернуло Россию к континентальной модели развития и геополитической ориентации на Запад и черноморские проливы [18].

Таким образом, второй этап охватывает XIX в. до начала XX века. В XIX веке Балто-Черноморское пространство используется Францией, Великобританией и Австрией для ограничения участия Российской империи в международных делах. Историческая преювентивность в использовании пространства для изоляции России, которое в разные эпохи принимало различные формы – идеологическую, военно-политическую, экономическую и технологическую, дает основание полагать, что и в будущем эта роль вряд ли изменится. В середине столетия по итогам неудачной для России Крымской войны санкции вновь используются как механизм изоляции. К категории наиболее известных санкций следует отнести запрет России иметь флот на Черном море, введенный условиями Парижского договора (1856 г.) по окончании Крымской войны. В числе механизмов изоляции – политика Великобритании постепенного оттеснения России от Балтийского, Черного и Каспийского морей, противодействия России на Кавказе и в Закавказье, направление Ирана и Турции против России, принудительное возвращение России к континентальной модели развития и геополитической ориентации на Запад и

черноморские проливы, антироссийская пропаганда, изображающая Россию в качестве потенциального агрессора.

Третий этап начинается в период революций 1917 г. до окончания Второй мировой войны. В очередной раз санкции в отношении России были введены по инициативе американского госсекретаря Р. Лансинга со стороны США, Великобритании и Франции. Этому предшествовала их интервенция, а также начавшаяся польско-советская война. В 1925 г. были введены новые санкции в отношении Советской России – «золотая блокада».

XX век привнес новые модели и проекты в старые геополитические схемы, предполагающие использование таких стратегий, как санитарный кордон и «анаконда» против России. У. Черчилль призывал отгородить Советскую Россию от Западной Европы кордоном «неистово ненавидящих большевизм государств» [15]. После Первой мировой войны Финляндия, республики Прибалтики, Польша и Румыния оказались включенными в этот санитарный кордон. Великобритания и ее союзники выстраивали в межвоенный период в Восточной Европе на стыке соперничающих геополитических систем зону из малых независимых государств, которые составили «санитарный кордон», отделявший Запад от России.

Четвертый этап охватывает период холодной войны. Санкции в данный период стали одним из распространенных инструментов изоляции. С целью изоляции СССР и стран Восточной Европы применяется стратегия «контролируемого технологического отставания», экономического «удушения» СССР, изоляция в иных сферах международного сотрудничества: дипломатической, культурной, спортивной и т. д. Начавшаяся холодная война оказалась последовательным воплощением стратегии «анаконда». СССР на всем протяжении своих границ был заперт странами, входившими в те или иные военно-политические альянсы, инициированными США. От Норвегии на северо-западе, через Европу, Турцию и до Японии. В XX веке целям США служила также враждебность между Китаем и Советским Союзом [12, с. 712].

Ряд российских исследователи отмечает [6; 1], что события последних лет доказывают, что Запад продолжает стратегию «анаконда», нацеленную на «удушение» континентальной России путем оттеснения ее от морских пространств и «отсечения» окраин, и что дезинтеграция СССР не означает отказ от нее.

Пятый этап начинается с начала XXI века и связан с применением различных геополитических технологий и давления на Россию по всему периметру ее границ. Механизмы изоляции также включают западные санкции, содержащие полный спектр инструментов экономического, политического и информационного давления, дискредитацию политического руководства, предполагают стягивание кольца угроз вокруг России.

На основе рассмотренного материала можно сделать следующие выводы.

Во-первых, на протяжении нескольких столетий механизмы изоляции России странами Запада развивались, но их геополитические векторы оставались неизменными. Запад стремился лишиться своего главного конкурента технологических работок, навязать периферийный статус в мировом порядке,

изолировать континентальную часть противника от морских берегов, выиграть борьбу в информационном пространстве.

Во-вторых, изученный материал позволяет выделить пять исторических этапов политики Запада, направленной на изоляцию России, в период которых происходило усовершенствование механизмов изоляции. Из них наибольший интерес представляет период XIX в. – начала XX века, когда несколько государств играли роль глобальных лидеров, в связи с возможностью проведения параллели с современностью. Еще в мае 2012 года, участвуя в дискуссии в Институте Брукингса, З. Бжезинский предложил США копировать стратегию Великобритании в Европе в XIX и в начале XX века и стать балансиром, стороной, влияющей на принятие решений, но не прямым участником материковых конфликтов. Очевидно, что Америка после прихода изоляциониста Дональда Трампа будет делать ставку на своих союзников, среди которых основным союзником после Brexit является Великобритания. Данную политику США можно назвать политикой «косвенной вовлеченности», означающей ставку на формирование проамериканских коалиций в регионах, в которых появляются силы, способные бросить вызов гегемонии США.

Список литературы

1. Абдуразаков Р. А. К вопросу о месте Крыма в зарубежной геополитической теории и практике новейшего времени // Вестник дагестанского научного центра РАН. – 2015. – № 56. – С. 71–77.
2. Вандам (Едрихин) А. Е. Геополитика и геостратегия. – М.: Кучково поле, 2002. – 272 с.
3. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 415 с.
4. Герасимова Г. И. «Северный аккорд» графа Панина: Проект и реальность / Г. И. Герасимова. – М.: Международные отношения, 1992. – С. 65–78.
5. Дзарасов Р. С. За лучшую долю! Украинский кризис сквозь призму системного подхода / Р. С. Дзарасов. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 408 с.
6. Зуева Н. А., Губаев А. Р. От стратегии анаконды к Рах Americana? // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Федеральная служба исполнения наказаний, ФКОУ ВПО «Воронежский институт ФСИН России». – 2016. – С. 452–454.
7. Зеленева Е. И., Зеленева И. В. Восточный вопрос // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2005. – № 2. – С. 63–77.
8. Ирхин А. А. Россия и Запад: методологический уровень конкуренции // Запад-Восток. – 2015. – № 8. – С. 9–15.
9. Королюк В. Д. Ливонская война (Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в.). // Отв. ред. А. А. Новосельский. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. – 110 с.
10. Котляр Н. В. Евразийский транспортный коридор. Международное право или мировые коммуникации? // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2010. – № 1. – С. 153–167.
11. Киселев А. А. Великобритания в системе международных отношений конца XVII – первой половины XVIII века // Вестник ВолГУ. – 2007. – № 6. – С. 8–15.
12. Киссинджер Г. Дипломатия. – М.: Ладомир, 1997. – 848 с.
13. Михнева Р. Россия и Османская империя в международных отношениях в середине XVIII века (1739–1756). – 1985. – 184 с.
14. Нарочницкая Н. Россия и Запад в новых геополитических реальностях [Электронный ресурс] / Н. Нарочницкая – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/analit/global/roswestgeopol.htm> (Дата обращения: 15.08.2017).

15. Нарочницкая Н. А., Фалин В. М. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну. – Москва, 2009. – 416 с.
16. Нарочницкая Н. Треугольник Россия – Украина – Польша: российская точка зрения. URL: <http://narochnitskaia.ru/in-archive/treugolnik-rossiya-ukraina-polsha-rossiyskaya-tochka-zreniya.html?view=full> (Дата обращения: 15.09.2017).
17. Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства / Б. Ф. Поршнев. – М.: Наука, 1976. – 436 с.
18. Переслегин С. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. – М.: АСТ, 2005. – 619 с.
19. Сиротника Е. В. «Всегда оказывать сопротивление России, никогда не разрывая с ней»: австрийско-российские отношения накануне крымской войны // Вестник тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. – 2013. – № 9 (125). – С. 329–333.
20. Федоров К. М. Ближневосточный вектор // Управленческое консультирование. – 2013. – № 4 (52). – С. 133–144.
21. Черникова Т. В. Европейизация России во второй половине XV–XVII веках. – М.: МГИМО-Университет, 2012. – 944 с.
22. Черникова Т. В. Московское государство в европейском геополитическом пространстве в середине XV–XVI вв. // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – № 4 (13). – С. 68–76.
23. Чеучева А. К. Основные направления внешней политики Великобритании на Северо-Западном Кавказе в 50–60-х гг. XIX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2012. – № 2. – С. 33–44.

Konstantinova A. P. Mechanisms of Western Isolation of Russia: Problems of Evolution and Periodization // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 3. – P. 86–93.

The article examines the problem of Russia's isolation by Western countries. Are singled out five historical stages of Western policy aimed at isolating Russia, during which improvements were made in the mechanisms of isolation. The first stage of the policy aimed at isolating Russia takes the XVI-XVIII centuries. The second historical stage in the confrontation between the West and Russia covers a period from the appearance of the Peter Empire until the end of the Crimean War. The third stage begins in the period of the revolutions of 1917 and until the end of the Second World War. Sanctions in the post-war period have become one of the most common tools of isolation. The fifth stage begins with the beginning of the XXI century and is associated with the use of various geopolitical technologies and pressure on Russia along the entire perimeter of its borders. An analysis of the mechanisms of Western isolation shows that for several centuries the mechanisms of Russia's isolation by the West have evolved, but their geopolitical vectors have remained unchanged.

Key words: isolation mechanisms; geopolitics; National security; national interests; world domination; West; isolation of Russia.

References

1. Abdurazakov R.A. K voprosu o meste Kryma v zarubezhnoi geopoliticheskoi teorii i praktike noveishego vremeni [On the question of the place of Crimea in the foreign geopolitical theory and practice of modern times]. Vestnik dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN [Bulletin of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2015, no 56, pp. 71–77.
2. Chernikova T.V. Evropeizatsiya Rossii vo vtoroi polovine XV-XVII vekakh. [Europeanization of Russia in the second half of the XV-XVII centuries]. Moscow, MGIMO-Universitet, 2012, 944 p.
3. Chernikova T.V. Moskovskoe gosudarstvo v evropeiskom geopoliticheskom prostranstve v seredine XV – XVI vv. [Moscow state in the European geopolitical space in the middle of XV - XVI centuries.]. Vestnik MGIMO-Universiteta. [Bulletin of MGIMO-University], 2010, no 4 (13), pp. 68–76.
4. Cheucheva A.K. Osnovnye napravleniya vneshnei politiki Velikobritanii na Severo-Zapadnom Kavkaze v 50-60-kh gg. XIX v. [The main directions of Britain's foreign policy in the North-Western Caucasus in the 50's and 60's. XIX century] Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Adyghe State University], 2012, no 2, pp. 33–44.

5. Dzarasov R.S. *Za luchshuyu dolyu! Ukrainskii krizis skvoz' prizmu mir-sistemnogo podkhoda* [The Ukrainian crisis through the prism of the world-system approach]. Moscow, LENAND, 2016, 408 p.
6. Fedorov K.M. *Blichnevostochnyi vektor* [Middle East vector] // *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Administrative consulting], 2013. no 4 (52), pp. 133–144.
7. Gerasimova G.I. «Severnyi akkord» grafa Panina: Proekt i real'nost' [Count Nordin's "Northern Chord": Project and Reality]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1992, 178 p.
8. Irkhin A.A. *Rossiya i Zapad: metodologicheskii uroven' konkurentsii* [Russia and the West: the methodological level of competition]. *Zapad-Vostok* [West-East.], 2015, no 8, pp. 9–15.
9. Korolyuk V.D. *Livonskaya voina (Iz istorii vneshnei politiki Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva vo vtoroi polovine XVI v.)*. [The Livonian War (From the History of the Foreign Policy of the Russian Centralized State in the Second Half of the 16th Century)]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1954, 110 p.
10. Kotlyar N.V. *Evrasiiskii transportnyi koridor. Mezhdunarodnoe pravo ili mirovye kommunikatsii?* [Eurasian transport corridor. International law or world communications?]. *Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Vladivostok State University], 2010, no 1, pp. 153-167.
11. Kissindzher G. *Diplomatiya*. [Diplomacy]. Moscow, Ladomir, 1997, 848 p.
12. Kiselev A.A. *Velikobritaniya v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii kontsa XVII-pervoi poloviny XVIII veka* [Great Britain in the system of international relations of the end of the XVII-first half of the XVIII century]. *Vestnik VGU* [Bulletin of the Volgograd State University], 2007, no 6, pp. 8–15.
13. Mikhneva R. *Rossiya i Osmanskaya imperiya v mezhdunarodnykh otnosheniyakh v seredine XVIII veka (1739-1756)* [Russia and the Ottoman Empire in International Relations in the middle of the XVIII century (1739-1756)]. Moscow, 1985, 184 p.
14. Narochitskaya N.A., Falin V.M. *Partitura Vtoroi mirovoi. Kto i kogda nachal voinu* [The score of the Second World War. Who and when started the war.]. Moscow, 2009, 416 p.
15. Narochitskaya N. *Rossiya i Zapad v novykh geopoliticheskikh real'nostyakh* [Russia and the West in New Geopolitical Reality]. Available at: <http://www.pravoslavie.ru/analit/global/roswestgeopol.htm> (Accessed: 15 August 2017).
16. Narochitskaya N. *Treugol'nik Rossiya – Ukraina – Pol'sha: rossiiskaya tochka zreniya* [Triangle Russia-Ukraine-Poland: the Russian point of view]. URL: <http://narochitskaia.ru/in-archive/treugolnik-rossiya-ukraina-polsha-rossiyskaya-tochka-zreniya.html?view=full> (Accessed: 15 September 2017).
17. Porshnev B. F. *Tritsatiletnyaya voina i vstuplenie v nee Shvetsii i Moskovskogo gosudarstva* [The Thirty Years' War and the Accession of Sweden and the Moscow State into It]. Moscow, Nauka, 1976, 436 p.
18. Pereslegin S. *Samouchitel' igry na mirovoi shakhmatnoi doske* [Self-instruction game on the world chess board]. Moscow, AST, 2005, 619 p.
19. Sirotnika E.V. «Vsegda okazyvat' soprotivlenie Rossii, nikogda ne razryvaya s nei»: avstriisko-rossiiskie otnosheniya nakanune krymskoi voiny [«Always resist Russia, never breaking with it»: Austrian-Russian relations on the eve of the Crimean War], *Vestnik tambovskogo universiteta*. [Bulletin of Tambov University], 2013, no 9 (125), pp. 329–333.
20. Vandam (Edrikin) A.E. *Geopolitika i geostrategiya* [Geopolitics and geostrategy.]. Moscow, Kuchkovo pole, 2002, 272 p.
21. Vallerstain I. *Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire* [Analysis of world systems and the situation in the modern world]. Saint Petersburg, Universitetskaya kniga, 2001, 415 p.
22. Zueva N.A., Gubaev A.R. *Ot strategii anakondy k Pax Americana?* [From an anaconda strategy to Pax Americana?] *Aktual'nye problemy deyatel'nosti podrazdelenii UIS. Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Federal'naya sluzhba ispolneniya nakazanii, FKOU VPO «Voronezhskii institut FSIN Rossii»* [Actual problems of the activity of UIS subdivisions. Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Federal Service for the Execution of Sentences, Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia]. 2016, pp. 452–454.
23. Zelenev E.I., Zeleneva I.V. *Vostochnyi vopros* [The Eastern Question]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University], 2005, no 2, pp. 63–77.

УДК 327.83

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ НЕГАТИВНОГО ИМИДЖА РОССИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРЫМСКО-ТАТАРСКОГО ФАКТОРА: РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Демешко Н. Э.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: natalidem93@mail.ru

В статье раскрывается технологическая составляющая использования национального вопроса в процессах формирования негативного международного и внутригосударственного имиджа России на примере крымских татар. Последний фактор активно использовался великими державами: США, Германией, Францией, Англией, а также и другими государствами: Украиной, Польшей и странами Балтии с целью изменения ментальной карты Крыма и выхода его из сферы влияния России. Чтобы противостоять дестабилизирующему влиянию иностранных государств на российское этноцивилизационное пространство, необходимо выявить и системно изучить иностранные политические технологии, формирующие антироссийское мировосприятие. В статье рассматриваются этапы изучения истории крымских татар международным научным сообществом; проводится анализ зарубежной политической литературы, посвященной крымским татарам; обозначаются международные фонды, финансирующие научные исследования по данной тематике; приводятся сведения о проектах, отчетах международных и неправительственных организаций, демонстрирующих нарушение прав человека в Крыму; также перечисляются средства массовой информации, публикующие материалы, в которых раскрывается уязвимое положение крымских татар на территории российского Крыма. Полученная информация позволила выявить политические технологии, системно применяющиеся зарубежными государствами с целью ослабления и возможной последующей дезинтеграции российского геополитического пространства по линиям национальных разломов.

Ключевые слова: крымско-татарский фактор, «мягкая сила», технологии, дезинтеграция.

В исторической ретроспективе системы международных отношений создавались и поддерживались империями, которые в настоящее время получили нейтральный эмоциональный статус великих держав. В ходе военных действий между субъектами мировой и региональной политики происходило перераспределение всех видов ресурсов. Новый мир создавался на обломках старого порядка и за счет побежденной стороны. При этом в «эпоху мира», следовавшей после войн, конкуренция между великими державами никогда не приостанавливалась. Борьба за различные виды ресурсов переносилась из сферы «жесткой силы» в пространство экономической и информационно-смысловой конкуренции. В итоге в данном противоборстве победу достигал тот участник конкуренции, который в информационно-идеологическом противостоянии лишал своего конкурента смыслов существования или собственной смысловой картины

мира. Как правило, побежденной стороне навязывались чужие цивилизационные смыслы и периферийное место в чужом цивилизационном проекте. Данная тенденция явно прослеживается на примере блока социалистических стран после краха биполярной системы международных отношений [11, с. 489–490].

При этом противостояние в плоскости идей в условиях развития информационных технологий получает значение, равнозначное с прямым военным столкновением, но с большими разрушительными последствиями в сравнении с военным противостоянием. Это объясняется тем, что военное столкновение быстрее мобилизует общественные системы, а информационное воздействие размывает его целостность [12, с. 396].

Причем, как показывает исторический опыт разрушения Российской империи и Советского Союза, конкурирующими империями создавались и активизировались механизмы, способствующие дискредитации и автоматической потере авторитета власти и последующего разрушения государственного организма, который существовал в уникальной форме мирного и успешного взаимодействия разных народов внутри единого российского государства. То есть формирование негативной исторической матрицы смыслов с успехом переносилось на современное политическое состояние. В свою очередь, эта негативная политико-историческая картина мира для России формировалась как за рубежом, так и внутри государства и имела системные отрицательные последствия для развития государственного проекта в целом. В случае идеологической слабости современной России итогом такого противостояния в пространстве смыслов может быть сопоставимый результат с поражением в военном конфликте – мир без России и за счет России.

Для противостояния дестабилизирующему влиянию иностранных государств на российское этно-цивилизационное пространство необходимо выявить технологии, формирующие антироссийское мировосприятие населения Российской Федерации. Данные технологии хорошо прослеживаются на примере крымско-татарского этноса. Последний фактор активно использовался великими державами: США, Германией, Францией, Англией, а также более слабыми объектами: Украиной, Польшей и странами Балтии с целью изменения ментальной карты Крыма и выхода его из сферы влияния России [8, с. 49].

Цель данной работы заключается в выявлении и системном исследовании политических технологий со стороны иностранных государств в формировании негативного имиджа России с использованием национального вопроса.

В рамках достижения данной цели в работе решаются следующие задачи:

1. Изучение иностранной политической литературы, посвященной крымско-татарскому этносу.
2. Определение международных фондов, системно финансирующих научные работы о крымских татарах.
3. Выявление и классификация публикаций западного научного сообщества, демонстрирующих технологии формирования негативного имиджа России с использованием крымско-татарского фактора.

4. Изучение и анализ отчетов, проектов международных и неправительственных организаций, посвященных соблюдению и защите прав человека в Крыму.

5. Мониторинг материалов средств массовой информации, раскрывающих современное положение крымских татар на территории Крыма.

6. Выявление и классификация отчетной документации международных и неправительственных организаций, а также данных, размещенных в средствах массовой информации, демонстрирующих системное применение иностранных технологий дезинтеграции российского пространства.

Исследование политических технологий формирования негативного имиджа России с использованием крымско-татарского фактора проходило в рамках разработанной научной методологии. При этом под понятием «политическая технология» подразумевается «совокупность приемов, методов, способов, процедур, которые использует субъект политической деятельности» [4]. Методология исследования заключается в применении системного подхода, составной частью которого выступают цивилизационный, геополитический и герменевтический подходы. В качестве основных методов исследования используются: историко-хронологический, анализ, синтез, абстрагирование, конкретизация, обобщение, индукция, дедукция, изучение литературы, отчетов и результатов деятельности средств массовой информации, мониторинг и методы исследования объекта во времени: ретроспектива.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что иностранные государства на системном уровне применяют различные механизмы дестабилизации российского пространства, которые состоят из четырех этапов:

1. Выбор целевой аудитории.
2. Изучение особенностей данной аудитории (истории, культуры, социальных навыков, религии, языка, экономического положения).
3. Разработка политических технологий на основании полученных данных.
4. Доведение до целевой аудитории системно повторяющейся информации с целью создания антироссийского образа мысли.

Данные механизмы технологически представляют три основных направления:

1. Демонизация России.
2. Виктимизация (формирование образа жертвы) народов, проживающих либо проживавших на территории России в различные исторические периоды, в том числе русского народа.
3. Интернационализация двух предыдущих направлений.

Проводниками дезинтеграционных технологий являются:

1. Западное научное сообщество.
2. Международные фонды, общественные и международные организации.
3. Средства массовой информации.

Начиная с 1920-х гг. XX века положение тюркских народов, в том числе и в Крыму, стало объектом особого внимания иностранных исследователей в связи с активизацией интереса на Западе к положению национальных меньшинств и развитию национализма в СССР [9]. Данный интерес объясняется

многонациональным составом населения Советского Союза и возможностью ослабления государства с помощью национального вопроса, который сыграл значительную роль в прекращении существования как Российской империи, так и впоследствии Советского Союза. В 1921 году в Лозанне на французском языке вышла книга Джафера Сейдамета «La Crime» («Крым») [30], которая стала одной из первых, претендующих на полное освещение истории крымских татар.

В 1930-е годы изучением истории крымских татар за рубежом занимались представители крымской диаспоры в Румынии и Польше [9], а также немецкие исследователи, разработки которых могли использоваться в период Великой Отечественной войны для создания напряженности внутри СССР посредством национального вопроса, с целью ослабления внешних позиций государства. О серьезном внимании, которое уделялось проблемам тюркского населения в СССР и в другой европейской стране – Германии, свидетельствует опубликованная в 1936 г. в Берлине монография Герхарда фон Менде «Национальная борьба тюрков России». Автор книги стал признанным специалистом в области истории тюркских народов. В период Второй мировой войны он являлся начальником управления германского Восточного министерства и продолжал заниматься крымско-татарской проблематикой. В частности, вел переговоры с представителями крымской диаспоры о будущем Крыма после победы Третьего рейха [9].

После Второй мировой войны изучение крымско-татарского вопроса нашло на Западе свое дальнейшее развитие. Сотрудники целого ряда расположенных в Западной Европе и США научных центров исследовали различные аспекты, связанные с историей и тогдашним положением мусульман Советского Союза [21]. В данный период изучением истории крымских татар занимались такие иностранные исследователи, как А. Беннигсен [21], А. Фишер [22, 23], Э. Лаззери [25, 26]. Системное изучение западным научным сообществом истории крымских татар, депортации, диссидентского движения совпадает с периодом противостояния СССР и Запада в период холодной войны и объясняется стремлением с помощью национального вопроса ослабить советское государство, придать ему образ «империи зла».

В украинский период развития Крыма (1991–2014 гг.), помимо работ Б. Вилльямса [34, 35], Г. Улинга [31, 32], О. Пола [27], М. Холла [24] с антироссийской интерпретацией исторических фактов, с 1992 года начинают публиковаться работы украинских и российских авторов со схожим концептуальным наполнением [1, 10, 19, 20]. В данный период крымские татары явно использовались в качестве противовеса сближению Украины с Россией, и создавались, следовательно, дополнительные факторы по нивелированию интеграционных проектов Москвы на евразийском пространстве. «К началу XXI в. в Автономной Республике Крым сложилась ситуация, при которой 243-тысячное крымско-татарское население рассматривалось Киевом как противовес 1 млн 180 тыс. русским. И водоразделом здесь были отнюдь не языковые и этноконфессиональные различия, а разнонаправленные геополитические ориентации. Тяготению русского населения полуострова к России

противопоставлялись якобы поголовно прокиевские настроения крымских татар, которые представлялись как электоральный ресурс “оранжевой” власти и социальная база антироссийских настроений» [7].

После присоединения Крыма к России в 2014 году изучение истории крымских татар получило новый уровень актуальности вследствие политизированности данной тематики. Иностранцами государствами активно используется крымско-татарский вопрос в качестве дестабилизирующего фактора Российской Федерации, что явно прослеживается в публикациях научного сообщества [32] и средствах массовой информации [29, 28].

Помимо отдельных научных деятелей, изучением крымских татар занимались западные советологические научные центры по изучению крымско-татарской проблематики, Центр российских исследований Гарвардского университета и Корпорация Карнеги в Нью-Йорке, а также Фонд «Крым», который был основан в Нью-Йорке в 1976 г. и являлся центром научных исследований крымских татар. Основная задача фонда заключалась в раскрытии деятельности крымско-татарского национального движения [15]. Стоит отметить, что фондом финансировалось издание биографий диссидентов, в которых отображался весь «ужас» советской системы, с целью формирования антироссийских настроений среди крымских татар. Значительное количество работ, посвященных истории крымско-татарского этноса, финансировалось международным фондом «Возрождение», учредителем которого является Дж. Сорос: «... деятельность Фонда Дж. Сороса “Відродження” в Крыму началась вскоре после провозглашения независимости Украины. Основным объектом работы Фонда на полуострове были крымские татары» [7]. По данным, размещенным в новостном агентстве, в 2001 г. из 80 грантов 45 получили представители крымско-татарского этноса, а в 2002 г. это соотношение составило 41 из 66. Официальные цели состояли в поддержке и развитии крымско-татарской культуры. Однако, как отмечает издание, фонд скорее спонсировал тенденции обособления этого этноса от украинского общества [2].

Анализ работ западного научного сообщества позволяет выделить политические технологии, системно применяющиеся в иностранной политической литературе:

1. Идеализация исторического прошлого крымских татар в Османской империи [33].
2. Негативная оценка исторического прошлого крымских татар в России [33, 24, 35, 31, 32].
3. Указание «ассимиляции» и советизации крымских татар в царский и советский периоды [33, 24, 32].
4. Демонстрация «притеснения» Россией крымских татар в экономической, правовой и культурной сферах [24, 35, 31].
5. Указание на целенаправленное «уничтожение культуры крымских татар в советский период» [24].
6. Демонстрация применения советским правительством «этнической чистки» и «геноцида» в отношении крымских татар [35, 31, 32].

7. Игнорирование принципа историзма в рассмотрении депортации крымских татар 1944 года [24, 35, 31, 32].

8. Искажение публицистического наследия И. Гаспринского с целью выставления национального героя борцом с царским самодержавием [35; 3, с. 93; 8].

9. Проведение аналогии между политическими взглядами И. Гаспринского и современных политических лидеров крымских татар [22].

10. Показ уменьшения численности крымско-татарского населения на территории Крыма в исторической динамике [31, 22].

11. Положительная оценка военного вторжения немецко-румынских войск на территорию Крыма в период Великой Отечественной войны [27].

12. Противопоставление крымских татар и русских, акцентирование внимания на цивилизационных отличиях населения [27].

13. Интерпретация исторических событий в историческом и политическом вакууме, в отрыве от всеобщих мировых и региональных тенденций [24, 35, 31, 32].

14. Использование трагедии крымских татар 1944 года в политическом противостоянии с Россией [33, 24, 35, 31, 32, 27].

15. Акцентирование внимания на трагичности истории крымских татар [33, 24, 35, 31, 32, 27].

16. Навязывание идеи о преемственности Российской империи, СССР, Российской Федерации в «политике угнетения» крымских татар [35, 31, 32].

Таким образом, изучение западной научной литературы, посвященной истории крымских татар, позволило выявить системное применение технологий по дискредитации российской политики на Крымском полуострове посредством крымско-татарского фактора. На данный этнос системно оказывалось влияние для подмены национальных смыслов и создания негативного восприятия России и всего российского.

Стремление западных государств интернационализировать крымско-татарский вопрос явно прослеживается, в том числе и на примере деятельности международных и общественных организаций (Всемирной организации Amnesty International, Крымской полевой миссии по правам человека, Крымской правозащитной группы, Инициативной группы по правам человека в Крыму, Полевого правозащитного центра, Крым SOS, Центра гражданского просвещения «Альменда», Центра гражданских свобод, Центра информации по правам человека, Украинского Хельсинского союза по правам человека). Крымские татары и украинцы наиболее часто фигурируют в отчетах и докладах данных организаций, в которых приводятся все «ужасы» проживания крымских татар и украинцев на территории российского Крыма, а также указываются примеры нарушения прав человека и основных свобод на полуострове после присоединения Крыма к России в 2014 году. В документах приводятся примеры исчезновения, задержания, арестов, обысков представителей крымско-татарского народа [13; 17, с. 3–6]. Отчеты размещаются в свободном доступе на сайтах организаций. Периодичность издания различна и варьируется от одного месяца до года.

Площадки таких авторитетных международных организаций, как Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), а также Организация Объединенных Наций (ООН) активно используются иностранными субъектами для формирования негативного имиджа России на международной арене. Так, ОБСЕ в 2014 году издала отчет на основании миссий Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ), а также Верховного комиссара по делам национальных меньшинств (ВКНМ). Данный отчет имеет тематическую структуру, при этом выделен отдельный раздел о положении в области прав человека в Крыму «в связи с тем, что для данного конкретного региона характерны особые риски и вызовы ввиду событий, которые привели к его аннексии Российской Федерацией» [16, с. 22]. Авторы документа указывают на: «опасное положение» крымских татар из-за массового бойкота ими референдума о статусе Крыма и поддержки украинской государственности и территориальной целостности [16, с. 116], также отмечается, что «новая политическая и нормативно-правовая база, навязанная национальным меньшинствам после аннексии Крыма Российской Федерацией, отрицательно сказалась на их правовом статусе, правах национальных меньшинств и повседневной жизни, в которой нарастает атмосфера нетерпимости и предубеждений» [16, с. 116], приводятся данные о регулярных актах запугивания в отношении крымских татар, «особенно со стороны так называемой одной самообороны и неуставленных лиц в военной форме» [16, с. 118], отмечаются случаи психологического давления на данный этнос, а также убийств представителей данного народа [16, с. 118], демонстрируется игнорирование на территории Крыма политических и культурных притязаний крымско-татарской общины [16, с. 119].

Помимо отчетов, данные организации участвуют в реализации различных международных проектов антироссийской направленности. По инициативе координатора общественной организации «Крым SOS» Тамилы Ташевой в партнёрстве с Управлением Верховного комиссариата ООН по делам беженцев был реализован проект «интерактивной карты нарушения прав человека в Крыму». Карта регулярно обновляется, формируя у пользователей Интернета восприятие российского полуострова как «зоны страха и бесправия» [7]. Также организацией «Крым SOS» был создан информационный центр Qırım Info, проект реализуется в рамках польско-канадской программы поддержки демократии, которая финансируется министерствами иностранных дел Польши и Канады [6]. Цели и задачи этого информационного центра: информировать мировую и украинскую общественность о происходящем в Крыму, вернуть общественный интерес к «проблеме» Крыма и крымчан. В феврале 2015 года «в Киеве презентовали информационный центр сопротивления оккупации Крыма – Free Crimea», главной миссией которого было заявлено информирование крымчан, украинцев и международного сообщества о реальной ситуации на полуострове, а также просветительская деятельность в условиях «российской информационной блокады» [6].

Стоит отметить, что материалы антироссийской направленности наиболее активно распространяются среди населения через средства массовой информации.

Именно с помощью телерадиовещания, газет, а также Интернета происходит распространение сведений, публикаций, документальных фильмов «Кто такие крымские татары?», «Чужие на своей земле», «Найди Эрвина», а также телевизионных передач «Громадське. Крим», «Free Crimea», «Крым. Реалии», «Голос Крыма», «Крым live», сводки новостей «Zaman» на крымско-татарском канале АТР. Кроме того, в массмедийном пространстве весьма значительно влияние информационных ресурсов, работающих в деструктивном антироссийском ключе. Действуя удаленно из Украины, они ориентированы и на крымскую аудиторию. К данным ресурсам относятся: информагентство «Крым. Реалии», «Голос Крыма», «Крымские новости» QNA, портал «События Крыма», «Новости Крыма за 15 минут» [6].

Изучение отчетной документации международных и неправительственных организаций, а также материалов, размещенных в средствах массовой информации, позволяет сделать вывод о системном применении следующих политических технологий дезинтеграции российского пространства:

1) внедрение в массовое сознание представления о нарушениях прав человека в Крыму [13; 17, с. 3–6; 16, с. 118; 33];

2) демонстрация присоединения Крыма к России в 2014 году как оккупации территории Украины [16];

3) демонстрация уязвимого положения крымских татар и украинцев на территории полуострова с 2014 года [16, с. 116; 33];

4) популяризация идеи, что крымские татары – главная сила сопротивления «аннексии» Крыма Россией [13; 16, с. 116];

5) формирование представлений о Крыме как «зоне насилия, страха и бесправия» [17, с. 3–6; 16, с. 116; 18];

6) распространение и популяризация теории об автохтонном происхождении крымских татар [5];

7) использование символизма (Украина – политическая родина крымских татар, Россия – государство, угнетающее крымских татар на протяжении всей истории) [14].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, западное научное сообщество, международные фонды, неправительственные и международные организации, а также средства массовой информации проводят совместную системную работу по формированию антироссийской матрицы смыслов и дискредитации власти России как на внутригосударственном, так и на международном уровнях.

Во-вторых, относительная слабость позиций России в сфере «мягкой силы» и зависимое экономическое положение не позволяют Российской Федерации в полной мере нивелировать деструктивное воздействие иностранных государств на российское пространство через использование национального фактора. В этих условиях российское государство нуждается в системной модернизации.

В-третьих, являясь внутренней проблемой России, крымско-татарский вопрос одновременно является объектом противостояния великих держав.

Список литературы

1. Аблаев Э. А. Исмаил Гаспринский – гуманист, педагог, просветитель / Э. А. Аблаев. – Симферополь: Таврия, 2010. – 156 с.
2. Авраменко В. Дедушка Сорос, помоги: краткий курс грантоедского движения Крыма [Электронный ресурс] / В. Авраменко – Режим доступа: <https://nahnews.org/740868-dedushka-soros-romogi-kratkij-kurs-grantoedskogo-dvizheniya-kruma> (Дата обращения: 14.08.2017)
3. Беннигсен А. А. Исмаил бей Гаспринский (Гаспралы) и происхождение джадидского движения в России / А. А. Беннигсен // Россия и восток. – 1993. – С. 79–97.
4. Василик М. А., Вершинин М. С. Политология: словарь-справочник [Электронный ресурс] / М. А. Василик, М. С. Вершинин – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Dict/18.php (Дата обращения: 20.08.2017)
5. Виноградов А. Foreign Policy: Аннексия Крыма идет не по плану [Электронный ресурс] / А. Виноградов – Режим доступа: <https://ru.krymr.com/a/28488549.html> (Дата обращения: 23.08.2017)
6. Губа К. Информационные диверсии против российского Крыма [Электронный ресурс] / К. Губа – Режим доступа: <http://ukraina.ru/analytics/20151008/1014499682.html> (Дата обращения: 02.07.2017)
7. Гузенкова Т. С., Неменский О. Б., Хизриева Г. А. Крымские татары: особенности и проблемы интеграции в российское пространство [Электронный ресурс] / Т. С. Гузенкова, О. Б. Неменский, Г. А. Хизриева – Режим доступа: <http://newknowledge.ru/articles/krymskie-tatary-osobennosti-i-problemy-integracii-v-rossiyskoe-prostranstvo/> (Дата обращения: 11.08.2017)
8. Демешко Н. Э. Интеграционный опыт Российской империи в отношении Крыма в XIX веке // Запад – Восток. – 2015. – № 8. – С. 49–53.
9. Золотарев Д. Ю. Европейская и американская историография эмиграции крымских татар [Электронный ресурс] / Д. Ю. Золотарев – Режим доступа: <http://splanet.ru/paper/r1-180526.php> (Дата обращения: 19.08.2017)
10. Зиядинов Ф. Исмаил Гаспринский – великий просветитель / Ф. Зиядинов. – Симферополь: Тарпан, 2001. – 256 с.
11. Ирхин А. А. Реинтеграция постсоветского пространства: модели, условия, прогнозы / А. А. Ирхин // Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць. – 2010. – Випуск 40. – С. 484–491.
12. Ирхин А. А. Интеграционные проекты Запада в отношении постсоветского пространства: основные подходы и историческая эволюция / А. А. Ирхин // Політологічний вісник. Зб. наук. праць. – 2010. – Випуск 49. – С. 392–399.
13. Крым во тьме: преследование несогласных [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://amnesty.org.ru/ru/2016-12-15-krym/> (Дата обращения: 23.08.2017)
14. Крымские татары призвали мировые страны признать депортацию 1944 года геноцидом [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://gordonua.com/news/politics/krymskie-tatary-prizvali-mirovye-strany-priznat-deportaciyu-1944-goda-genocidom-170285.html> (Дата обращения: 23.08.2017)
15. Лаас Н. А. История крымских татар периода позднего сталинизма и хрущевской «оттепели»: экскурс в англоязычную историографию [Электронный ресурс] / Н. А. Лаас – Режим доступа: <http://pdf.knigi-x.ru/21istoriya/9358-1-zarubezhnaya-istoriografiya-laas-kiev-istoriya-krimskih-tatar-perioda-pozdnego-stalinizma-hru.php> (Дата обращения: 21.08.2017)
16. Миссия по оценке положения в области прав человека в Украине. Положение в области прав человека и прав национальных меньшинств. (Миссия БДИПЧ: 6 марта – 1 апреля 2014 г.; миссия ВКНМ: 8 марта – 17 апреля 2014 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.osce.org/ru/odihr/122194?download=true> (Дата обращения: 02.08.2017)
17. Мониторинговый обзор ситуации с правами человека в Крыму (июнь 2016) [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://crimeahrg.org/wp-content/uploads/2016/07/Crimean-Human-Rights-Group_June_2016-RU.pdf (Дата обращения: 24.08.2017)
18. Онищенко О. Полуостров страха [Электронный ресурс] / О. Онищенко – Режим доступа: <http://zn.ua/columnists/poluostrov-straha-218387.html> (Дата обращения: 23.07.2017)
19. Усманов М. А. О триумфе и трагедии идей Гаспринского / М. А. Усманов // Россия и Восток. – 1993. – 132 с.

20. Червонная С. М. Идея национального согласия в сочинениях И. Гаспринского / С. М. Червонная // Отечественная история. – 1992. – № 1. – С. 158–165.
21. Bennigsen A. Ismail Bey Gasprinski (Gasprali) and the Origin of the Jadid Movement in Russia / A. Bennigsen. – Oxford, 1985. – P. 5–20.
22. Fisher A. A Model Leader for Asia [Электронный ресурс] / A. Fisher – Режим доступа: <http://www.iccrimea.org/gaspirali/fisher.html> (Дата обращения: 10.08.2017)
23. Fisher A. The Crimean Tatars / A. Fisher. – Stanford: Hoover Institution Press, 1978. – 259 p.
24. Hall M. J. Crimean Tatar-Russian as a Reflection of Crimean Tatar National Identity [Электронный ресурс] / M. J. Hall – Режим доступа: <http://www.iccrimea.org/scholarly/mhall.html> (Дата обращения: 22.08.2017)
25. Lazzarini, E. J. Ismail Bey Gasprinskii's *Perevodchik/Tercüman: A Clarion of Modernism* // *Central Asian Monuments*. – 1992. – P. 143–156.
26. Lazzarini, E. J. *From Bakhchisarai to Bukhara in 1893: Ismail Bey Gasprinskii's Journey to Central Asia* // *Central Asian Survey*. – 1984. – N. III. – P. 77–88.
27. Pohl J. O. The Deportation and Fate of the Crimean Tatars [Электронный ресурс] / J. O. Pohl – Режим доступа: <http://www.iccrimea.org/scholarly/jopohl.html> (Дата обращения: 22.08.2017)
28. Paschyn C. M. Russia Is Trying to Wipe Out Crimea's Tatars [Электронный ресурс] / С. М. Paschyn – Режим доступа: https://www.nytimes.com/2016/05/20/opinion/russia-is-trying-to-wipe-out-crimeas-tatars.html?_r=0 (Дата обращения: 23.08.2017)
29. Roache M. Russian Authorities 'Imprisoning Crimean Tatars in Psychiatric Hospitals' [Электронный ресурс] / M. Roache – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2017/mar/28/russian-authorities-imprisoning-crimean-tatars-in-psychiatric-hospitals> (Дата обращения: 21.08.2017)
30. Seidamet D. *La Crime* / D. Seidamet – Lausanne: G. Vaney-Burnier, 1921. – 120 p.
31. Uehling G. L. The Crimean Tatars [Электронный ресурс] / G. L. Uehling – Режим доступа: <http://www.iccrimea.org/scholarly/krimtatars.html> (Дата обращения: 8.08.2017)
32. Uehling G. L. The Crimean Tatars as Victims of Communism [Электронный ресурс] / G. L. Uehling – Режим доступа: <http://www.iccrimea.org/scholarly/uehling-crimeantatars.html> (Дата обращения: 20.08.2017)
33. Vahre L., Viikberg J. *The Red Book of the Peoples of the Russian Empire* [Электронный ресурс] / L. Vahre, J. Viikberg – Режим доступа: http://www.eki.ee/books/redbook/crimean_tatars.shtml (Дата обращения: 23.08.2017)
34. Williams B. G. Reinterpreting Ismail Gaspirali's Legacy. Crimean Atatürk, Russian Collaborator or Pan-Turkist Threat to the Russian Empire? [Электронный ресурс] / B. G. Williams – Режим доступа: <http://www.iccrimea.org/gaspirali/legacy.html> (Дата обращения: 7.08.2017)
35. Williams B. G. The Crimean Tatars. The Diaspora Experience and the Forging of a Nation [Электронный ресурс] / B. G. Williams – Режим доступа: <http://www.iccrimea.org/scholarly/bwilliams.html> (Дата обращения: 8.08.2017).

Demeshko N. E. Political Technologies Which Form of Formation Negative Image of Russia Using the Crimean Tatar Factor: Retrospective and Current State // *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology*. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 3. – P. 94–105.

Annotation. In the article the technological component of use of an ethnic issue in processes of formation of negative international and interstate image of Russia on the example of the Crimean Tatars reveals. The last factor is actively used by great powers: the USA, Germany, France, England and other states: Ukraine, Poland, the Baltic States, in order to change a mental map of the Crimea and it is exit from a sphere of influence of Russia. It is necessary to reveal and study systemically the foreign technologies forming the anti-Russian perception of the Russian Federation population. To resist the destabilizing influence of the foreign states on the Russian ethno-civilization space. The author made analysis of foreign political literature devoted to the Crimean Tatar ethnos to reach the goal. Also the international funds systemically financing scientific works about the Crimean Tatars are defined, reports, projects of the international and non-governmental organizations devoted to observance and protection of human rights in the Crimea are studied, monitoring of materials of the mass media opening modern position of the Crimean Tatars in the territory of the Crimea is

also carried out. The obtained data have allowed to reveal the technologies which systemically are applied by foreign states with the purpose of easing and possible subsequent disintegration of the Russian geopolitical space on lines of national breaks.

Keywords: Crimean Tatar factor, "soft power", technologies, disintegration.

References

1. Ablaev E. A. Ismail Gasprinskii – gumanist, pedagog, prosvetitel' [Ismail Gasprinsky is the Humanist, the Teacher, the Educator]. Simferopol, Tavriya Publ., 2010, 156 p.
2. Avramenko V. Dedushka Soros, pomogi: kratkii kurs grantovedskogo dvizheniya Kryma [The Grandfather Soros, Help: Short Course of the Grantoyedsky Movement of the Crimea]. Available at: <https://nahnews.org/740868-dedushka-soros-pomogi-kratkij-kurs-grantovedskogo-dvizheniya-kryma> (Accessed: 14.08.2017)
3. Bennigsen A. A. Ismail bei Gasprinskii (Gaspraly) i proiskhozhdenie dzhadidskogo dvizheniya v Rossii [Ismail beat Gasprinsky (Gasprala) and Origin of the Dzhadidsky Movement in Russia]. *Rossiya i vostok* [Russia and East], 1993, p. 79–97.
4. Vasilik M. A., Vershinin M. S. Politologiya: slovar'-spravochnik [Political Science: Dictionary Reference.]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Dict/18.php (Accessed: 20.08.2017)
5. Vinogradov A. Foreign Policy: Anneksiya Kryma idet ne po planu [Foreign Policy: Annexation of the Crimea goes not according to the Plan]. Available at: <https://ru.krymr.com/a/28488549.html> (Accessed: 23.08.2017)
6. Guba K. Informatsionnye diversii protiv rossiiskogo Kryma [Information Diversions against the Russian Crimea]. Available at: <http://ukraina.ru/analytics/20151008/1014499682.html> (Accessed: 02.07.2017)
7. Guzenkova T. S., Nemenskii O. B., Khizrieva G. A. Krymskie tatory: osobennosti i problemy integratsii v rossiiskoe prostranstvo [Crimean Tatars: Features and Problems of Integration into the Russian Space]. Available at: <http://newknowledge.ru/articles/krymskie-tatory-osobennosti-i-problemy-integracii-v-rossiyskoe-prostranstvo/> (Accessed: 11.08.2017)
8. Demeshko N. E. Integratsionnyi opyt Rossiiskoi imperii v otnoshenii Kryma v XIX veke [Integration Experience of the Russian Empire Concerning the Crimea in the 19-th Century]. *Zapad – Vostok* [West – East], 2015, № 8, p. 49–53.
9. Zolotarev D. Yu. Evropeiskaya i amerikanskaya istoriografiya emigratsii krymskikh tatar [European and American Historiography of Emigration of the Crimean Tatars]. Available at: <http://splanet.ru/paper/r1-180526.php> (Accessed: 19. 08. 2017)
10. Ziyadinov F. Ismail Gasprinskii – velikii prosvetitel' [Ismail Gasprinsky is the Great Educator]. Simferopol, Tarpan Publ., 2001, 256 p.
11. Irkhin A. A. Reintegratsiya postsovetского prostranstva: modeli, usloviya, prognozy [Reintegration of the Former Soviet Union: Models, Conditions, Forecasts]. *Gileya: nauchii visnik. Zbirnik nauchivkh prats'* [Gileya: Scientific Herald. Collection of Scientific Papers], 2010, 40-th edition, p. 484–491.
12. Irkhin A. A. Integratsionnye proekty Zapada v otnoshenii postsovetского prostranstva: osnovnye podkhody i istoricheskaya evolyutsiya [Integration Projects of the West Concerning the Former Soviet Union: Main Approaches and Historical Evolution]. *Politologichnii visnik. Zb.nauk. prats'* [Political Herald. Collection of Scientific Papers], 2010, 49-th edition, p. 392–399.
13. Krym vo t'me: presledovanie nesoglasnykh [The Crimea in Darkness: Prosecution of Discordant]. Available at: <https://amnesty.org.ru/ru/2016-12-15-krym/> (Accessed: 23.08.2017)
14. Krymskie tatory prizvali mirovye strany priznat' deportatsiyu 1944 goda genotsidom [The Crimean Tatars Have Urged the World Countries to Recognize Deportation of 1944 as Genocide]. Available at: <http://gordonua.com/news/politics/krymskie-tatory-prizvali-mirovye-strany-priznat-deportatsiyu-1944-goda-genocidom-170285.html> (Accessed: 23.08.2017)
15. Laas N. A. Istoriya krymskikh tatar perioda pozdnego stalinizma i khrushchevskoi «ottepeli»: ekskurs v angloyazychnuyu istoriografiyu [History of the Crimean Tatars of the Period of Late Stalinism and Khrushchev's "thaw": Digression to an English-Speaking Historiography]. Available at: <http://pdf.knigi->

- x.ru/21istoriya/9358-1-zarubezhnaya-istoriografiya-laas-kiev-istoriya-krimskih-tatar-perioda-pozdnego-stalinizma-hru.php (Accessed: 21.08.2017)
16. Missiya po otsenke polozheniya v oblasti prav cheloveka v Ukraine. Polozhenie v oblasti prav cheloveka i prav natsional'nykh men'shinstv. (Missiya BDIPCh: 6 marta – 1 aprelya 2014 g.; missiya VKNM: 8 marta – 17 aprelya 2014 g.) [Mission for Assessment of Situation with Human Rights in Ukraine. Situation with Human Rights and Rights of Ethnic Minorities]. Available at: <http://www.osce.org/ru/odihr/122194?download=true> (Accessed: 02.08.2017)
17. Monitoringovyi obzor situatsii s pravami cheloveka v Krymu (iyun' 2016) [The Monitoring Review of a Situation with Human Rights in the Crimea (June, 2016)]. Available at: http://crimeahrg.org/wp-content/uploads/2016/07/Crimean-Human-Rights-Group_June_2016-RU.pdf (Accessed: 24.08.2017)
18. Onishchenko O. Poluostrrov strakha [Peninsula of Fear]. Available at: http://zn.ua/columnists/poluostrov-straha-218387_.html (Accessed: 23.07.2017)
19. Usmanov M. A. O triumfe i tragedii idei Gasprinskogo [About Triumph and the Tragedy of the Ideas of Gasprinsky]. *Rossiya i Vostok* [Russia and East], 1993, 132 p.
20. Chervonnaya S. M. Ideya natsional'nogo soglasiya v sochineniyakh I Gasprinskogo [The Idea of National Consent in I. Gasprinsky's Compositions]. *Otechestvennaya istoriya* [National History], 1992, № 1, p. 158–165.
21. Bennigsen A. Ismail Bey Gasprinski (Gasprali) and the Origin of the Jadid Movement in Russia, Oxford, 1985, p. 5–20.
22. Fisher A. A Model Leader for Asia. Available at: <http://www.iccrimea.org/gaspirali/fisher.html> (Accessed: 10.08.2017).
23. Fisher A. *The Crimean Tatars*, Stanford: Hoover Institution Press, 1978, 259 p.
24. Hall M. J. Crimean Tatar-Russian as a Reflection of Crimean Tatar National Identity. Available at: <http://www.iccrimea.org/scholarly/mhall.html> (Accessed: 22. 08. 2017)
25. Lazzerini, E. J. Ismail Bey Gasprinskii's Perevodchik / Tercüman: A Clarion of Modernism. *Central Asian Monuments*, 1992, p. 143–156.
26. Lazzerini, E. J. From Bakhchisarai to Bukhara in 1893: Ismail Bey Gasprinskii's Journey to Central Asia. *Central Asian Survey*, 1984, N. III., p. 77 – 88.
27. Pohl J. O. The Deportation and Fate of the Crimean Tatars. Available at: <http://www.iccrimea.org/scholarly/jopohl.html> (Accessed: 22. 08. 2017)
28. Paschyn C. M. Russia Is Trying to Wipe Out Crimea's Tatars. Available at: https://www.nytimes.com/2016/05/20/opinion/russia-is-trying-to-wipe-out-crimeas-tatars.html?_r=0 (Accessed: 23.08.2017)
29. Roache M. Russian Authorities 'Imprisoning Crimean Tatars in Psychiatric Hospitals'. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2017/mar/28/russian-authorities-imprisoning-crimean-tatars-in-psychiatric-hospitals> (Accessed: 21.08.2017)
30. Seidamet D. *La Crime*, Lausanne, G. Vaney-Burnier, 1921, 120 p.
31. Uehling G. L. The Crimean Tatars. Available at: <http://www.iccrimea.org/scholarly/krimtatars.html> (Accessed: 8. 08. 2017)
32. Uehling G. L. The Crimean Tatars as Victims of Communism. Available at: <http://www.iccrimea.org/scholarly/uehling-crimeantatars.html> (Accessed: 20. 08. 2017)
33. Vahre L., Viikberg J. *The Red Book of the Peoples of the Russian Empire*. Available at: http://www.eki.ee/books/redbook/crimean_tatars.shtml (Accessed: 23.08.2017)
34. Williams B. G. Reinterpreting Ismail Gaspirali's Legacy. Crimean Atatürk, Russian Collaborator or Pan-Turkist Threat to the Russian Empire? Available at: <http://www.iccrimea.org/gaspirali/legacy.html> (Accessed: 7. 08. 2017)
35. Williams B. G. *The Crimean Tatars. The Diaspora Experience and the Forging of a Nation*. Available at: <http://www.iccrimea.org/scholarly/bwilliams.html> (Accessed: 8. 08. 2017)

УДК 008: 882+130+7.011

ПИСАТЕЛЬ С. Н. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ КАК «ХУДОЖНИК СЛОВА»

Берестовская Д. С.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: verynya.58@gmail.com

В статье решается проблема роли личности писателя в формировании художественных текстов на примере выдающегося русского писателя С. Н. Сергеева-Ценского, жизнь и творчество которого связаны с Крымом.

Анализируются литературно-критические взгляды писателя на роль русского языка не только в создании текстов литературных произведений, но и в формировании идентичности русского человека. Последний раздел посвящен проблеме художественного мастерства Сергеева-Ценского в создании образа крымского пейзажа, роли синтеза искусств в этом процессе.

Произведен анализ ранней прозы С. Н. Сергеева-Ценского в контексте проблем культуры Серебряного века. Рассмотрено формирование образной системы художественного текста с позиций «синтеза искусств», в связи с направлениями европейского искусства (импрессионизм, символика цвета в художественном процессе и т. д.).

Особое внимание автор статьи уделяет проблемам художественного мастерства в текстах Сергеева-Ценского, которые воссоздают образ крымской природы («Береговое» и др.). «Художником слова» называли писателя современники (в частности, И. Репин, М. Горький).

Следует отметить также проблемы традиции в русской культуре. Сергеев-Ценский проводит и теоретическую, и художественную связь с древнерусской литературой («Слово о полку Игореве»), с творчеством писателей-классиков. Большое внимание он уделяет художественному своеобразию литературных, вербальных текстов Гоголя, в которых слышит музыку, видит картины русской природы.

Ранние произведения писателя С. Н. Сергеева-Ценского А. М. Горький назвал «эскизами к большой картине».

Ключевые слова: художественный текст, русский язык в литературном произведении, традиции русской литературы, художественное мастерство, синтез искусств.

I

Личность писателя, его мировидение находят воплощение в художественном пространстве, представляющем континуум текстов, составляющих семиосферу, – термин Ю. М. Лотмана, в содержание которого мыслитель включает семиотические образования – своеобразные «ядерные структуры», отличающиеся семиотической «индивидуальностью». К подобным «структурам художественного пространства» относятся как творческие личности – яркие индивидуальности, создатели феноменов культуры, – так и их творчество, представляющее сложный текст,

находящийся в многообразных связях и с культурным контекстом, и с другими текстами, имеющими знаковую природу. «Культура в целом, – отмечает Ю. М. Лотман, – может рассматриваться как текст <...> В широком смысле – вся культура является текстоморфной» [6, с. 18].

М. Бахтин, анализируя диалог культур, раскрывает суть этого феномена как «встречу двух текстов <...>, двух авторов, в которой они проявляют себя как человек, как личность» [1, с. 162].

Эти размышления имеют непосредственное отношение к художественному творчеству и литературно-критическим текстам выдающегося русского писателя С. Н. Сергеева-Ценского (1875–1958), последние десятилетия жизни которого прошли в Крыму, в Профессорском уголке Алушты на Орлиной горе, где сейчас находится мемориальный дом-музей его имени.

Сергей Николаевич не раз подчеркивал особую роль Крыма в формировании своего таланта: «Я вышел из мастерской алуштинских окрестностей. Это величие пейзажа и создало мою душу художника слова» [7, с. 215].

По воспоминаниям писателя А. С. Новикова-Прибоя, творчеству которого Сергеев-Ценский посвятил статью «Рождение «Цусимы» [11, с. 139–185], во время одной из встреч маститый писатель утверждал, что Крым сыграл значительную роль в его судьбе: история Крыма, всё то «героическое, что здесь произошло в прошлом», – его природа, Черное море «одарили меня многим. <...>Я стал певцом Крыма» [14, с. 122].

Именно здесь, в доме на Орлиной горе, написаны основные статьи Сергеева-Ценского, в которых поставлены проблемы творческого мастерства, роли языка художественных произведений, здесь хранятся «Дневник поэта», его поэтические опыты, книги о творчестве писателя и другие материалы.

По воспоминаниям многих авторов, общавшихся с писателем, ценивших его отзывы и уроки мастерства, Сергеев-Ценский постоянно обращался к роли художественной формы, особенно подчеркивал значение «оригинальности художественного слова», «специфики языка» в творчестве писателя.

Ю. М. Лотман, исследуя своеобразие «текста», отмечает, что текст всегда существует на определенном языке, возникшем ранее. Это положение имеет непосредственное отношение к нашей теме.

Литературно-критические взгляды Сергеева-Ценского во многом посвящены русскому языку, основе русской литературы. Беседуя с молодыми писателями, он постоянно обращал внимание на образованность автора, знание истории русской литературы, ее образного языка. В пример ставил А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, Н. В. Гоголя и других, придавая русскому языку роль фактора, влияющего на формирование идентичности человека, особенно автора, считающего себя именно русским писателем.

В этом плане значимым представляется обращение к русскому фольклору, древнерусской литературе. В набросках к стихотворению о русском языке, хранящихся в Алуштинском мемориальном музее, Сергей Николаевич писал:

*И слово вещее мы ценим,
И слово русское мы чтим,
И силе слова не изменим,
И святотатцев заклеимим, -
Тех, кто стереть готовы грани
Всех слов родного языка,
Всех самоцветов, цветотканей,
До нас дошедших сквозь века...*

«Дневник поэта»

Лотман, давая определение культуре, обозначил: «культура как текст» и «культура есть память». В статье «Память в культурологическом освещении» он пишет: «С точки зрения семиотики, культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память» [4, с. 200–202].

Пространство культуры мыслитель определяет как пространство некоторой общей памяти, т. к. некоторые тексты могут не просто сохраняться, но и быть актуализированы. В контексте новой эпохи, при всей вариативности толкований, эти тексты сохраняют самоидентичность.

Это утверждение Лотмана имеет непосредственное отношение к памяти о достижениях русской культуры, начиная с древних времен. В частности, о достижениях литературы, яркий образный язык которой характеризует «Слово о полку Игореве», дает нам знать образец патриотизма и поэтического звучания, художественного оформления, свидетельствующий о высоком уровне культуры русского народа уже в эпоху Средневековья.

Лотман на основе анализа многочисленных текстов приходит к выводу: «Смыслы в памяти культуры не “хранятся”, а растут». Подобные тексты, как считает он, «генерируют новые», текстообразование приобретает продуктивный характер [4].

Именно об этом пишет Сергеев-Ценский в статье «Русский язык», обращаясь к молодым писателям, призывая их изучать яркий образный русский язык и не пользоваться «газетным языком», т. к. это будет «штампованное производство», а не художественная литература. Это отмечает Г. Степанов в работе «А. С. Новиков-Прибой, С. Н. Сергеев-Ценский» [14], воспроизводя воспоминания о Сергее Николаевиче.

Сергеев-Ценский выделял оригинальность и самобытность народных сказаний, былин, легенд, которые изучались великими русскими писателями-классиками. Он указывал молодым на пример Пушкина, Лермонтова, Есенина, которые выросли и окрепли, черпая силу и богатство из живительной речи народного устного творчества. «Писатель должен досконально знать родной язык и тонко, со вкусом разбираться во всех его драгоценных особенностях» [14, с. 100].

Великим примером яркого народного языка для писателя был текст «Слова о полку Игореве», который оказал огромное влияние на формирование самого Сергеева-Ценского как писателя. Он называет язык «Слова» «величавым, металлически-звучным, образным стихом», дошедшим до нас из глубины веков.

Писатель слышит музыку в поэтическом строе «Слова», отзвуки которой – в языке его любимого русского писателя Н. В. Гоголя, других писателей-классиков. Поэма XII века, «писанная мерной прозой», отличается яркой образностью, «светлостью и огнем» в создании «разительных образов из народной мелодии». В статье «Радость творчества» Сергеев-Ценский связывает язык «Слова» с художественным языком Гоголя: «Чуден Днепр при тихой погоде...» или: «Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи...» и т. д.

Обратим внимание: никак не отрицая украинского происхождения Гоголя, творчеству которого Сергеев-Ценский посвятил несколько статей, он связывает его и с древнерусской литературой, и творчеством Пушкина, Лермонтова, Тургенева и других великих мастеров русского слова.

Сергеев-Ценский утверждает (и это поразительно актуально сегодня, когда русский язык подвергается нашествию искаженных иностранных слов и терминов, вытесняющих из обращения яркие образы исконно русского, народного языка) следующее: «Желающий стать русским писателем должен очень хорошо знать русский язык во всех его <...> формах и областных наречиях и помнить, что язык – душа народа». Знаменательно, что примером для Сергея Николаевича был Пушкин, владевший французским не хуже русского и даже вступивший в спор с Шишковым по поводу некоторых слов: «Вспомните, как Пушкин, которого в лицее звали “французом”, учился русскому языку и у своей няни Арины Родионовны, и у московских просвирен» [12, с. 27].

«Чуткость к языку» Сергеев-Ценский ставит очень высоко в границах мастерства писателя: это один из его главных критериев в оценке текста. «Широкий, певучий, поэтический язык» русских классиков всегда оставался для него непревзойденным образцом, покорившим писателя с детства.

II

Остановимся на другой проблеме, связанной со своеобразием *художественного* текста. В начале нашей статьи мы привели выражение самого Сергеева-Ценского: «художник слова». Это определение он относил к своим любимым писателям-классикам, да и перед собой ставил задачи, связанные с художественной выразительностью.

Уже в раннем творчестве Сергеев-Ценский, по его собственной характеристике, «сформировался как художник-красочник, пейзажист».

Слово и цвет. Еще Шарль Бодлер в сонете «Соответствия» вывел закон «всеобщей аналогии», по которому поэзия должна устанавливать соответствия между различными видами искусств («Все краски, запахи и звуки заодно...»), утверждал, что «запах, цвет и звук между собой согласны». Теория «синтеза искусств» до сегодняшнего времени является предметом научных дискуссий, но для Сергеева-Ценского сомнений в её справедливости не было. Сам увлекавшийся живописью (в залах-комнатах музея экспонируются его пейзажи – виды Крыма), Сергей Николаевич не остался в стороне от художественных ориентиров. В начале XX века в Россию начинали проникать идеи импрессионизма, вызывавшие

противоречивые отзывы. Для Сергеева-Ценского их ценность была бесспорной. Размышляя о своем творчестве, он дает ему художественную, а именно импрессионистическую интерпретацию: «...толкает меня к бумаге ... какое-нибудь цветное пятно, какое-нибудь странное сочетание звуков, какое-нибудь простое впечатление» [13, с. 152]. Напрашивается сравнение с высказываниями импрессионистов и теоретиков искусства о творческих импульсах художника.

О. Ренуар: «Стремление трактовать сюжет ради его живописного тона, а не ради самого сюжета» [цит. по: 9, с. 227].

Дж. Ревалд: «...создавать формы не при помощи линий, но противопоставлением цветов» [цит. по: 9, с. 223].

Явление синтеза искусств (в данном случае – слово и цвет) имеет основой синестезию, которая опирается на межчувственные связи, на психологическую совместимость цвета, звука, слова, формы. Именно симультанное соответствие звука и цвета характеризуется устойчивостью. [Подробнее см.: 2, с. 4–26; 209–228]. Сам Сергеев-Ценский не сомневался: «Художник слова неизбежно должен знать и понимать все другие виды искусства» [13, с. 152].

Особенно ярко явление синтеза искусств проявилось в изображении пейзажей Крыма («Береговое» и др.), где писатель использует символические цвета для характеристики не только картин природы, но и душевного состояния человека.

Обратимся вновь к теории Лотмана о семиосфере культуры как континууме текстов, сущности которых выражены различными языками, т.е. разными знаковыми системами. Это вербальные знаки (лат. *verbalia* – словесный), визуальные (лат. *visualia* – зрительный), аудиальные (лат. *audire* – слышать).

В статье о взаимодействии различных текстов в рамках одного семиотического пространства проф. И. В. Кондаков приводит определение итальянского семиотика Умберто Эко: «данные разным читателям по поводу понимания текстов: первый уровень – раскрывает только вербальные тексты: читатель только хочет узнать, что произошло, второй уровень – раскрывает глубинные смыслы» [15].

Именно глубинные пласты культурной семантики текста ранней прозы Сергеева-Ценского дают возможность понять его как знаковую систему, где цвет, живописный пространственный образ создают впечатление живописного полотна. Он писал, что «впитал в себя груды красок и солнца, выложил их сырьем на холсты...» (имея в виду книжный вербальный текст) [8, с. 33].

Эти художественные приемы дали возможность воссоздать картины бушующего моря, где краски и звук сливаются воедино. Приведем лишь некоторые примеры. *Бурная стихия*: «Пенными руками цеплялась за скалы, ревела, падая на дно, и опять вставала, и выла, и волокла с собою круглые камни, чтобы тут же звонко швырнуть их полными горстями в берег» [10, с. 204]. *Рассвет*: «Горы стали синеть сквозною синевою, точно были все из ломкого весеннего льда, прибитого огромным ледоходом, или в каком-то одном сплошном, льющемся вниз темном сиянье» [там же, с. 194]. Знаменательно, что подобное описание автор использует для характеристики духовного мира героев [подробнее см.: 2].

В данном случае можно привести мысли Лотмана о тексте, открытом для

«разных языков, взаимно необходимых друг другу <...> Языки как бы накладываются друг на друга, по-разному отражая одно и то же...» [5].

Представляется возможность сопоставить две картины бушующего моря: в «Береговом» С. Н. Сергеева-Ценского и живописном полотне К. Моне «Скалы в Бель-Иль». Море у Клода Моне клокочет вокруг каменных глыб, оно покрыто пятнами белой пены, образующими причудливый узор. В «Береговом» море «кто-то вспахал кривыми бороздами», к вечеру оно «будет плакать» и «бросать в берега горы из белых слез» [10, с. 108].

Таким образом, наш краткий анализ позволил сделать следующие выводы.

Концепция Ю. М. Лотмана, рассматривающая культуру как сложно устроенный текст – «семиосферу», находит глубокое воплощение в литературно-критических воззрениях и художественном творчестве выдающегося русского писателя С. Н. Сергеева-Ценского, жизнь которого несколько десятилетий была связана с Крымом.

Отмечены литературно-критические статьи Сергеева-Ценского, анализирующие творчество Гоголя и других русских писателей и посвященные проблемам языка художественных текстов. Особенное значение Сергеев-Ценский придавал знанию народных основ русского языка, изучению творчества писателей, начиная от безымянного автора «Слова о полку Игореве», а далее – Пушкина, Гоголя и других.

Русский язык Сергеев-Ценский рассматривает как фактор формирования национальной идентичности, с этим же связано знание русской литературы, воспитывающей гордость достижениями русской культуры.

Особое значение придано также и своеобразию художественных текстов раннего творчества писателя, представляющих образцы многообразия соотношения текстов – вербального, визуального, аудиального, что дало ему возможность создать яркие художественные образы в контексте синтеза искусств.

Отметим также, что в эпоху торжества социологизма в искусстве Сергей Николаевич Сергеев-Ценский своим многообразным литературным творчеством боролся за художественное совершенство русской культуры.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1986. – 162 с.
2. Берестовская Д. С. Символический мир ранней прозы С. Н. Сергеева-Ценского / Д. С. Берестовская. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2012. – 116 с.
3. Берестовская Д. С. Синтез искусств в художественной культуре: монография / Д. С. Берестовская, В. Г. Шевчук. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2010 – 230 с.
4. Лотман Ю. М. Избранные статьи / Ю. М. Лотман. – Таллин, 1992. – Т. I. [Электронный ресурс] / Ю. М. Лотман – Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature/lotman92f.htm>
5. Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство, 2010. – 704 с.
6. Лотман Ю. М. История и типология русской культуры / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство, 2002.
7. Макаренко Г. С. Н. Сергеев-Ценский. Критико-биографический очерк / Г. Макаренко. – Симферополь: Крымиздат, 1957. – 218 с.
8. О «Береговом». Беседа с Сергеевым-Ценским // Лебедь: журнал литературы и искусства / Редактор-издатель С. А. Поперек. – 1908. – № 1. – 56 с. – С. 32–33.

9. Ревалд Дж. История импрессионизма / Дж. Ревалд. – М.: Искусство, 1959. – 455 с.
10. Сергеев-Ценский С. Н. Береговое (Прибой) Поэма / С. Н. Сергеев-Ценский // Рассказы. – Л., 1928. – 257 с.
11. Сергеев-Ценский С. Н. О художественном мастерстве (Статьи и воспоминания) / С. Н. Сергеев-Ценский. – Симферополь: Крымиздат, 1956. – 229 с.
12. Сергеев-Ценский С. Н. Слово к молодым / С. Н. Сергеев-Ценский // Радость творчества. Статьи. Воспоминания. Письма. – Симферополь: Крым, 1968. – 216 с.
13. Сергеев-Ценский С. Н. Письмо В. Миролубову от 18 марта 1913 г. // Русская литература, 1901. – № 1.
14. Степанов Г. А. С. Новиков-Прибой, С. Н. Сергеев-Ценский (письма и встречи) / Г. Степанов. – Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1963. – 224 с.
15. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко. – СПб.: Симпозиум; М.: Издательство РПУ, 2005. – 502 с.

Berestovskaya D. S. The Art Text in Literary and Critical Views of S.N. Sergeyev-Tsensky // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 3. – P. 106–113.

In the article the problem of a role of the identity of the writer in the formation of artistic texts has been solved on the example of the outstanding Russian writer S.N. Sergeyev-Tsensky which life and creativity are connected with the Crimea.

Literary and critical views of the writer on the role of Russian language not only in the creation of the texts of literary works, but also in the formation of the identity of the Russian person have been analyzed.

The last part is devoted to the problem of the art skill of Sergeyev-Tsensky in the creation of the image of the Crimean landscape and to the role of synthesis of arts in this process.

The analysis of early prose of S.N. Sergeyev-Tsensky in the context of the problems of the Silver age culture was made. The formation of a figurative system of the art text from the positions of "the synthesis of arts" and in connection with the directions of the European art has been considered (impressionism, symbolics of color in the art process, etc.).

The author of the article has attached particular importance to the problems of the art skill in Sergeyev-Tsensky's texts recreating the image of the Crimean nature ("Beregovoye", etc.). Contemporaries called the writer "the artist of a word" (in particular, I. Repin, M. Gorky).

It should be noted also problems of a tradition in the Russian culture. Sergeyev-Tsensky carried out both theoretical and artistic connections with the Old Russian literature ("The Tale of Igor's Campaign"), with works of classical writers. He paid much attention to the originality of literary and verbal texts of Gogol in which he heard music, saw the image of the Russian nature.

A.M. Gorky called the early works by the writer S.N. Sergeyev-Tsensky "the sketches to a big painting".

Keywords: the artistic text, Russian language in a literary work, traditions of the Russian literature, art skill, synthesis of arts.

References

1. Bahtin M. M. Literaturno-kriticheskie stati [Literary critiques]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1986, 162 p.
2. Berestovskaya D. S. Simvolicheskij mir rannej prozy S. N. Sergeeva-Censkogo [Symbolical world of the early prose of S.N. Sergeev-Tsensky]. Simferopol, IT ARIAL, 2012, 116 p.
3. Berestovskaya D. S., Shevchuk V. G. Sintez iskusstv v hudozhestvennoj kulture: monografiya [Synthesis of arts in art culture: monograph]. Simferopol, IT ARIAL, 2010, 230 p.
4. Lotman Y. M. Izbrannye stati [Chosen articles]. Tallin, 1992. Vol. I. Available at: <http://www.philology.ru/literature/lotman92f.htm>
5. Lotman Y. M. Semiosfera [Semiosphere]. Saint Petersburg, Iskusstvo, 2010, 704 p.
6. Lotman Y. M. Istorija i tipologija russkoj kultury [History and typology of the Russian culture]. Saint Petersburg, Iskusstvo, 2002.
7. Makarenko G. S. N. Sergeev-Tsenskiy. Kritiko-biograficheskiy ocherk [Critic-biographical sketch]. Simferopol, Krymizdat, 1951, 215 p.
8. О «Beregovom». Beseda s Sergeevim-Censkim [About "Beregovoe". Conversation with Sergeev-Tsensky]. Lebed: zhurna lliteratury i iskusstva, 1908, Vol. 1, p. 32–33.
9. Revald G. Istoriya impressionizma [The History of Impressionism]. Moscow, Iskusstvo, 1959, 455 p.
10. Sergeev-Censkij S. N. Beregovoe (Priboj). Poema [Beregovoye]. Rasskazy. Leningrad, 1928, 257 p.
11. Sergeev-Censkij S. N. O hudozhestvennom masterstve (Stati i vospominaniya) [About the art skill (Articles and memoirs)]. Simferopol, Krymizdat, 1956, 229 p.
12. Sergeev-Censkij S. N. Slovo k molodym [A word to young people]. Radosttvorchestva. Stati. Vospominaniya. Pisma. Simferopol, Krym, 1968, 216 p.
13. Sergeev-Censkij S. N. Pismo V. Miroljubovu ot 18 marta 1913 g. [The Letter to V. Mirolubov, 18th Of March, 1813]. Russkaya literatura, 1901. Vol 1.
14. Stepanov G. A. S. Novikov-Priboj, S. N. Sergeev-Censkij (pisma i vstrechi) [S. N. Sergeev-Tsensky (letters and meetings)]. Krasnodar, Krasnodarskoe knizhnoe izdatelstvo, 1963, 224 p.
15. Eko U. Rol chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta [Role of the reader. Researches on the text's semiotics]. Saint Petersburg, Simpozium; Moscow, Izdatelstvo RPU, 2005, 502 p.

УДК 323+130.2](470+571):908(093)"1917-1931"

РЕВОЛЮЦИЯ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ КРАЕВЕДЕНИЯ В РОССИИ (1917–1931 гг.)

Филимонов С. Б.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: filimonov.47@list.ru

Статья, основанная на архивных и малоизвестных печатных материалах, посвящена социально-политическим контекстам краеведения в России, обусловленным революцией 1917 года. Указаны причины мощного краеведческого движения, развернувшегося в России в 1917–1929 гг., отмечены его характерные особенности, приведены данные о количестве краеведческих организаций и их социальном составе. Рассмотрены основные направления деятельности краеведческих организаций, их формы и методы. Подчеркивается важная роль краеведов в работах по созданию и использованию прочной и разнообразной источниковой базы истории событий 1917 года и их последствий для социально-политической и экономической жизни регионов. Раскрываются причины, характер и последствия разгрома в России в 1929–1931 гг. краеведческого движения, в результате чего добровольные краеведческие общества были заменены бюрократическими бюро краеведения, а ведущие краеведы страны по печально известной статье 58-10 УК РСФСР отправлены в ссылку.

Ключевые слова: Россия, 1917 год, краеведение, интеллигенция, революция и ее последствия, политические репрессии.

Пришедшие в октябре 1917 г. к власти большевики немедленно приступили к коренным преобразованиям во всех сферах жизни страны. Преобразования эти самым непосредственным образом затронули и российскую историческую науку. Были упразднены такие авторитетные общероссийские центры исторической науки, как Русское историческое общество и Русское военно-историческое общество. Были закрыты знаменитые исторические журналы «Русский архив» и «Русская старина». В школах и вузах страны надолго, до середины 1930-х годов, было прекращено преподавание отечественной истории.

В результате после 1917 г. краеведческие организации России (общества, кружки, музеи, другие объединения краеведов) приобретают значение единственных на местах учреждений, занимавшихся изучением отечественной истории и распространением знаний о ней. В этой связи, думается, не случайно количество краеведческих организаций в России с 1917 г. по 1927 г. возросло более чем в 10 раз – со 155 до 1688 [1, с. 306].

Деятельность краеведческих организаций в первые послереволюционные годы имела следующие характерные особенности. Во-первых, члены краеведческих организаций изучали прошлое и настоящее края преимущественно по

первоисточникам. Во-вторых, костяк краеведческих организаций составляли представители старой, дореволюционной формации интеллигенции, не владевшие ремеслом фальсификации истории в угоду идеологии.

Начиная с 1917 г. одним из важнейших направлений деятельности краеведческих организаций становится выявление, собирание, изучение и многостороннее использование источников по истории событий 1917 года и их последствий для жизни регионов. Создававшаяся краеведами источниковая база должна была ответить на вопросы:

- Что произошло в 1917 году?
- Почему произошло?
- Как произошло?
- Какие последствия это вызвало?

Документы свидетельствуют, что работы краеведов в этом направлении начались уже вскоре после февраля 1917 г. Так, в отчете о деятельности Саратовской ученой архивной комиссии за 1917 г. отмечалось: «После Февральской революции 1917 г. оживилась работа членов Комиссии по приведению в порядок и разработке письменных и печатных материалов, относящихся к истории общественно-революционного движения в Саратовском крае. Осенью этого года на основе старых и новых накоплений материала в составе Архивной комиссии был создан особый “Отдел общественного движения”, позже составивший часть Исторического музея». Упоминание в том же отчете о докладе С. Н. Чернова «Об учреждении Отдела истории общественного движения в составе Комиссии» [2, с. 66] позволяет предположить, что именно этому замечательному историку и источниковеду принадлежала идея создания отдела.

14 мая 1917 г. на заседании Таврической ученой архивной комиссии ее председатель – выдающийся крымовец А. И. Маркевич доложил, что поместил в газетах воззвание к населению губернии с просьбой о присылке в Комиссию всех печатных изданий, «касающихся переживаемого Россией переворота»; на том же заседании было постановлено «обратиться к председателю комиссии по разбору дел б. жандармского управления и сыскного отделения с просьбой о передаче всех дел, не имеющих значения для текущего момента, на хранение в архив Комиссии» [3, с. 315, 136].

Костромское научное общество по изучению местного края образовало в 1917 г. специальный «архив революции», где концентрировались все местные периодические издания, плакаты, объявления и другие письменные источники начиная с марта 1917 г. [4, с. 8].

В 1918 г. при Казанском обществе археологии, истории и этнографии уже существовал «Музей войны и революции» [5, л. 83].

К 20 августа 1928 г., когда постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «О музейном строительстве РСФСР» было указано «на желательность образования историко-революционных отделов, по возможности, во всех краеведческих музеях» [6, с. 22], историко-революционные отделы, секции и комиссии имелись, согласно справочнику «Краеведные учреждения СССР», в краеведческих музеях и обществах

многих городов России [7, с. 4, 9, 16–19, 25, 33, 40, 42, 43, 46, 47, 66, 68, 73, 74, 76, 77, 80, 83, 85, 89, 91–93].

С первых послереволюционных лет краеведческие организации поставили перед собой задачу собрать и изучить источники, свидетельствующие не только о подготовке и проведении революции, но и о влиянии революции на различные стороны жизни края. Вот что, к примеру, писал в 1922 г. в программного характера статье, посвященной основанию Псковского общества краеведения, его первый председатель В. К. Гринкевич: «Никто, конечно, не станет оспаривать, что в данный момент из всех видов этнографической работы, пожалуй, наибольшего внимания заслуживает изучение влияний революции на хозяйственную и бытовую жизнь края и на изменение психики, идеологии и культурного уровня населения. Так, например, для краеведа является крайне интересным и важным вопрос, что сделала революция в области аграрных отношений, если, конечно, судить не по официальным данным, в которых обыкновенно очень много бюрократической плавности и пристрастия, а по живой действительности» [8, с. 80]. О том, насколько многосторонне изучалось краеведами влияние революции на жизнь края, свидетельствует и такой факт: в письме Общества изучения Тверского края в Главнауку Наркомпроса РСФСР от 23 февраля 1925 г. сообщалось, что в распоряжении Общества имеется ряд подготовленных к печати трудов, в том числе рукопись М. И. Назарова «О влиянии войны и революции на состав тверской флоры: (Появление новых растений в связи с массовым передвижением населения под влиянием войны и революции)» [9, л. 30]. (В изданиях Общества указанной работы нами не обнаружено.)

В деле выявления, собирания, а также создания историко-революционных источников краеведы широко использовали оригинальные анкеты, вопросники, программы, инструкции. В 1918 г. Костромское научное общество по изучению местного края распространило анкету «О влиянии революции на жизнь деревни», которая имела целью «выяснить настроения деревни в это время, ее экономическое положение и новые бытовые явления, какие внесла революция в жизнь деревни» [10, с. 3]. В начале 1920-х гг. Вятский областной музей вел обработку собранных «анкетных материалов» об изменениях «форм быта под влиянием войны и революции» [11, с. 29]. Тогда же историческая секция Якутского краевого географического общества разработала инструкцию «по сбору материалов по истории политической ссылки» [12, с. 365].

В изданном в 1925 г. Нолинским (Вятской губернии) музеем краеведения сборнике программ и анкет по собиранию материалов для изучения края содержалась и разработанная проф. Н. М. Каринским программа «Собирание особенностей языка, проникших в деревню в революционное время» [13, с. 30–32].

Тогда же в Иваново-Вознесенском губернском научном обществе краеведения разрабатывались программы «Собирание сведений о революционном движении» (эту программу готовил А. Е. Ноздрин, первый председатель первого в России Совета рабочих депутатов) и «Собирание материалов о профессиональном движении» (эту программу готовил секретарь историко-археологической секции общества Б. В. Златоустовский) [14, с. 15].

В 1928 г. секция обычного права и революционного правосознания Нижневолжского областного научного общества краеведения опубликовала составленную В. М. Черновым «Программу собирания в Саратовском крае материалов по юридическому быту революционной эпохи» (Саратов, 1928). В 1929 г. Общество изучения края при музее Тобольского Севера издало «Программу по изучению революционного движения в Тобольском округе» (Тобольск, 1929).

Формы использования собранных источников были весьма разнообразны. Используя источники, краеведы создавали музеи и архивы революции, составляли хроники событий революции и первых лет новой власти, готовили биографические словари революционных деятелей края, публиковали статьи, документы и материалы, издавали библиографические указатели [15, с. 93–94].

Большой интерес представляют оригинальные доклады и статьи краеведов источниковедческого характера. Вскоре после Февральской революции, как только стали доступными материалы по истории политического сыска, к их изучению немедленно приступили члены краеведческих обществ. 25 августа 1917 г. на заседании Ярославской ученой архивной комиссии ее член Н. Г. Работнов выступил с докладом «Тайны Ярославского застенка», представлявшим собой обзор архивных фондов Ярославского губернского жандармского управления и Ярославского охранного отделения [16, с. 63]. В 1922 г. в Тамбовском обществе изучения природы и культуры местного края был заслушан доклад С. И. Соколова «Содержание и характер б. архива Тамбовского жандармского управления», в 1924 г. в Нижневолжском областном научном обществе краеведения – доклад В. А. Дуброва «Общественно-политическая жизнь в Саратовской губернии в 1916 г. по донесениям уездных исправников», в 1925 г. в Вятском научно-исследовательском институте краеведения – доклад П. Н. Луппова с обзором правительственных распоряжений о политической ссылке в Вятский край во второй половине XIX – начале XX вв., в 1926 г. в Казанском обществе археологии, истории и этнографии – доклад М. К. Корбута «Накануне Февральской революции (по материалам Департамента полиции и Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства)» [17, с. 17–18; 18, л. 181; 19, л. 57; 20, с. 106].

Объектами исследования, помимо делопроизводственных материалов государственных учреждений дореволюционной России и Временного правительства, являлась и периодическая печать. Так, например, в 1927 г. в Псковском обществе краеведения был заслушан доклад Н. М. Колиберского «Псковская буржуазная пресса в дни Октябрьской революции» [21, с. 20].

Внимание краеведов привлекали и мемуары. В 1925 г. на страницах издававшегося московским Истпартом журнала «Пролетарская революция» была опубликована статья И. Р. Гелиса «Как надо писать воспоминания: методологический очерк» [22, с. 197–212]. Как оказалось, это была первая в советской историографии специальная источниковедческая работа по мемуарной литературе [23, с. 5]. Удалось установить, что указанную статью И. Р. Гелиса предварял доклад того же автора «Мемуары революции как исторический источник», прочитанный 24 мая 1925 г. на заседании Таврического общества истории, археологии и этнографии. Сохранившийся протокол заседания, в котором

изложены как доклад сотрудника Крымского истпарта И. Р. Гелиса, так и прения по докладу, представляет несомненный интерес для историографии источниковедения [24, с. 192].

На страницах краеведческих изданий 1920-х гг. появлялись и экзотические публикации. Так, в 1928 г. в сборнике Общества изучения Ульяновского края была опубликована статья председателя Сызранского общества краеведения Н. В. Гурьева «Политическая история с. Репьевки» [25, с. 21–28]. В ней предпринималась уникальная в отечественной историографии попытка охарактеризовать значение такого малоизвестного источника, как церковно-приходские летописи, для изучения политической и революционной истории края. Н. В. Гурьев писал: «В настоящее время особенный интерес приобретает изучение политической истории и истории революционного движения, в этом отношении скудость источников на местах, в особенности в отношении мелких административно-территориальных единиц, сказывается особенно остро. Изыскивая такие источники, мы остановили внимание и сделали попытку составить политическую историю села на основании церковной летописи. Казалось бы, что такой источник совершенно исключает возможность получить данные о политической истории. Однако приводимые мною ниже данные свидетельствуют, что церковная летопись может дать очень любопытный материал, раскрывающий перед нами жизнь деревни в политическом отношении как на кинематографической ленте». В результате анализа церковно-приходской летописи села Репьевки Сызранского уезда, которая велась в 1860-х – 1917 гг., исследователь приходил к следующим выводам: «Если этот источник пополнить другими данными (записки, дневники, письма, газеты, воспоминания и т. п.), то можно воспроизвести очень детальную картину политической жизни села, далее – волости и – уезда. К этому способу, как наиболее доступному на селе, мы и рекомендуем прибегнуть культурным работникам деревни, которые очень затрудняются воспроизвести историю революционного движения в своем селе или волости».

Вероятно, не без влияния церковно-приходских летописей родилась идея составления краеведами так называемой летописи современника. В 1926 г. в журнале «Известия Центрального бюро краеведения» была напечатана заметка «Летопись современника», подписанная псевдонимом Н. А. [26, с. 227–228]. Удалось установить, что заметка принадлежала видному историку культуры Н. П. Анциферову [27, с. 85]. В ней перед краеведами ставилась задача регистрировать путем собирания вырезок из газет и ведения летописей наиболее значительные события местной общественной жизни.

Как видим, начиная с 1917 г. краеведческие организации России предпринимали энергичные меры по созданию и использованию прочной и разнообразной источниковой базы истории революции и ее последствий. Но удалось ли краеведам создать такую базу? Увы, на этот вопрос придется дать отрицательный ответ. Ведь деятельность краеведов жестко контролировалась «всевидающим оком» ВЧК – ОГПУ. С учетом этого краеведам приходилось серьезно ограничивать направленность своей деятельности. Например, протоколы заседаний Таврической ученой архивной комиссии не зафиксировали ни одного выступления с

призывом к собиранию источников по истории Гражданской войны в Крыму, массовой эмиграции из Крыма в ноябре 1920 г. и последовавшего вслед за этим на полуострове чудовищного по размаху и жестокости красного террора, о количестве жертв которого до сих пор спорят историки.

Другой пример. Сегодня широко известна история массового антибольшевистского восстания тамбовских крестьян в 1921 г., жестоко подавленного частями Красной Армии под командованием Тухачевского. В 1925 г., т. е. четыре года спустя после этих событий, в Тамбове состоялась Вторая Тамбовская губернская краеведческая конференция. На ней была намечена обширная программа краеведческих работ, в которой имелся и следующий пункт: «5) организовать выезды краеведов в села, где аграрное движение отличалось особым напряжением и где “подвиги” тамбовских умиротелителей отличались особой свирепостью» [28, с. 65]. Цитированный раздел программы относился к событиям не 1921 года, а к периоду первой российской революции 1905–1907 гг.

Хуже того, собранные краеведами исторические источники, противоречившие большевистской концепции отечественной истории, либо засекречивались, либо уничтожались. Например, в Крыму в 1917–1920 гг. издавалось около 150 газет, большинство из которых имели ярко выраженную антибольшевистскую направленность. Газеты эти, будучи ценнейшим многоплановым источником по истории Крыма в период революции и Гражданской войны, скрупулезно собирались Таврической ученой архивной комиссией. Увы, до середины 1990-х гг. газеты эти находились на спецхране, а когда их рассекретили, оказалось, что в архивах и библиотеках не только Крыма, но и России в целом не сохранилось ни одного полного комплекта ни одной из этих газет. Как стало известно из недавно рассекреченных архивных материалов крымских спецслужб, при обнаружении чекистами у кого-либо подшивки этих газет их владелец «за хранение контрреволюционной литературы» подлежал расстрелу [29, с. 69].

Закономерным был финал мощного краеведческого движения, развернувшегося в СССР в 1917–1929 гг.: в 1929–1931 гг. оно было разгромлено. Добровольные краеведческие общества были ликвидированы и заменены бюрократическими бюро краеведения. Ведущие краеведы по печально известной статье 58-10 УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда») были репрессированы и сосланы в отдаленные регионы страны. «Разоблачению» старых краеведов были посвящены сборники с характерными для тех лет названиями «За большевистскую партийность в краеведении» (М., 1931), «За марксизм в советском краеведении» (М.; Л., 1931), «Против вредительства в краеведческой литературе» (Иваново-Вознесенск, 1931), ряд статей, опубликованных в журнале «Советское краеведение» (этот издававшийся в 1930–1936 гг. журнал заменил выходившие в 1920-е гг. журналы «Краеведение» и «Известия Центрального бюро краеведения»), а также книга С. П. Толстова «Введение в советское краеведение» (М.; Л., 1932). Эта литература изобличала краеведов в многочисленных «грехах»: дворянстве, буржуазности, монархизме, идеализме, поповщине, контрреволюционности, реакционности, национализме, сепаратизме, великодержавном шовинизме,

аполитизации и децентрализации науки, мракобесии, вредительстве, шпионаже и т. п.

Вот что, например, писал о Михаиле Ивановиче Смирнове (1868–1949), одном из самых знаменитых краеведов России 1920-х гг., в статье «За большевистскую бдительность в краеведении», опубликованной в журнале «Советское краеведение» в 1932 г., когда М. И. Смирнов уже находился в ссылке в Западной Сибири, один из «большевистски бдительных» авторов, скрывший свое «честное» имя за псевдонимом В. Г.: «Было бы большим упущением с нашей стороны, если не сказать еще хотя бы вкратце о такой брошюре М. И. Смирнова, как “Переславль-Залесский уезд, краткий краеведный очерк”, выпущенной им в 1922 году. Дело в том, что Смирнов с начала Октябрьской революции скрывал в своих статьях свое политическое лицо, и только в 1922 году в этой брошюре он выступил с оценкой Октябрьской революции на материале Переславль-Залесского уезда. Вот как он характеризует послереволюционный быт населения этого уезда: “Как будто вскрылся гнойник души народной, и всюду наблюдателю представилась картина хищения, грабежа, обмана, предательства и т.п.”. И дальше: “... Хулиганство, пьянство, воровство царят во всех углах каждого селения ежедневно”. А затем Смирнов делает такой вывод: “Так оставленный на произвол судьбы народ потянулся к новой культуре и, встретив на своем пути полукультурные слои города, перенял от них малоценное и заменил им красочную старину”. Ясно, что от такого махрового черносотенца нечего ждать, кроме отрицательного отношения к городу, к трудящимся, взявшим власть в свои руки, к рабочему классу, который Смирнов, этот стосковавшийся по царю заядлый контрреволюционер, называет “полукультурным слоем”. Сын попа, муж княгини, сначала поп, затем акцизный чиновник, впоследствии ставший никудышным “историком” Переславского уезда, – таково социальное лицо монархиста Смирнова, еще до революции занимавшегося фальсификацией истории и насаждением мракобесия. Мы считаем необходимым, чтобы местные переславские краеведческие организации под руководством партийной организации до конца разоблачили весь вред творчества Смирнова» [Цит. по: 30, с. 94].

Как говорится, комментарии здесь излишни. Подлинная причина разгрома краеведческого движения заключалась, думается, в том, что краеведы, изучая прошлое и настоящее региона по первоисточникам и по личным наблюдениям, располагали достоверной информацией, которая не всегда совпадала, а чаще противоречила той информации, которую распространяли органы государственной власти.

В заключение добавлю, что аресты краеведов сопровождалась арестами и их архивов, которые затем, как правило, исчезали в недрах карательных органов. Таким образом, разгром краеведческого движения явился серьезным ударом по отечественной науке и культуре и, в частности, по источниковой базе отечественной истории, включавшей в себя собранные краеведами уникальные источники по истории событий 1917 года и их последствий.

Список литературы

1. Святский Д. Проникает ли краеведение в массы? (К 10-летию Октябрьской революции) // Краеведение. – 1927. – Т. 4. – № 3. – С. 306–308.
2. Труды Нижневолжского областного научного общества краеведения. – Саратов, 1924. – Вып. 34. – Ч. 2.
3. Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Симферополь, 1919. – № 56.
4. Отчет Костромского научного общества по изучению местного края за 1917 год. – Кострома, 1918.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2307. Оп. 2. Д. 344.
6. Известия Центрального бюро краеведения. – 1928. – № 6.
7. Краеведные учреждения СССР. Список обществ и кружков по изучению местного края, музеев и других краеведных организаций. – Л., 1927. – 2-е изд. – 205 с.
8. Гринкевич В. Познай свой край: к основанию в Пскове Общества изучения местного края // Новая жизнь. – Псков, 1922. – № 3. – С. 79–85.
9. ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 10. Д. 348.
10. Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1918 год. – Кострома, 1919.
11. Наука и ее работники. – 1922. – № 2.
12. Краеведение. – 1926. – № 3.
13. Программы и анкеты по собиранию материалов для изучения Нолинского края. – Нолинск, 1925.
14. Отчет о деятельности Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения за 1925 год. – Иваново-Вознесенск, 1926.
15. Филимонов С. Б. Краеведческие организации европейской России и документальные памятники (1917–1929 гг.) / С. Б. Филимонов; под ред. С. О. Шмидта. – М., 1991. – 208 с.
16. Ярославская старина. Временник Ярославского губернского архива. – Ярославль, 1924. – Вып. 1.
17. Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края. – Тамбов, 1925. – № 1.
18. ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 9. Д. 53.
19. ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 10. Д. 84.
20. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете. – Казань, 1927. – Т. 33. – Вып. 4.
21. Известия Центрального бюро краеведения. – 1928. – № 7.
22. Гелис И. Как надо писать воспоминания: методологический очерк // Пролетарская революция. – 1925. – № 7 (12). – С. 197–212.
23. Голубцов В. С. Мемуары как источник по истории советского общества. – М., 1970. – 115 с.
24. Филимонов С. Б. Хранители исторической памяти Крыма: о наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887–1931 гг.) / С. Б. Филимонов. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Симферополь, 2004. – 316 с.
25. Гурьев Н. Политическая история с. Репьевки // Краеведческий сборник. – Ульяновск, 1928. – Вып. 3. – С. 21–28.
26. Н. А. Летопись современника // Известия Центрального бюро краеведения. – 1926. – № 7. – С. 227–228.
27. Филимонов С. Б. Краеведение и документальные памятники (1917–1929 гг.) / С. Б. Филимонов; под ред. С. О. Шмидта. – М., 1989. – 178 с.
28. Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края. – Тамбов, 1927. – № 2.
29. Филимонов С. Б. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка-источниковеда / С. Б. Филимонов. – Симферополь, 2010. – 408 с.
30. Филимонов С. Б. М. И. Смирнов – выдающийся краевед-исследователь Переславского края // Малые города России. Проблемы истории и возрождения: Материалы международной научно-методической конференции 16–17 октября 1998 г. в г. Переславле-Залесском. – М.: Москвоведение, 1998. – С. 85–95.

Filimonov S.B. The Revolution and Socio-political Contexts of Localization in Russia (1917 - 1931) // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 3. – P. 114-123.

Annotation. The article, based on archival and little-known printed materials, is devoted to socio-political contexts of local history in Russia, conditioned by the revolution 1917 year. The reasons for the powerful local history movement, which unfolded in Russia in 1917-1929, are indicated, its characteristic features are noted, data on the number of local lore organizations and their social composition are given. The main directions of activity of local lore organizations, their forms and methods are considered. An important role of local historians in the works on the creation and use of a strong and diverse source base of the history of the events of 1917 and their consequences for the socio-political and economic life of the regions is underlined. The reasons, character and consequences of the rout in Russia in 1929-1931 are revealed. The local lore movement, as a result of which the voluntary local lore societies were replaced by bureaucratic local lore bureaus, and the leading local lore specialists in the notorious article 58-10 of the Criminal Code of the RSFSR were exiled.

Key words: Russia, 1917, local history, the intelligentsia, the revolution and its consequences, political repression.

References

1. Svyatskiy D. Pronikaet li kraevedenie v massyi? (K 10-letiyu Oktyabrskoy revolyutsii) [Does the Study of Regional Studies Penetrate the Masses? (To the 10th Anniversary of the October Revolution)] // Kraevedenie. 1927. Vol. 4. № 3. P. 306–308.
2. Trudyi Nijnevoljskogo oblastnogo nauchnogo obschestva kraevedeniya [Proceedings of the Nizhnevolzhsky Regional Scientific Society of Local History]. Saratov, 1924. Issue. 34. Part 2.
3. Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arhivnoy komissii [Proceedings of the Taurida Academic Archive Commission]. Simferopol, 1919. № 56.
4. Otchet Kostromskogo nauchnogo obschestva po izucheniyu mestnogo kraja za 1917 god [Report of the Kostroma Scientific Society for the Study of the Local Territory for 1917]. Kostroma, 1918.
5. Gosudarstvennyy arhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [The State Archives of the Russian Federation (GARF)]. F. 2307. Op. 2. D. 344.
6. Izvestiya Tsentralnogo byuro kraevedeniya [Proceedings of the Central Bureau of Local History]. 1928. № 6.
7. Kraevednyie uchrediya SSSR. Spisok obschestv i krujkov po izucheniyu mestnogo kraja, muzeev i drugih kraevednyih organizatsiy [Local lore Institutions of the USSR. List of Societies and Circles for Studying the Local Land, Museums and other Local Organizations]. L., 1927. 2-nd ed. 205 p.
8. Grinkevich V. Poznaysvoikray: k osnovaniyu v Pskove Obschestva izucheniya mestnogo kraja [Know Your Edge: to the Foundation in Pskov of the Society for the Study of the Local Edge]. New Life. Pskov, 1922. № 3. P. 79–85.
9. Gosudarstvennyy arhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [The State Archives of the Russian Federation (GARF)]. F. 2307. In. 10. Case 348.
10. Otchet o deyatelnosti Kostromskogo nauchnogo obschestva po izucheniyu mestnogo kraja za 1918 god [Report on the Activities of the Kostroma Scientific Society for the Study of the Local Territory for 1918]. Kostroma, 1919.
11. Nauka i ee rabotniki [Science and its Workers]. 1992. № 2.
12. Kraevedenie [Localhistory]. 1926. № 3.
13. Programmy i ankety po sobiraniyu materialov dlya izucheniya Nolinskogo kraja [Programs and Questionnaires on the Collection of Materials for the Study of the Nolinsk Territory]. Nolinsk, 1925.
14. Otchet o deyatelnosti Ivanovo-Voznesenskogo gubernskogo nauchnogo obschestva kraevedeniya za 1925 god [Report on the Activities of Ivanovo-Voznesensk Provincial Scientific Society of Local Lore in 1925]. Ivanovo-Voznesensk, 1926.
15. Filimonov S. B. Kraevedcheskie organizatsii evropeyskoy Rossii i dokumentalnye pamyatniki (1917–1929 gg.) [Local History Organizations of European Russia and Documentary Monuments (1917–1929)]. Moscow, 1991. 208 p.

16. Yaroslavskaya starina. Vremennik Yaroslavskogo gubernskogo arhiva [The Yaroslavl Antiquity. The Temporary Archive of the Yaroslavl Province Archive]. Yaroslavl, 1924.
17. Izvestiya Tambovskogo obshchestva izucheniya prirody i kulturyi mestnogo kraya [Izvestiya Tambov Society for the Study of Nature and Culture of the local land]. Tambov, 1925. № 1.
18. Gosudarstvennyy arhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [The State Archives of the Russian Federation (GARF)]. F. 2307. In. 9. Case 53.
19. Gosudarstvennyy arhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [The State Archives of the Russian Federation (GARF)]. F. 2307. In. 10. Case 84.
20. Izvestiya Obschestva arheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom gosudarstvennom universitete [News of the Society of Archeology, History and Ethnography at the Kazan State University]. Kazan, 1927. T. 33. R. 4.
21. Izvestiya Tsentralnogo byuro kraevedeniya [Proceedings of the Central Bureau of Local Lore Studies]. 1928. № 7.
22. Gelis I. Kaknadopisatvospominaniya: metodologicheskiocherk [How to Write Memoirs: a Methodological Essay]. Proletarskayarevolutsiya. 1925. № 7 (12). P. 197-212.
23. Golubtsov V. S. Memuaryi kak istochnik po istorii sovetskogo obshchestva [Memoirs as a Source on the History of Soviet Society]. Moscow, 1970. 115 p.
24. Filimonov S. B. Hraniteli istoricheskoy pamyati Kryima: o nasledii Tavricheskoy uchenoy arhivnoy komissii Tavricheskogo obshchestva istorii, arheologii i etnografii (1887–1931 gg.) [The Keepers of the Historical Memory of the Crimea: the Legacy of the Tauric Academic Archive Commission and the Tauride Society of History, Archeology and Ethnography (1887–1931)]. Ed. 2-nd, revised. and additional. Simferopol, 2004. 316 p.
25. Gurev N. Politicheskaya istoriya s. Repevki [Political History of the Village of Repevka]. Kraevedcheskiy sbornik. Ulyanovsk, 1928. Vyp. 3. P. 21–28.
26. N. A. Letopis sovremennika [N. A. A Chronicle of a Contemporary]. Izvestiya Tsentralnogo byuro kraevedeniya. 1926. № 7. P. 227–228.
27. Filimonov S. B. Kraevedenie i dokumentalnyie pamyatniki (1917–1929 gg.) [Local History and Documentary Monuments (1917–1929)] / Ed. By S. O. Shmidt. – Moscow, 1989. 178 p.
28. Izvestiya Tambovskogo obshchestva izucheniya prirody i kulturyi mestnogo kraya [Izvestia of the Tambov Society for the Study of Nature and Culture of the Local Territory]. Tambov, 1927. № 2.
29. Filimonov S. B. Iz proshlogo russkoy kulturyi v Kryimu: poiski i nahodki istorika-istochnikoveda [From the Past of Russian Culture in the Crimea: the Searches and Finds of the Source Historian]. Simferopol, 2010. – 408 p.
30. Filimonov S. B. M. I. Smirnov – vyidayuschiysya kraeved-issledovatel Pereslavskogo kraya [M. I. Smirnov is an Outstanding Local Researcher of the Pereslavl Region]. Malyie goroda Rossii. Problemy istorii i vrozhdeniya: Materialy mejdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii 16–17 October 1998. Pereslavl-Zalessky. Moscow: «Moskvovedenie», 1998. P. 85–95.

УДК 141.131:82-96

ОДИССЕЯ БАЛКАНСКОГО ХОРОТОПА: КОДЫ МАТРИЦЫ САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА НА СТЫКЕ ОЙКУМЕН

Коробкина Е. Н.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: e_koro@mail.ru

Предмет рассуждений в данной статье – феномен балканского хоротопа. Дан анализ фигуры платоновской хоры, ее основных качеств и конфигураций. Иллюстрация особых пространственных характеристик балканской хоры. Выделение особого пространства «хоротопа» как перекрестка топосов и сакральных «пограничных зон», наделяющих ландшафт хорическими качествами. Структура хоротопа: репрезентативный центр, матрица – архаический миф с его хорическими характеристиками. Склонность хоротопа к «перемене мест» как основное свойство с точки зрения категорий пространства Аристотеля внутри системы идей балканского макроконтеста Топорова. Феномен «пограничных зон» как перекресток противоположностей (в фильме Тео Ангелопулоса «Взгляд Улисса»). Одиссея как провиденциальный миф балканского хоротопа. Универсальность Одиссеи как основополагающего мифа балканского сакрального пространства. Специфика отражения миметических образов архаических мифов в современном искусстве – кинематографическом, изобразительном, литературе и других – как хоротопный метод творчества.

Ключевые слова: категории пространства, хора, топос, балканский хоротоп, коды хоротопа

В последние годы русская философская мысль обращается к пересмотру категорий пространства, данных античными мыслителями. Аристотель в «Категориях» разграничивает две пространственные категории: место и положение. Поговорим подробнее о первой. Чтобы объяснить, «что есть место», Аристотель приводит фрагмент «Теогонии» Гесиода.

«Прав Гесиод, отводящий первенство хаосу, когда он говорит в “Теогонии”, что “первым из всех вещей был хаос, а второй широкогрудая земля”, так как перед тем, как чему-то возникнуть, необходимо место (хора), где бы это могло произойти» [1, с. 139].

Русский философ А. Г. Дугин акцентирует внимание на понятии «хаос», отмечая, что Аристотель проводит аналогию происхождения слов «хаос» и «хора». Продолжая сравнительный анализ хоры и хаоса, он дает характеристику хоре как субституту хаоса:

«Приняв хору в Тимее за субститут хаоса, мы получаем наложение друг на друга двух космологий: философской, рационалистической, собственно, онтологической, с одной стороны, и фрагментарно представленной, затемненной и “вывернутой наизнанку” мифологической, сакральной с другой» [5, с. 237].

Сам же Аристотель различал три вида категории места: «топос» – местность, «платос» – плоская местность, «хорос» – нечто простирающееся [1]. «Хорос» – существительное мужского рода, «хора» – женского.

На основании различий в представлениях о категориях пространства: «хоры» Платона и трех видов категории места Аристотеля нами была выявлена парадигма хоротопа.

В диалоге Платона «Тимей» встречаются Сократ, Тимей, Критий и Гермекрат. Тимей и вводит загадочный термин «хора», рассуждая о миметической диаде полискомос.

Платон пишет о хоре:

«Всегда воспринимая все, она никогда и никоим образом не усваивает никакой формы, которая была бы подобна формам входящих в нее вещей. Природа эта по сути своей такова, что принимает любые оттиски, находясь в движении и меняя формы под действием того, что в нее входит, и потому кажется, будто она в разное время бывает разной; а входящие в нее и выходящие из нее вещи – это подражания вечносущему, отпечатки по его образцам, снятые удивительным и неизъяснимым способом.

Или это можно сравнить с тем, как при вычерчивании фигур на каких-либо мягких поверхностях не допускают, чтобы на них уже заранее виднелась та или иная фигура, но для начала делают все возможно гладким. Подобно этому и начало, назначение которого состоит в том, чтобы во всем своем объеме хорошо воспринимать отпечатки всех вечно сущих вещей, само должно быть по природе своей чуждо каким бы то ни было формам. А потому мы не скажем, будто мать и восприимница всего, что рождено видимым и вообще чувственным, – это земля, воздух, огонь, вода или какой-либо другой [вид], который родился из четырех [стихий], либо из которого сами они родились. Напротив, обозначив его как незримый, бесформенный и всеприемлющий вид, чрезвычайно странным путем участвующий в мыслимом, и до крайности неуловимый, мы не очень ошибемся» [8, с. 441].

Между идеей (эйдосом) и копией (вещью) помещается некий третий тип, опосредующий интеллигибельное и чувственно данное. Этот третий «вид» – хора. Хора – это именно то место, в котором происходит переход от умозрительного к материальному, где идея отпечатывается в материи, это место, позволяющее осуществиться материализации идеи.

Хайдеггер интерпретирует эти три вида – простирающегося, места и вместилща – иным образом, хора перестает быть простирающимся, но становится тем, «что занято тем, что тут находится», простирающееся теряет возможность бытия, место «топос» утрачивает смысл:

«У греков нет слова для “пространства”. Это не случайно; дело в том, что они испытывали пространственность не на основе протяженности, но места (topos); они переживали его как *shōra*, что означает не пространство и не место, но то, что занято тем, что тут находится» [10, с. 66].

Александр Вальега написал отдельную книгу о проблеме пространства у Хайдеггера, где в центре внимания стоит различие понимания пространства у

Платона и Аристотеля (оппозиция «хора» и «топос»), а также отношение Хайдеггера к обоим подходам. Вальега пронизательно замечает:

«Фигура хоры приводит логос к его пределам, и на этих пределах встает вопрос о смысле бытия по ту сторону идеального или объективного наличия. В свете коллапса интерпретаций смыслов бытия в терминах наличия, их предполагаемая основа и их непрезентационный логос должны быть вынесены за скобки (suspended)» [3, с. 37].

Жак Деррида интерпретирует «хору» как «абсолютно иное» по сравнению со всем тем, с чем оперирует философия. Резюмируя свое исследование, Деррида пишет: «Чтобы осмыслить хору, надо вернуться к началу более старому, чем само начало» [4].

Юлия Кристева видит в «хоре» материнский принцип. Этот принцип, будучи спроецированным на область языка (в духе структуралистского сведения проблематики к анализу текста), дает определенную область. Это то, что Юлия Кристева назвала «невербальной коммуникацией», то есть своего рода «пред-языком», который еще не вылился в речь, но уже содержит в себе намерение определенного послания, отличающегося как от молчания, так и от членораздельной речи. Хора есть «мать речи» [6].

Жан-Франсуа Маттеи утверждает, что «изначальная функция хоры и тех мифических фигур, которые с ней связаны, быть порогом, отделяющим чувственный мир от умозрительных архетипов» [7, с. 102]. Маттеи пишет о хоре как о пороге хоризмоса (chôrismos).

Термин хоризмос обозначает отделение, например разделенность души и тела в «Федоне». Хора означает не только место, но и место дифференциации, разделенности. Именно здесь изображение претерпевает раздвоение, именно здесь разум философа различает истинное бытие и видимость. Хора, таким образом, оказывается местом встречи и перехода противоположностей. Без разделенности противоположности слились бы воедино, переход не смог бы осуществиться.

В этой ключевой точке западная мысль пересекается с русской философской мыслью А. Г. Дугина, определившего хору как субститут хаоса и наделившего ее свойствами места различения, разделения и перехода онтологически рационального и мифологически сакрального.

Фигура платоновской хоры как предел, как хоризмос, как интервал между идеальным и объективным изменяет и разделяет противоположности. Создает в продлении перекресток (крест), обозначенный автором понятием «хоротоп», место пересечения как идеальных мест по ту сторону, мест сакральных, так и топосов объективной реальности, точкой перекрестья которых и является фигура «абсолютно иного» – хоры.

Так в своих пределах хоротоп становится пограничной зоной. В ней благодаря точке хоризмоса, или перехода противоположностей, можно наблюдать склонность пространства к «перемене мест».

С точки зрения Аристотеля, первейшим и самым распространенным видом движения является перемещение материальных тел в пространстве, т. е. перемена места, когда материальные тела, существуя в пространстве, перемещаются в нем.

С точки зрения «абсолютно иного» в пограничной зоне перемена мест связана с направленностью самого пространства.

После столь краткого экскурса в историю философских интерпретаций категории пространства у Аристотеля и Платона обратимся к анализу особых свойств хоры в свете вышеизложенного.

«Тимей [8] называет „третий род“ собственно „хорой“ (χώρα). χώρα по-гречески означает „местность“, „окрестность“, причем в отличие от слова topos, здесь подразумевается не пустое место, но место вместе с его содержанием – лесами, полями, ручьями, ветрами, облаками, волами, змеями и людьми, но вместе с тем и открытое пространство, позволяющее заполнить себя. Это непустое пустое место, местность» [5, с. 227].

В нашем исследовании мы приходим к выделению особого пространства – хоротопа, перекрестка сакральных пограничных зон, совмещенных с реальными местами, накладывающих на них свой отпечаток «инога». Это особое пространство наделено «хорическими» качествами и имеет особые пространственные конфигурации.

Обратимся к специфике пространственных конфигураций пограничных сакральных пространств на примере балканского хоротопа.

Балканы – сложно структурированная хора с чисто хорическими материковыми характеристиками на юге и юго-востоке, с горным хоротопом на востоке и западе. И помимо всего прочего – островная часть Балкан вдоль побережья предстаёт как морской хоротоп с множеством островов (хор) и топосом моря. Такова специфика этого пространства. Как пишет академик В. Н. Топоров, «“Балканский” модус жизни в течение тысячелетий как раз и определялся структурой этой матрицы – балканским пространством, хотя и не только им» [9, с. 15].

Один из переводов хоры, данный Дугиным, – «зияющая пасть» [5, с. 237].

Топоров пишет о воронке Балканского полуострова, вовлекающей в пространство возможные потоки из разных точек центральной и восточной Европы, сужающейся к югу достаточно резко, тем самым ускоряя и направляя всё, что попало в воронку, – к югу [9, с. 13]. Но это внешняя конфигурация «разверстой пасти» балканской хоры. Уникальны развернутость контура балканского полуострова к семи морям, изрезанность и расчлененность береговой линии материкового пространства и соответствующее этому обилие островов, выстраиваемых в сложнейшие конфигурации, создающие околбалканское морское пространство.

Таким образом, возникает уникальный хоротоп, в котором хора и топос постоянно меняются местами в зависимости от векторов взгляда. В этой сложной изошренной полемике побережья, островов и моря балканская хора обретает черты хоризмоса, места встречи и перехода противоположностей. Суша и море здесь до такой степени органично, интимно переходят друг в друга, что связи их предельно облегчают коммуникацию, движение, путь. Суша зияющей пастью Сцилл и Харибд втягивает море в себя, а море манит обитателей материка в путь цепочкой островов.

Так само пространство как будто задает направленность пути. Когда Хайдеггер пишет о том, что греки переживали пространственность не как протяженность, но как погруженность в хору, в сакральное пространство мест, перед внутренним взором встает Одиссея пространства. Встает как путь Одиссея, заданный изначально волей богов, по цепочке островов, каждый из них – сакральный хоротоп, место, погружаясь в которое как в хору, герои трансформируются этим местом согласно его внутренним мифологическим законам. И путь от острова к острову создаёт особую протяженность как погруженность в трансформационный переход. Дошедший до конца уже не тот, кем вышел вначале. В этом предназначенность хоры: постоянно изменять вошедшее в неё, в этом специфика хоротопа (как матрицы) сохранять сакральность хорического и создавать протяженность топосов (не во времени, ибо в хоре нет времени, или оно абсолютно иное). Но хоротоп, создавая протяженность мест в пространстве, формирует хронотоп [2].

Поэтому можно сказать, что и сама Одиссея – хоротоп, матричные коды которого осуществляются в повторяемости мифологических сюжетов в балканском пространстве.

Рассмотрим, как проявляются эти коды в фильме известного греческого кинорежиссера Тео Ангелопулоса «Взгляд Улисса».

Вначале обратимся в глубь истории балканского кинематографа.

Первыми бросили взгляд и увидели землю Балкан греки. Не то, чтобы греки: братья Манаки, снявшие первый балканский фильм в 1905 году, не греки, но аромуны. Фильм был снят в Монастири, современной Битоле, входящей в состав Македонии, в то время, с первой балканской войны, в составе Сербии.

Реальная биография братьев Манаки использована Тео Ангелопулосом в кинофильме «Взгляд Улисса», снятом в 1995 году, в котором целью главного героя является поиск их трёх первых кинолент.

В кадрах первого фильма и раскрывается матрица балканской хоры: греческая деревня, женщины-ткачихи, 114-летняя бабушка Деспина, полотно киноленты как изначальное полотно хоры, на котором не эйдосы, но сама хора собирает вокруг себя сакральные вещи, формируя первый миф, создавая праматрицу Балкан. Символом праматери, созидающей реальность и будущность, выступает бабушка Деспина, ткающая полотно на пороге дома, и рядом женщины-ткачихи, которые подобно пчелам возле матки собирают сакральные образы воедино, сплетая их тайно, скрытно венчальным покровом пра-Балкан.

Нам явлен первичный код балканского хоротопа.

Сценарий современной одиссеи находит своего Улисса.

В фильме Тео Ангелопулоса им становится безымянный кинорежиссер А (в его роли Харви Кейтель), вернувшийся на родину в Грецию ради поиска утраченных фильмов. Его одиссея смещается на балканский материк, и здесь мы обнаруживаем иные пространственные коды: эстафета пути по цепочке сакральных мест, островов оборачивается следованием по пограничным зонам, по зонам отчуждения материковых Балкан с их хорической предопределенностью.

Испытание смертью для безымянного А совершается на границе миров, государств и времен, на греко-болгарской границе, где его задерживают пограничники. Сцена диалога с таможенником переносится в 50-е годы, годы гражданской войны в Болгарии. В это время братья Манаки бегут из Греции в Болгарию. Безымянный А, становясь Янаки Манаки, переживает сцену расстрела, ему завязывают глаза черной повязкой, выводят; в ожидании смерти он произносит слово: «Почему?»

В снятом Луисом Бунюэлем ранее, в 70-е годы, фильме «Млечный путь» используется сходный прием наложения сюжетов. В путешествии героев фильма – паломников Жана (Лоран Терзиефф) и Пьера (Поль Франкёр) сквозь времена и места-палимпсесты мы встречаем кадры, когда действие переносится в том же месте в слой, смытый временем, но проявившийся внезапно в узле времен.

Эти узлы: перекрестки границ, пограничные зоны, подверженные в долгой хронологии времен переписыванию истории жесткой агрессией войн. Переписанные кровью и смертью, эти смытые слои проступают в пространстве неожиданно для героев, что в поисках сокровенного проходят через все точки сборки, через все точки смерти, чтобы за пределами времен собрать все сакральные смыслы.

И Пьер в «Млечном пути», и безымянный А, вовлекшись точкой пересечений в чужую судьбу, в чужое, но значимое для этих безымянных героев имя, переживают сцены расстрела, чтобы, вернувшись в себя и к себе, продолжить путь до следующей точки смерти.

Мы же понимаем, что эти точки смерти – переходные места балканского хоротопа, в которых сакральные мифологические сюжеты звучат голосом действительности, а реальные ключевые события далеких эпох сакрализируют пограничные зоны сновидениями хоры. Венчальное покрывало Балкан становится погребальным.

Одиссеей имени расставлены пограничные точки-таможни. Хранители границ замирают птицами, шаг их прерван. В фильме греческого режиссера Тео Ангелопулоса «Прерванный шаг аиста» есть такой кадр: замерший пограничник на контрольной линии греко-турецкого пограничья с поднятой ногой. Здесь шаг за пределы Греции дает полное право – на смерть.

Венчальное покрывало единого пространства в любой момент может стать погребальным. Таковы пограничные зоны, города-призраки точками сумерек внутри балканского пространства.

Тео Ангелопулос своеобразным приемом показывает эти приграничные лагеря ожидания. В «Прерванном шаге аиста» мы видим деревянные вагоны, в дверях которых беженцы с семьями как будто выставляют себя напоказ группе приезжих репортеров. Подобный эпизод есть и в фильме «Взгляд Улисса»: на перекрестке греко-албанской границы группа нелегалов с мешками бежит на родину, и опять вдоль дороги от албанской границы стоят неподвижные молчаливые люди, не пугая, удивляя абсурдностью обездвиженности посреди снежной пустыни.

Они переходят границу, стремясь к свободе, и создают свои границы, живя каждый в своем мире, и никто не знает: это война между христианами и мусульманами, курдами или турками, революционерами и оппозиционерами?

Перед нами балканский тройной междивизиационный узел: католический, православный, мусульманский; перекресток Запада и Востока и несколько особняком – Греция с ее древней утраченной цивилизацией.

Признать ли коды греческих мифов основополагающими для балканского пространства, пересеченного линиями меняющихся границ в ходе постоянных войн и междивизиационных переделов?

Балканский сценарий, повторяясь циклично, разыгрывается вновь и вновь, и в одиссее балканского кода нет ни конца, ни надежды на завершение мифа. Мы видим, как эпические мифы хоры разворачиваются вовне сюжетами хоротопа, циклическим незавершенным балканским сценарием, проявляющимся в моменты катастроф на протяжении всей истории Балкан.

Специфика балканского хоротопа проявляется в повторяемости, цикличности мифологических сюжетов, в чисто балканских сценариях, связанных с историческими событиями, особенностями расположения этносов на территории Балкан, с самой географической особенностью расположения мест, с её хорической предопределенностью. Можно сказать, что в основе балканских хоротопов лежат балканские (и универсальные для данного пространства древнегреческие) мифы, предопределенные исторической спецификой этнических и межконфессиональных отношений. Носители кодов балканской матрицы – узлы-палимпсесты исторических конфликтов, переписываемые в кодах единого балканского хоротопа как реальными событиями, повторяющимися в этих местах, так и переживаниями литературных героев, связанных в текстах и сценариях с событиями этих мест в исторической и художественной хронологии времен. Тем самым общность художественных кодов хоротопным методом красной нитью проходит сквозь времена и проявляется в современных текстах в двойственности палимпсеста: коды прошедшего не утрачиваются, но проявляются в последующем символами хоры. Воплощением такого хоротопного художественного видения становятся современные жанры искусства: изобразительного, литературного, кинематографического. Здесь текст пишется нелинейно, в него включаются фрагменты коллективного бессознательного сновидениями героев, видениями, переживаемыми ими как данность, как реальность. В античных источниках вторжение сверхъестественного обусловлено законами мифа, сверхъестественная трансформация героя задана условиями особого сакрального места в рамках античных мифов, как и в «Одиссее» Гомера. В современных текстах архетипы старых мифов проявляются в особых сакральных местах хоротопно. Здесь важен герой, преследующий сверхцель в своем путешествии. Так, безмянный А отправляется по балканскому полуострову на поиски утраченного балканского кода. Его вхождение в сакральное пространство и следование по нему согласно законам архаических мифов выражаются с помощью современных художественных средств. Это элементы сюрреалистического наложения: вторжения символов, размытых временем, в подсознание героя опять-таки в особых местах, узловых пограничных

зонах – хоротопах. В них в критический для героя момент срабатывает архаическая сакральная матрица, и она символами видений трансформирует сознание героя, заставляя его пережить архетипический сюжет, мифологический сценарий которого уже не одним поколением связан с реальными событиями, происходившими в этих ключевых узлах. Таким образом, мы видим, что современные художественные методы – элементы потока сознания, сюрреализм – используются в этом контексте для того, чтобы проявить общую мифологическую составляющую происходящих событий, раскрыть их тайное сакральное предназначение.

Мы можем проследить своеобразный рисунок балканского хоротопа. Репрезентативный центр – балканская матрица, балканский миф с его хорическими характеристиками: теменос с атрибутами сакрального пространства. Ткачиhi, ткающие полотно самих прабалкан, в то же время – мойры, в руках которых само время. В этом главное свойство хоры: ткать узор, давать форму эйдосам и даже самому времени, которое в сакральном пространстве хоры лишено хронологической протяженности, равно как и само пространство лишено качества протяженности. И время, и пространство здесь матрично хоротопны. Творческое действие здесь – священнодействие жрицы в теменосе, все атрибуты в котором несут высшую смысловую нагрузку и цель: трансформация форм в сакральном пространстве хоротопа и репрезентация их вовне в качестве вневременных миметических образов, архетипичность которых оставляет свой отпечаток в развитии балканских сюжетов и сценариев, заставляя обращаться к ним снова и снова.

Само пространство своими исконными конфигурациями собирает вокруг теменоса, сакрального центра, мифы, легенды, тексты, биографии, жития, истории, сплетенные с топосом хорическими узорами в единую конфигурацию хоротопа.

Балканская хора имеет свой неповторимый пространственный узор хоротопов, объединенных в единый полифонический космизм сакральных мест. Миметическая диада космос-полис раскрывается в контексте хоротопа полифонией антитетических зон. Однако отнесенность полилога дискурсов к единому хоротопу хорически предопределена не только спецификой ландшафта, его пространственными архетипическими кодами, но и модальностью провиденциального смысла, раскрываемого в кодах постоянной репрезентацией в историческом времени как узловых проблем данных мест в архетипической незавершенности сюжетов, так и единого универсального мифа этого пространства, его Одиссеи как особого сакрального смысла, присущего балканской хоре.

Таким образом, характеризуя балканский хоротоп, мы можем сказать, что его ядро – сакральный ландшафт, или цепочка сакральных мест, объединенных проявлениями универсального балканского мифа, его одиссеи, заданной оригинальным узором пространственной конфигурации. Одиссея мест структурирована по принципу мифа, это своеобразный трансформационный переход сквозь сакральные пространства мифологических древнегреческих островов, пограничных хоротопных зон балканского пространства. Мы наблюдаем провиденциальность балканских сценариев, особую выделенность сакрального, явленную в текстах скрыто, за кадром, мифологемами старых мифов. Явленную также хорически, т. е. в трансформационных видениях в особых антитетических

зонах, в которых смещаются временные пласты и совмещаются как архетипические реалии мифов, так и реальные события, произошедшие в этих особых точках смерти, зонах отчуждения, создавая сюрреалистический узор происходящего здесь и сейчас в пространстве самого хоротопа. Мы можем отметить, что универсальным мифом для Балкан, формирующим балканский хоротоп, является одиссея, явно и неявно сквозящая символами и образами, сюжетными переходами сквозь хоротопные зоны, внутренней мотивацией развития самого сюжета, рядом художественных приемов, сквозных для таких текстов. В них заключается своеобразная специфика отражения миметических образов архаических мифов в современном искусстве – кинематографическом, изобразительном, литературе и других – как хоротопный метод творчества.

В дальнейшем нам бы хотелось обратиться к специфике сакральных ландшафтов лимитрофного цивилизационного пояса, имеющих другие пространственные конфигурации, и раскрыть особенности их хоротопных составляющих. Таким значимым объектом с точки зрения уникальности хоротопных зон для нашего исследования представляется крымский микрокосм во всей его исторической протяженности.

Список литературы

1. Аристотель. Собрание сочинений. – М: Мысль, 1981. – Т. 3. – С. 123–160.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит, 1975. – С. 234–407.
3. Вальега Алехандро. Хайдеггер и проблема пространства. – Пенн Гос Пресс, 2003. – 202 с.
4. Деррида Ж. Эссе об имени. – СПб.: Алетейя, 1998. – 192 с.
5. Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. – М.: Академический проект, Гаудеамус, 2011. – 500 с.
6. Кристева Юлия. Обороты поэтического языка. – Нью-Йорк, Колумбийский университет, 1984. – С. 25–26.
7. Маттеи Жан-Франсуа. Платон и зеркало мифа. – Париж, 1996. – 127 с.
8. Платон. Собрание сочинений. – М.: Мысль, 1994. – Т. 3. – 654 с.
9. Топоров В. Н. Балканский макроконтекст и древнебалканская неолитическая цивилизация / Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти Владимира Николаевича Топорова. – М.: Индрик, 2007. – 352 с.
10. Хайдеггер Мартин. Введение в метафизику. – Йельский университет, 1959. – 302 с.

Korobkina E. N. Odyssey of the Balkan Chorotop: the Codes of the Matrix of the Sacred Space at the Junction of the Oikumen // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 3. – P. 124-133.

Annotation. The main topic of the article is a phenomenon of Balkan chorotop. The analysis of the shape of the so called Platonic Chora with its basic qualities and configurations. The illustration of the unique spatial characteristics of the Balkan chora. The definition of the «chorotop's» space as a crossroad of the toposes and sacred «border zones» which induce the landscape with choral qualities. The structure of the chorotop consists of a representative centre, a matrix which is an archaic myth with its choral characteristics. Chorotop's propensity to «scenes' shifting» as a main quality of space in Aristotle's categories within the system of the Toporov's Balkan macrocontext. The phenomenon of the «border zones» as a crossroad of opposites (in a movie of Theo Angelopoulos «Ulysses' Gaze»). Odyssey as a providential myth of the Balkan chorotop. The flexibility of the Odyssey as a basic myth of the Balkan sacral space. Reflection of the mimetic images of archaic myths in a modern art (cinema, visual art, literature, etc.) as the chorotopic method of creativity.

Keywords: category of the space, chora, topos, Balkan chorotop, codes of chorotop

References

1. Aristotle. *Sobranie sochinenij* [Collected works]. Moscow, 1981, Vol. 3, P. 123-160
2. Bakhtin M. M. *Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike* [Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics] / Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of Literature and Aesthetics]. M.: Khudozh. lit, 1975, P. 234-407.
3. Vallega Alejandro. *Khaidegger i problema prostranstva* [Heidegger and the Issue of Pace]. Penn State Press, 2003, 202 p.
4. Derrida Jacques. *Esse ob imeni* [Essay about name]. Spb.: Aleteiya, 1998, 192 p.
5. Dugin A. G. *Martin Khaydegger: vozmozhnost' russkoy filosofii* [Heidegger Martin: the Possibility of Russian Philosophy]. M.: Akademicheskij Proekt, Gaudeamus, 2011, 500 p.
6. Kristeva Julia. *Oboroty poeticheskogo yazyka* [Revolutions in Poetic Language]. NY: Columbia University Press, 1984, P. 25-26.
7. Mattéi Jean-François. *Platon i zerkalo mifa* [Platon et le Miroir du Mythe]. Paris: PUF, 1996, 127 p.
8. Platon. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Moscow, 1994, Vol. 3, 654 p.
9. Toporov V. N. *Balkanskiy makrokontekst i drevnebalkanskaya neo-eneoliticheskaya tsivilizatsiya* [The Balkan Macrocontext and Neo-Eneolithic the Civilization of the Ancient Balkans]. / *Vostok i Zapad v balkanskoy kartine mira. Pamyati Vladimira Nikolaevicha Toporova* [East and West in the Balkan image of the world. In Memory of Vladimir Nikolayevich Toporov]. Moscow, Indrik, 2007, 352 p.
10. Heidegger Martin. *Vvedenie v metafiziku* [An Introduction to Metaphysics]. Yale University Press, 1959, 302 p.

УДК 008: 168.522

ФОРМИРОВАНИЕ СЕМИОТИЧЕСКОГО ТЕКСТА ГОРОДА ФЕОДОСИИ

Петренко А. П.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: petrenko.ap@mail.ru

Рассматривается культурное пространство города Феодосии. В статье поставлена проблема влияния И. К. Айвазовского на формирование семиотического текста архитектурного облика города. В контексте решения данной проблемы анализируются некоторые аспекты культурно-исторического развития города. Представлен обзор основных этапов жизни и творческой деятельности И. К. Айвазовского. Обращается внимание на общественную деятельность художника, которая в значительной степени сформировала семиотический текст города. Теоретическое исследование облика города основано на семиотическом подходе, включающем диахронный, синхронный и биографический методы анализа жизнедеятельности личности художника-мариниста в Феодосии. К основным результатам исследования можно отнести выявление основных факторов формирования и трансформации архитектурного пространства Феодосии и определение роли Айвазовского в создании семиотического текста города. Перспектива исследований в данном направлении заключается в определении механизмов влияния на городскую культуру Феодосии и других культурных ландшафтов Крыма.

Ключевые слова: пространство, город, архитектурный облик, семиотика, текст, Айвазовский, Феодосия.

Феодосия как часть культурного ландшафта Крымского полуострова и один с древнейших античных городов в настоящее время вызывает интерес исследователей, так как становление семиотики городского пространства происходило на протяжении многих столетий при активном участии известных художников и писателей, архитекторов и скульпторов, ученых и мыслителей. Семиотический текст данного культурного пространства отражает своеобразие географического положения местности, богатую событиями историю города, связанную с жизнью и деятельностью многих известных личностей, и особенности развития города как туристического и культурного центра.

Город как сложная семиотическая система отображает в себе тексты истории и социокультурных изменений, происходивших в ней. Погруженный в культурное пространство города человек, по словам Ю. М. Лотмана, неизбежно создает вокруг себя организованную пространственную сферу, которая включает идейные убеждения, семиотические модели и воссоздающую деятельность человека [10, с. 334].

В качестве текста города Феодосии можно понимать, вслед за Лотманом, и семиотику имени, рассматривая историю названия города, всевозможные варианты

трактовок; и семиотику пространства, описывая городские архитектурные составляющие, которые формируют архитектурный облик города и несут огромное количество информации; и семиотику времени [10, с. 320]. Но нам представляется не менее важным иной путь – рассмотрение городского текста Феодосии, искусственно созданного городом о себе самом, текста о городе глазами иногородних, побывавших в Феодосии. А также созданного самими жителями текста, связанного с деятельностью в городе И. К. Айвазовского.

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной изученностью темы и необходимостью осмысления социокультурных процессов, происходящих под влиянием творческой и общественной деятельности Айвазовского, что отобразились в архитектурном пространстве Феодосии.

Цель статьи: на основе анализа трудов известных исследователей жизнедеятельности И. К. Айвазовского определить его роль в формировании архитектурного облика города, что дает возможность осуществить анализ семиотического текста городского пространства Феодосии.

Для реализации поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи: рассмотреть личность Айвазовского, его творческую и общественную деятельность в роли главного преобразователя города и проанализировать архитектурное пространство города как текста культуры.

Объектом исследования является архитектурное пространство города. Предметом исследования – процессы преобразования городского пространства, связанные с деятельностью Айвазовского.

Для анализа семиотического текста города мы опираемся на работы Ю. М. Лотмана и на разработки современного исследователя семиотики текста крымских городов Д. С. Берестовской. Для определения роли Айвазовского в формировании архитектурного облика мы обращаемся к трудам И. А. Рудычева, В. М. Скляренко, М. С. Саргсяна, Ш. Г. Хачатряна, историков Э. Б. Петровой и Д. А. Лосева, а также к работам Н. С. Барсамова – искусствоведа, художника, биографа И. К. Айвазовского, директора и консультанта картинной галереи им. И. К. Айвазовского (1923–1962).

Изложение основного материала. Рассмотрим семиотическое пространство Феодосии как исторически сложившуюся структуру и ее трансформацию в результате «стыковки национальных, социальных, стилевых кодов и текстов, семиотической перекодировки города» [10, с. 325].

Анализируя городское пространство Феодосии в системе символов по семиотической схеме, мы (вслед за Лотманом) выделяем основные сферы городской семиотики: город как имя, как пространство и как время [10, с. 208].

Имя Феодосия греческого происхождения и переводится как «Богом данная». Город со времени своего основания носил разные имена: античная Феодосия, генуэзская Каффа, турецкая Кефе. В 1784 г., после присоединения Крымского полуострова к России, городу было возвращено его древнее название – Феодосия. Это имя дали городу купцы из Милета в VI в. до н. э., когда они организовали здесь торговую факторию.

Рассматривая город как пространство, увидим, что Феодосия расположена на холмистой местности – на границе между степной частью и горной. Со склона горы Митридат открывается панорама города и его живописных окрестностей. Здесь сохранилось большое количество исторических памятников, с помощью которых можно определить структуру города в прошлые периоды и места, связанные с историческими событиями. По определению Лотмана, город, который расположен на горе (или горах), является «вечным городом», «посредником между небом и землей» и имеет структуру концентрическую. Соответственно, «...город расположен на берегу моря “на краю” культурного пространства», «победа разума над стихиями» – эксцентрическая структура [10, с. 209]. Соотнесем определение Лотмана с реальным расположением Феодосии: город возведен на холмах, между главной грядой Крымских гор и степной равниной, но с другой стороны – «на краю» полуострова, на берегу моря. Здесь мы можем с уверенностью говорить о противостоянии эксцентрической структуры города Феодосии и концентрической.

В архитектуре Феодосии выделим несколько пространственно-временных континуумов, что, по нашему мнению, характеризует город как сложный семиотический механизм с характерными текстами и кодами, принадлежащими разным языкам и уровням: средневековая генуэзская крепость, культовые сооружения, музеи, исторические памятники и фонтаны, линия особняков феодосийской элиты на Екатерининском проспекте (теперь проспект И. К. Айвазовского). Следует отметить, что перечисленные архитектурные объекты являются доминантами в городском пространстве, по нашему представлению, данные феномены дают возможность раскрыть своеобразие Феодосии как семиотического пространства.

Анализируя исторически сложившуюся структуру города и её трансформации в результате социокультурных изменений, рассмотрим события, связанные с появлением личности Айвазовского, которые значительным образом определили дальнейший ход истории развития города и сформировали семиотический текст городского пространства Феодосии.

В различных источниках сообщается, что 29 июля 1817 года в церкви Святого Сергия в Феодосии священник сделал запись: «Родился Ованес, сын Геворга Айвазяна» – будущий художник с мировым именем Иван Константинович Айвазовский.

Проявив исключительные способности еще с ранних лет, он закончил Академию художеств в Санкт-Петербурге, работал в Риме, Неаполе, Сорренто, Венеции, выезжал с выставками своих картин в Париж, Лондон, Амстердам.

По свидетельствам ряда биографов, художник имел возможность жить и работать в Санкт-Петербурге и Москве, остаться в Италии или иной европейской стране. Однако 28-летний Иван Константинович решил связать свою жизнь с родной провинциальной Феодосией и навсегда поселиться в ней. Он любил свой родной город и всячески заботился о нем. Айвазовский верил в большие возможности города и писал в 1881 году на страницах журнала «Русская старина»: «Потому ли, что душа моя лежит к дорожному для меня месту моего рождения и

детства <...> я вижу Феодосию чистеньким, опрятным городком, не скучным задатками для будущего светлого и благодатного – в чем я уверен» [4, с. 422].

Находясь почти безвыездно в Феодосии, он сумел создать в своем городе благоприятную среду, в которой сложилось и развилось дарование большой группы художников. По словам Н. Ф. Тарасенко, в конце XIX века сформировалось явление, названное киммерийской школой пейзажа, членами которой были художники, жившие в Феодосии. Своим творчеством феодосийские художники обогатили русское искусство. Несомненно, Айвазовский был в числе создателей этой школы живописи [14].

В. С. Кривенко, отдыхавший у Айвазовского, писал, что художник обладал удивительной способностью вливать чувство любви к городу в сердца как случайных посетителей Феодосии, так и разных важных служебных персон и общественных деятелей, от влияния которых немало зависело благосостояние города [7]. Особенно сказывалась эта черта его характера, когда вопрос шел об архитектурном оформлении города.

Особое место в архитектурном облике города занимают его дом и картинная галерея, создание которой было главным событием XIX века в культурной жизни не только самой Феодосии, но и всей России. Дом Айвазовского, ставший позже частью единого архитектурного ансамбля Феодосийской картинной галереи, строился по проекту самого художника. Он напоминает итальянскую ренессансную загородную виллу. Это одно из красивейших зданий города.

Картинная галерея расположилась в специально построенном по проекту художника зале, а ее здание вплотную примыкало к дому мастера. Галерея в доме Айвазовского при его жизни также выполняла функции концертного зала, где часто выступали известные музыканты и актеры. Таким образом, благодаря художнику Феодосия стала в конце XIX века центром культурной жизни Крымского полуострова, куда стремились попасть и иностранные путешественники. Когда картинная галерея стала тесна, художник подал предложение построить в центре города, в городском саду, концертный зал и клуб. Среди зажиточных феодосийцев были собраны необходимые средства.

Без преувеличения можно сказать, что все важные постройки в Феодосии находились под надзором Айвазовского. Лосев сообщает, что Айвазовский проявлял большой интерес к архитектурному облику Феодосии. Именно он в 1880-х гг. рекомендовал знаменитому петербургскому журналисту и книгоиздателю А. С. Суворину место для постройки его дачи на феодосийском морском берегу. Художник считал его украшением набережной Феодосии [9].

Неоценимое значение в развитии экономики города и формировании его архитектурного облика имела общественная деятельность Айвазовского в связи с постройкой порта и железной дороги, сооружения которых он добивался. Как сообщает Барсамов в своей работе «Айвазовский в Крыму», благодаря ходатайству художника в морском министерстве, за короткое время – с 1892 по 1894 гг. – в Феодосии был построен самый большой в Крыму торговый порт, начала быстро развиваться торговля, мелкие полукустарные предприятия выросли в значительные фабрики и заводы, началось крупное городское строительство [1, с.

34]. В течение нескольких лет появился новый район больших особняков, построенных хлеботорговцами, фабрикантами, помещиками. На окраинах, в свою очередь, выросли рабочие поселки – «слободки», увеличивалось население города [17, с. 14].

В 1880 году Айвазовский передал в собственность города источник Субаш из своего имения и на собственные средства установил в центре города фонтан, который был построен по его проекту, в восточном стиле, напоминающем архитектуру Бахчисарайского дворца. На мраморной доске фонтана находится надпись: «Фонтан И. К. Айвазовского. 18. IX. 1888 г.». Памятник отличается изяществом и красотой выполнения [13, с. 148].

Когда из имения Айвазовского в город был проведен водопровод, в честь этого события была написана песня, которую исполняли на всех праздниках – знаменательный текст, созданный жителями Феодосии о любимом художнике, почетном гражданине города:

*Айвазовский поставил фонтан
Из мрамора чистого,
Айвазовский воду провел в фонтан
Из своего источника быстрого.
Посмотрите, как вода бежит,
Послушайте, как струя журчит,
Выпейте воды, пожалуйста,
Вспомните Ивана Константиновича...* [2, с. 42–43].

В благодарность за проведение в Феодосию железной дороги на средства, собранные художником, в центре города, напротив фонтана Айвазовского, был установлен памятник царю Александру III (скульптор Р. Р. Бах). Памятник был разрушен после революции 1917 года.

Еще один фонтан, установленный на базарной площади, художник посвятил памяти А. И. Казначеева, оказавшего решающее влияние на поступление его в Академию художеств. Фонтан был сложен из простого нуммулитового известняка и отличался классически строгими формами.

В 1871 году Айвазовский на собственные средства построил здание Музея древностей, которое возвышалось на горе Митридат. Художник нашёл возможность так расположить строение, чтобы оно стало архитектурной доминантой города. Внешне музей напоминал колоннаду афинского Акрополя – символ времени основания древнего города. К сожалению, здание в 1940-е гг. было разрушено.

Археологическая деятельность Айвазовского в Феодосии, по словам многих исследователей, имела огромное значение не только для самого города, но и для культуры страны в целом. Художник одним из первых начал в Феодосии археологические раскопки, прежде всего им руководило желание обнаружить материальные доказательства древности родного города, его принадлежности к важным культурным центрам античного мира [5].

Как сообщает Н. С. Барсамов, в курганном погребении на мысе Ильи было найдено большое количество ювелирных золотых украшений тончайшей работы, выполненных античными мастерами IV в. до н. э. – времени расцвета античного

искусства, которые по художественному и научному значению превосходили все ожидания археологов [1, с. 25].

И. В. Туркина сообщает о результатах археологических работ Айвазовского: «Найдены золотые ожерелья, серьги, женская головка, цепочка со сфинксом, сфинкс с женской головой, головка быка, пластины; серебряные браслеты; глиняные статуэтки, медальоны, сосуды и саркофаг; серебряная и бронзовая монеты» [16, с. 203]. Свои находки Айвазовский направил в Императорский Эрмитаж, где они украшают античную коллекцию знаменитого музея.

Доктор исторических наук Э. Б. Петрова подводит главный итог археологическим работам Айвазовского: «Раскопки погребений курганного некрополя античной Феодосии V–II вв. до н.э. принесли вещественные доказательства того, что на месте средневековой Каффы и Феодосии XIX столетия некогда располагалась та самая эллинская Феодосия, о которой писали античные авторы и которую до того безуспешно искали в различных местах Крыма» [11, с. 21].

На средства Айвазовского была проведена перестройка памятника армянской средневековой архитектуры – церкви Святого Сергия, сохранившейся на территории Феодосии. О восстановлении церкви говорит и надпись на плите внутри здания. Указывается, что И. К. Айвазовский подарил храму две картины, но судьба их неизвестна.

Действительно, художник-маринист создал семиотический текст культурного пространства Феодосии, в частности его архитектурного облика. Его творчество отображает семиотику архитектурного пространства города.

В качестве семиотических текстов рассматриваются и исследуются различные культурные артефакты, в частности архитектура и произведения монументального искусства, которые являются структурой, несущей в себе знаки и смыслы. По определению Лотмана, текст мыслится как отграниченное, замкнутое в себе конечное образование, одним из основных признаков которого является наличие специфической внутренне присущей ему структуры, влекущей за собой высокую значимость категории границы [10]. Такими структурами в нашем исследовании являются фонтаны и памятники, дом и картинная галерея Айвазовского, армянская церковь Св. Сергия, семиотические тексты, созданные известным художником.

Любая знаковая система, имеющая целостное значение и связность, является текстом. Поэтому к текстам с точки зрения семиотики мы относим и картины Айвазовского, которые включают в себя все признаки текста в широком семиотическом значении.

У него много картин, посвященных родному городу, где он создает образы – знаки и символы, которые отображают неповторимый облик города и остаются в памяти его жителей и гостей. Художник писал родной город и с привычного места – от древней башни на берегу моря, и с балкона своего дома, и со стороны Карантина. Есть у него и панорамные виды Феодосии, которые служили фоном для батальных или исторических композиций, например: «Приезд Екатерины II в Феодосию» (1883) и «Первый поезд в Феодосии» (1892). Будучи живописцем Главного морского штаба, Айвазовский написал не одно полотно, запечатлевшее главные

победы России на море, например: «Приход русских войск в Феодосию в 1771 г.» (1871). Батальные сюжеты в этих картинах не вытесняют морской пейзаж. Наоборот, оба жанра, соединяясь вместе, раскрывают главное содержание произведений. Впечатляющая картина Айвазовского на аллегорический сюжет «Торжество Феодосии» (1894), по замыслу художника, отображает победу над злом – над теми, кто препятствовал развитию Феодосии, в частности строительству порта. Интересны по композиции картина вида старой Феодосии, написанная им еще в 1839 г., и полотно «Восход луны в Феодосии» (1892), завершенное им уже на склоне лет [18, с. 160].

Созданная Айвазовским в Феодосии картинная галерея с его живописными полотнами является уникальным музеем и семиотическим центром городского пространства. Она стала школой маринистской живописи, куда стекаются молодые художники, решившие посвятить свое искусство изображению моря. Свою мастерскую Айвазовский превратил в школу живописи для талантливой молодежи. Через открытые Айвазовским «Общие художественные мастерские», что представляли собой филиал Петербургской Академии искусств, прошли Л. Лагорио, М. Латри, К. Богаевский, М. Волошин и другие. Они создавали семиотику пространства городов Крыма и семиотический текст русской культуры в целом.

В результате создания маринистской школы живописи Феодосия стала очагом и крупным центром русского искусства. Своим примером, огромным творческим трудом Айвазовский сумел привить феодосийцам глубокую любовь к родной земле. Картины его представлены как в отечественных, так и в зарубежных коллекциях живописи. Наиболее обширным собранием его произведений обладает Феодосийская картинная галерея его имени, ставшая живым памятником художнику.

После смерти И. К. Айвазовского жителями Феодосии был возведен памятник у дома художника, где раньше был разбит небольшой сад. Это одновременно подчеркнуло мемориальное значение самого дома и картинной галереи. Его автор – петербургский скульптор Илья Яковлевич Гинцбург. Скульптура была установлена в 1930 г., к 50-летию открытия картинной галереи. На его постаменте – лаконичная надпись: «Феодосия – Айвазовскому».

Наследниками художника в ограде Армяно-Григорианской церкви Св. Сергия, где был крещен и венчался И. К. Айвазовский, был сооружен памятник, представляющий собой саркофаг из цельного мрамора, поставленный на мраморное основание.

«Два имени: “Айвазовский” и “Феодосия” давно стали родственными. ... В Феодосии каждый шаг связан с именем Айвазовского: на берегу бульвар Айвазовского, в соборе его большая икона, каждый пароход доставляет многочисленную публику к дому Айвазовского в картинную галерею...» – писал Н. Н. Лендер [8, с. 29–30].

Выводы. На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что вся жизнь и творчество прославленного художника-мариниста неотъемлемо связаны с Феодосией, где его чтили как «отца города». Деятельность

И. К. Айвазовского была разносторонней и в значительной степени повлияла на формирование современного архитектурного облика города. По его инициативе построен порт в Феодосии, проведена железная дорога, решена проблема снабжения города питьевой водой. Айвазовский был инициатором многих преобразований в городе, создал «киммерийскую» школу живописи, способствовал установлению памятников и фонтанов, которые украшают улицы, парки и скверы города и сегодня. Таким образом, Айвазовский создал семиотический текст культурного пространства города Феодосии.

Археологические раскопки античной Феодосии, устройство в городе галереи и публичной библиотеки, возведение Музея древностей на горе Митридат, строительство концертного зала, заботы о городских храмах, для которых были написаны картины на библейские темы, – всё это плоды деятельности художника Ивана Константиновича Айвазовского, которые определяют его вклад в культурно-историческое наследие города.

Созданный Айвазовским образ города воплощает особенности семиотического текста и отображается как в архитектурном облике Феодосии, так и в живописных полотнах художника. Его картины несут в себе признаки семиотического текста – важные аспекты культурно-исторического развития города.

Несомненно, семиотический текст Феодосии в значительной степени создавался жителями города и, в частности, под влиянием творческой и общественной деятельности И. К. Айвазовского в городе, где он родился и прожил почти всю свою жизнь.

Список литературы

1. Барсамов Н. С. Айвазовский в Крым / Н. С. Барсамов. – Симферополь: Крым, 1970. – 159 с.
2. Барсамов Н. С. 45 лет в галерее Айвазовского / Н. С. Барсамов. – Симферополь: Крым, 1971. – 265 с.
3. Галабутский Ю. Айвазовский: По личным воспоминаниям / Ю. Галабутский // Крымский альбом 2000. – Феодосия. – 2002. – Вып. 6. – С. 116.
4. Балашева В. С. Иван Константинович Айвазовский в 1878–1881 гг. // Русская старина. – СПб. – 1881. – Т. 31. – С. 422.
5. Катюшин Е. Феодосия. Каффа. Кефе. Исторический очерк / Е. Катюшин. – Феодосия: Издательский дом «Коктебель», 1998. – 256 с.
6. Коломийченко Ю. Дача Суворина / Ю. Коломийченко // Победа. – Феодосия. – 1985. – 22 августа.
7. Кривенко В. С. «...Встречи и знакомства с художниками» / В. С. Кривенко // РГАЛИ. Ф. 785. – Оп. 1. – Ед. хр. 1. – Л. 34–51.
8. Лендер Н. Феодосия и Айвазовский / Н. Лендер // Путешествия в Феодосию: Записки 1869–1904 гг. – Феодосия. – 2002. – С. 29–30.
9. Лосев Д. А. Отец города. Иван Айвазовский и Феодосия: история взаимоотношений / Д. А. Лосев // Третьяковская галерея. – 2017. – № 1 (54) [Электронный ресурс] / Д. А. Лосев – Режим доступа: <http://www.tg-m.ru/articles/1-2017-54/otets-goroda-ivan-ai-vazovskii-i-feodosiya-istoriya-vzaimootnoshenii> (Дата обращения: 15.03.2017).
10. Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб: Искусство-СПб, 2001. – 704 с.
11. Петрова Э. Б. Исторический и художественный альбом Тавриды Евгения де Вильнёва и Викентия Руссена / Э. Б. Петрова. – Симферополь, 2015. – 233 с.
12. Рудычева И. А., Скляренко В. М. Иван Айвазовский / И. А. Рудычева, В. М. Скляренко. – Харьков: Фолио, 2010. – 120 с.

13. Сергеева О. И. Памятники зодчества и ваения. Феодосия / Изд. 2-е. О.И. Сергеева. – Симферополь, 2010. – С. 148.
14. Тарасенко Н. Ф. Феодосия / Н.Ф. Тарасенко. – Симферополь: Таврия, 1978. – 112 с.
15. Трубнякова Т. С. «И в память обо мне...»: Из истории коллекции галереи / Т. С. Трубнякова // Крымский альбом. – Феодосия. – 1997. – Вып. 2. – С. 213–214.
16. Тункина И. В. Открытие Феодосии: Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей: 1771–1871 / И. В. Тункина. – Киев, 2011. – 240 с.
17. Туров А. В. Город у моря: Историко-краеведческое издание / А. В. Туров. – Симферополь: Салта, 2013. – 312 с.
18. Хачатрян Ш. Г. Айвазовский. Альбом / Ш. Г. Хачатрян. – М.: Советский художник, 1989. – 170 с.

Petrenko A.P. The Formation Of A Semiotic Text Of Feodosiya // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 3. – P. 134-143.

Feodosiya as part of the cultural landscape of the Crimean Peninsula and one of the oldest ancient cities in present is of interest to researchers, as the understanding of the semiotics of urban space occurred over many centuries, with the active involvement of famous artists and writers, architects and sculptors, scholars and thinkers. Semiotic text of this cultural space reflects the uniqueness of the geographical position of the area, the eventful history of the city associated with the life and work of many famous personalities, and features of the development of the city as a tourist and cultural center. In the article the problem of influence of Ivan Aivazovsky on the formation of the semiotic text of the architectural appearance of the city. In the context of solving this problem are analyzed some aspects of the historical and cultural development of the city. Presents an overview of the main stages of life and creative work of Ivan Aivazovsky. Focuses on the public activities of the artist that has largely shaped the semiotic text of the city. The object of study is the architectural space of Feodosiya. The subject of this study, the processes of transformation of urban space Feodosiya related to the activities of I.K. Aivazovsky. Theoretical investigation of the appearance of the city is based on a semiotic approach, including diachronic, synchronic and biographical methods of analysis of the life of the individual marine painter in Feodosiya. The main result of the study is to identify the main factors in the formation and transformation of architectural space Feodosiya and defining the role of I.K. Aivazovsky in creating a semiotic text of the city. The future research in this direction is to determine the mechanisms of influence of such changes on urban culture Feodosiya and other cultural landscapes of the Crimea.

Key words: space, urban, architectural appearance, semiotics, text, Aivazovsky, Feodosiya.

References

1. Barsamov N.S. Ajvazovskij v Krymu [Aivazovsky in Crimea]. Simferopol, Crimea, 1970, 159 p.
2. Barsamov N.S. 45 let v galeree Ajvazovskogo [45 years in the Aivazovsky art gallery]. Simferopol, Crimea, 1971, 265 p.
3. Galabutskij Y. Ajvazovskij: Po lichnym vospominaniyam [Aivazovsky: On personal memories]. Krymskij al'bom 2000. [Crimean album 2000]. Feodosiya, 2002, Vol. 6, P. 116.
4. Ivan Konstantinovich Ajvazovskij v 1878-1881 gg. [Ivan Konstantinovich Aivazovsky in 1878-1881]. Russkaya starina. [Russian olden time]. – SPb., 1881, T. 31, P. 422.
5. Katyushin E. Feodosiya. Kaffa. Kefe. Istoricheskij ocherk [Feodosiya. Kaffa. Kefe. The historical background]. Feodosiya, Publishing house "Koktebel", 1998, 256 p.
6. Kolomijchenko Y.U. Dacha Suvorina [Suvorina Country]. Pobeda. [Victory]. Feodosiya, 1985, August 22.
7. Krivenko V.S. "...Vstrechi i znakomstva s hudozhnikami" ["...Meeting with artists"]. RGALI, F. 785, Op. Ed. hr. 1, L. 34-51.
8. Lender N. Feodosiya i Ajvazovskij [Feodosiya and Aivazovsky]. Puteshestviya v Feodosiyu: Zapiski 1869-1904 gg. [Travel to Feodosiya: Notes 1869-1904]. Feodosiya, 2002, P. 29-30.
9. Losev D.A. Otec goroda. Ivan Ajvazovskij i Feodosiya: istoriya vzaimootnoshenij [The father of the city. Ivan Aivazovsky and Feodosiya, history of relations]. Tret'yakovskaya galereya [The Tretyakov gallery].

- 2017, № 1 (54). Available at: <http://www.tg-m.ru/articles/1-2017-54/otets-goroda-ivan-aivazovskii-i-feodosiya-istoriya-vzaimootnoshenii> (Accessed: 15 March 2017).
10. Lotman Y.M. Semiosfera. [Universe of the mind]. SPb, Art-SPB, 2001, 704 p.
 11. Petrova E.B. Istoricheskiy i hudozhestvennyy al'bom Tavridy Evgeniya de Vil'nyova i Vikentiya Russena [The Historical and artistic album Tauris, Eugenie de Villeneuve and Vincent Russina]. Simferopol, 2015, 233 p.
 12. Rudycheva I.A., Sklyarenko V.M. Ivan Ajvazovskij [Ivan Aivazovsky]. Kharkiv, Folio, 2010, 120 p.
 13. Sergeeva O.I. Pamyatniki zodchestva i vayaniya. Feodosiya [Monuments of architecture and sculpture. Feodosiya]. Simferopol, 2010, P. 148.
 14. Tarasenko N.F. Feodosiya [Feodosiya]. Simferopol, Tavria, 1978, 112 p.
 15. Trubnyakova T.S. "I v pamyat' obo mne...": Iz istorii kollekcii galerei ["In memory of me...": From the history of the collection gallery]. Krymskiy al'bom. [Crimean album]. Feodosiya, 1997, Vol. 2, P. 213-214.
 16. Tunkina I.V. Otkrytie Feodosii: Stranicy arheologicheskogo izucheniya Yugo-vostochnogo Kryma i nachal'nye ehtapy istorii Feodosijskogo muzeya drevnostej: 1771-1871 [Opening Feodosiya: Page archaeological study of South-Eastern Crimea and the initial stages of the history of the Feodosia Museum of antiquities: 1771-1871]. Kyiv, 2011, 240 p.
 17. Turov A.V. Gorod u morya: Istoriko-kraevedcheskoe izdanie [The City by the sea: local history edition]. Simferopol, Salta, 2013, 312 p.
 18. Hachatryan SH.G. Ajvazovskij. Al'bom [Aivazovsky. Album]. Moscow, Soviet artist, 1989, 170 p.

УДК 1:3 + 177.5

ОБРАЗ «ГЕРОИЧЕСКОГО» В ЦЕННОСТНОМ ФОРМИРОВАНИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭЛИТЫ

Миронов А. В.

*Гуманитарно-педагогический институт Севастопольского государственного университета,
г. Севастополь, Российская Федерация.*

E-mail: andreymironov@gmail.com

В статье рассматривается аксиологический механизм формирования убеждений революционной элиты. Анализ художественных произведений позволяет выделить основные ценностные положения в контексте исторических перемен в России в конце XIX – начале XX веков. Образ «героического» представляется как фундаментальный принцип революционного мировоззрения, раскрывающий отношения между личностью и государством. Корпоративное сознание оппозиционной среды определяет набор литературных произведений, герои которых воспринимаются как эталон для поведенческого подражания. Направленность личностной реализации совпадает с духовными принципами, представленными в популярной на тот момент литературе, и формирует критерии «героического» в общественном сознании. Акцент делается на специфике ценностной ориентации в революционной среде.

Ключевые слова: ценности, революционная элита, героическое, гражданское противостояние, литературные образы, нигилизм.

Октябрьские события 1917 года, изменившие ход мировой истории, предоставляют возможность увидеть прошлое в настоящем, соотнести политические, социальные, экономические трансформации, происходившие в России сто лет назад, и актуальные проблемы на сегодня. Внутренние сложности развития российского общества и усиливающиеся внешние вызовы XXI века активизируют борьбу элит за право определять векторы дальнейшего государственного и общественного движения. Важной составляющей этого процесса является ценностная ориентация, присущая различным политическим группам, в зависимости от которой формируется характер конфликта, мотивация участников, допустимые средства в достижении поставленных целей. В понимании ее истоков, генезиса становления, обстоятельств, оказавших влияние на формирование ценностных моделей поведения, существенную помощь оказывает исследование аксиологического механизма формирования революционной элиты в России в конце XIX века – начале XX столетия. Опираясь на исторические аналогии, в современном обществе можно прогнозировать возможные результаты социального противостояния, искать компромиссы, смягчать негативные последствия. Правильно выбранная интерпретация аксиологических образов в их

взаимосвязи с исторической реальностью позволяет обоснованно предполагать направленность социального процесса, отвечающего настроениям, сложившимся в определенных группах, претендующих на политическую власть. Выделение основополагающих принципов отношения к государству, социуму, отдельной личности, собственной жизни раскрывает мировоззренческую сущность сообщества и его лидеров, призывающих к кардинальной трансформации общественной системы. В статье используется метод историко-сравнительного анализа, позволяющий проследить особенности изменения ценностных ориентиров в социальных сообществах. Материалом исследования являются произведения художественной и мемуарной литературы, отражающие эмоциональное восприятие российской действительности в конце XIX – начале XX веков, представляющие набор значимых образов, оказавших воздействие на становление мировоззренческих принципов будущих революционеров. Акцент делается на литературные произведения, популярные в среде просвещенной интеллигенции, выходящие из которой составляли подавляющее большинство политических партий, принявших активное участие в революционных событиях 1917 года и последующей гражданской войне. Под понятием «революционные элиты» здесь подразумевается группа людей, претендующих на политическое руководство путем фундаментального реформирования государственной системы, мотивируемая к действию в соответствии с новыми представлениями об общественной справедливости, о роли гражданина в социуме, о распределении материальных благ. Группа позиционирует себя в качестве обладающей абсолютным знанием об истинном переустройстве общества.

Данные положения должны были изменить отношение человека к собственности, религиозным убеждениям, семье, общественному долгу и тем самым сформировать качественно иную социальную общность. В этом контексте меняется понимание предназначения собственной жизни, ее целей и возможностей, как следствие, меняется восприятие ценности другого, его права на существование. На переломе веков в России сложилось целое поколение, допускавшее физическое насилие по отношению к соотечественникам в качестве средства достижения новых социальных идеалов, что свидетельствует о появлении ценностной альтернативы традиционным представлениям о нерушимости человеческого бытия. Русская литература отражала становление мировоззренческих позиций различных социальных групп. Содержание сюжетов, художественных образов, идейных установок отвечало актуальной общественной проблематике и формировало тенденцию личностной коммуникации, основой которой являлась общая модель мировосприятия. Эмоциональные переживания, вызванные прочитанным, определяли отношение человека к самому себе, другому, религии, государству, побуждали к гражданской деятельности, актуализировали новые поведенческие эталоны. Образ «героического», широко представленный в литературе того времени, раскрывал принципы патриотизма, служения, самопожертвования. В зависимости от его идейной наполненности варьировалась мотивация поступков, целевое предназначение жизни, мера ответственности перед сообществом.

Романтическая компонента идеализировала подвиг, соотнося его с благородством помыслов, возвышенностью личности. Общественное мнение под воздействием исторических факторов изменяло сферы приложения человеческой доблести. Привлекательность героики, популярность лиц, обладающих этим качеством, возможность проявить себя представляли потенциальную социальную опасность в тех случаях, когда в стремлении к этой героике утрачивались границы моральных предписаний, подменявшиеся политической целесообразностью. Многочисленные войны, в которых принимала участие Российская империя в первой половине XIX века (вооруженные конфликты с Францией, Ираном, Турцией, Швецией, с антиросийской коалицией в Крымской войне – за 60 лет Россия приняла участие более чем в десяти войнах), нашли свое отражение в художественной литературе и закрепили в сознании читающей публики феномен героического в его связи с военной службой и военным сословием. Дворянство, представлявшее правящую элиту, воспринимало ратную службу не только как социальный статус, но и наделяло носившего военный мундир офицера личной смелостью, мужеством. Начиная с «Капитанской дочки» А. С. Пушкина, где герои оставались верны присяге перед лицом смерти, романы об Отечественной войне 1812 года, Крымской компании 1854–1855 годов продолжали традицию «героического» (М. Н. Загоскин «Юрий Милославский, или Русские в 1812 году», Г. П. Данилевский «Сожженная Москва», Н. Дурова «Записки кавалерист-девицы», Н. Ф. Глинка «Записки о 1812» и т. д.). В общественном сознании закреплялся стандарт ценностного подражания литературным персонажам, в котором честь и исполнение долга неразрывно связаны с государем, престолом и Отечеством как единым понятием. Романтические сцены битв и сражений вытесняли образы жертв войны, трансформируя их в обезличенные фигуры внешних врагов, а готовность умереть за Родину являлась одним из фактов принадлежности к военному сословию. Молодое поколение воспринимало смерть в бою как естественный исход, присущий дворянину, находя его благородным завершением достойной жизни; поэтому вопрос самопожертвования и героизма целиком совпадал с предлагаемой официальной литературой схемой поведения. Эта традиция просуществовала до 1917 года и была востребована верноподданнической частью российского общества, получившей продолжение в гражданском противостоянии. Вторая половина XIX века в России ознаменовалась трансформацией внешних конфликтов во внутренние противоречия (империя за пятьдесят лет участвовала только в русско-турецкой войне), связанные с коренным переустройством общественной системы. Реформы Александра II в 1860-е и 1870-е гг. расширили личностные права, создали условия для индивидуальной реализации и предоставили образовательные возможности. Результатом реформ стало появление новой социальной группы – интеллигенции, свободной от прежних сословных обязанностей и предрассудков, ориентированной на демократическое переустройство государства. Прежние ценностные эталоны утратили свое значение, так как произошла кардинальная реконструкция общественного идеала в рамках вновь сформировавшегося социального сообщества. «В прошлом – далеком и недавнем – они видели только позор и не желали слышать

ни о какой преимственности с минувшим. В их системе ценностей существительное «прошлое» всегда сопровождалось прилагательным «позорное», былое представлялось только постыдным» [1, с. 194]. Чувство вины представителей интеллигенции обуславливалось дисбалансом материального, культурного и образовательного уровней между ними и основной массой населения. Принцип «вернуть долг народу» становится основной мотивацией поведения благородного гражданина (только при наличии данного порыва он может претендовать на этот статус), что совпадало с идейной наполненностью литературных произведений.

Ценностный каркас мировосприятия представителей общественного движения скрепляется новой «героикой», отождествляемой со служением обездоленным. В силу того, что атеизм являлся составляющей прогрессивного мировоззрения, отвергающего Священное Писание в качестве наставления к достойным поступкам, потребовался новый «учебник жизни». Таковым становится литература, принявшая на себя роль «коллективной совести», формирующей духовные устремления читателей. Ряд художественных произведений выступает в качестве критерия моральной порядочности – в зависимости от признания или отрицания читающей публикой их идейного содержания (Н. Г. Чернышевский «Что делать», Г. И. Успенский «Рассказы», А. Ф. Писемский «Взбаламученное море», Н. С. Лесков «На ножах»). Декларируемая в них потенциальная готовность героев к материальным лишениям, тяжелому труду, утрате свободы, сопротивлению государству и его представителям создавали предпосылки к нигилизму как форме отстаивания социальной справедливости, выбор которого становился закономерным итогом размышлений человека, решившегося посвятить себя борьбе за народное счастье.

В романе «Что делать?», ставшим отправной точкой для многих, ушедших в террор революционеров, героика раскрывается в противостоянии с косной обыденностью. Противостояние с консервативными стереотипами (окружающее общество аксиоматически признавалось консервативным) требовало проявления твердости в установлении гражданских принципов, изживании мещанского эгоизма, в моральном самосовершенствовании. Н. Г. Чернышевский предлагал новый тип отношений мужчины и женщины, хозяина и работника, детей и родителей. Несогласие с привычным укладом воспитывало повседневное мужество самоутверждения личности, так как в этот конфликт вовлекались родные, друзья, знакомые. В тексте прослеживается сознательная демаркация на «своих», ассоциирующихся с понятиями новаторства, прогресса, демократизма, и «чужих», выступающих защитниками ретроградства. Следствием этого процесса стало оформление качественно новой модели ценностей, в которой моральные нормы должны были получить политическое обоснование. Независимость взглядов, особенно в тех случаях, когда они носили эпатажный характер, проявлялась в неприятии традиционных нравственных установок, опиравшихся на христианские принципы, что рассматривалось обществом в качестве «героического» волеизъявления и заслуживало восхищения демократической публики. Герой рассматриваемого романа, «особенный человек» Рахметов, наделен качествами

аскетизма и ригоризма, которые станут со временем моральным фундаментом профессионального революционера. «Мы требуем для людей полного наслаждения жизнью, – мы должны своею жизнью свидетельствовать, что мы требуем этого не для удовлетворения своим личным страстям, не для себя лично, а для человека вообще, что мы говорим только по принципу, а не по пристрастию, по убеждению, а не по личной надобности» [2, с. 259]. Следуя этой логике, индивидуальное подчинялось коллективному, не оставляя возможностей для самостоятельного осмысления реальности и конструирования личной моральной позиции.

Институт земской деятельности, учрежденный государством, был воспринят образованной частью российского общества как способ служения народу. Он основывался на принципах подвижничества в форме социальной взаимопомощи между сословиями. Стремление к жертвенности во имя другого, исполнение профессионального долга, а также вера в просветительство как средство избавления от бедности и невежества трактовались как героический акт и становились неоспоримым доказательством гражданского мужества личности. «Мечтал об уездном городе – он находился в сорока верстах от меня. Мне очень хотелось убежать с моего пункта туда. Там было электричество, четыре врача, с ними можно было посоветоваться, во всяком случае, не так страшно. Но убежать не было никакой возможности, да и временами я и сам понимал, что это малодушие. Ведь для этого я учился на медицинском факультете» [3, С. 16]. Ценности милосердия, использование полученных знаний по прямому назначению – на помощь нуждающимся в них – сформировали традицию, свободную от политических принципов, основанную на уважении к личности, независимо от происхождения, уровня знаний, материального достатка. Они в максимальной мере были представлены в творчестве А. П. Чехова и на десятилетия стали неотъемлемой частью образа жизни русской интеллигенции, но не получили признания той ее части, которая отвергала эволюционный путь социального переустройства.

Особенной привлекательностью в молодежной среде пользовались исполнители приговоров «Народной воли», осуществлявшие насилие над царскими сановниками, жандармами, провокаторами. Студентам и ученикам старших классов гимназий они представлялись воплощением идеальных героев, «рыцарями» народного освобождения. Среди представителей радикального крыла встречались и те, кто совмещал террористическую деятельность с литературным творчеством. Романы С. М. Степняка-Кравчинского «Андрей Кожухов», «Домик на Волге» на долгие годы определили образ подлинного революционера и кодекс поведения того, кто решил посвятить себя борьбе с угнетателями. Преданность общему делу – качество, распространявшееся на все сферы жизнедеятельности, с помощью которого идентифицировались подлинные чувства индивида. Замкнутость коммуникационных контактов пределами своего круга возводила данную ценностную категорию в статус основного регулятора межличностных отношений, на ее основе устанавливались дружеские, любовные, семейные связи. Сосредоточенность на профессии, романтическая увлеченность, стремление к комфорту трактовались как отступничество, равносильное предательству,

отнимающему силы и энергию, принадлежащие общему делу. Преданность генерировала готовность к жертвенности и решимость достичь цели любыми средствами. «Нет, нам не дадут свободы в награду за примерное поведение. Мы должны бороться за нее всяким оружием. Если при этом нам придется страдать – тем лучше! Наши страдания будут новым оружием в наших руках. Пусть нас вешают, пусть нас расстреливают, пусть нас убивают в одиночных камерах! Чем больше нас будут мучить, тем больше будет расти число наших последователей» [4, с. 265]. Фанатичную убежденность революционера можно рассматривать как однолинейность развития, диктуемую убежденностью во враждебности социального мира, чему способствовал набор абстрактных схем (народ забит и невежествен, все чиновники – казнокрады и обскуранты, офицеры – тупые «солдафоны», нигилисты – «лучшие люди человечества»).

Однако революционер, свободно соглашаясь с таким убеждением, лишался права выбора и становился функцией соответствия партийной линии. Сомнения исключались логикой подпольной борьбы, в которой не оставалось места компромиссам. Член организации, поставивший под вопрос правомерность общих принципов, оказывался потенциальной угрозой единству партийного сообщества и его деятельности. Общая позиция порождала догматизм и нетерпимость к иному мнению, что возводилось в абсолютную ценность как доказательство максимальной готовности выполнить волю партии, которая во многих случаях не совпадала с общепринятыми моральными положениями. Жертвы террора не удостоивались сочувствием, его заслуживали за свои страдания только нигилисты. Данная установка приводила к двойственности нравственных стандартов, лишая «чужих» права определять и иметь моральные ценности. После событий 1 марта 1881 года правительству удалось справиться с террористической революционной волной. Деятельность образованной части общества перемещается в экономическую сферу, чему способствовала наступившая во времена правления Александра III социальная стабильность. Ограниченность самореализации индивида профессиональными рамками инициирует распространение атмосферы скуки и неудовлетворенности жизнью. Молодое поколение русской интеллигенции не имело возможности найти в повседневности ни прежних воодушевляющих идеалов, ни духовных горизонтов; его вероятностные коллизии замыкались между потенциальной чиновничьей службой и перспективой обогащения. Традиционные ценности отвергаются в силу наступившей моды на пресыщенность, утомленности жизнью, равнодушия к моральным проблемам и бытовому нигилизму. «Постепенно начиналась скептическая критика «значения личности в процессе творчества истории... Люди быстро умнели и, соглашаясь со Спенсером, что “из свинцовых инстинктов не выработаешь золотого поведения”, сосредотачивали силы и таланты свои на «самопознании», вопросах индивидуального бытия, быстро подвигаясь к принятию лозунга «Наше время – не время широких задач» [5, с. 45]. Индивидуалистические настроения способствовали появлению новых представлений о героях и «героическом», оторванных от коллективного ракурса общезначимых целей. Эмоциональные переживания, личностная свобода, нюансы отношений с

окружающим миром становятся основными темами литературного творчества. Экзистенциалы мыслящей личности (под ней подразумевался отстраненный от действительности индивид): одиночество, смерть, тоска и неверие модифицируют ценностную совокупность в асоциальную парадигму отношений с обществом. Позиционирование себя в статусе абсолютной самооценности получало продолжение в отрицании знаковых моральных положений (благоговение перед жизнью, уважение к собственности, значимость иного мнения). Декадентская литература, популярная в России на рубеже веков, культивировала ницшеанские максимы о сверхчеловеке, выбравшем путь имморализма и богоборчества. Такая трактовка предназначения личности представлялась как изысканность, нетривиальность развития. «Героическое» наполнялось новым содержанием отрицания, трансформируя смыслы его воплощения. Желание выделиться в молодежной среде приобретало характер патологического самовыражения от суицидальности до осознанного убийства. «То было время, когда любовь, чувства добрые и здоровые считались пошлостью и пережитком; никто не любил, но все жаждали и как отравленные, припадали ко всему острому, раздирающему внутренности... Разрушение считалось хорошим вкусом, неврастения – признаком утонченности! Этому учили модные писатели, возникшие в один сезон из небытия. Люди выдумывали себе пороки и извращения, лишь бы не прослыть пресными» [6, с. 9]. Подпольная деятельность, индивидуальный террор, участие в экспроприациях возводили революционера в статус избранного, наделяли ореолом таинственности и привлекательности. Риск, постоянные опасности, угроза казни или каторжного заключения повышали самооценку индивида и перестраивали его сознание. Самодостаточность этих факторов во многом вытесняла идеологическую подоплеку действий, оставляя формальную риторику. Ситуации, требующие пренебрежения жизнью – как своей, так и других, – освобождали от обычных моральных ограничений и, как следствие, предоставляли основания для выработки новых ценностных стереотипов. Героем становился тот, кто способен переступить через общепринятые пределы, этому учила модная литература, как ни странно, совпадавшая с идейной составляющей террористической деятельности (прежде всего социалистов-революционеров). Нацеленность революционной элиты на деструкцию государства и современной общественной системы оборачивалась деструкцией личности, принимавшей в этом участие. Труд, стремление к овладению знаниями, семейные привязанности, профессиональное совершенствование подчинялись абстрактным партийным истинам. Из «героического» удалялись патриотизм, социальное подвижничество, гуманистическое служение. Таким образом, милосердие, сострадание, помощь отдельному человеку оказывались вне ценностного каркаса революционеров, оперирующих исключительно категориями всеобщего. В модных произведениях насилие описывалось с особенной привлекательностью, волнующей чувства (М. Арцыбашев «Санин», Л. Андреев «Бездна»). Жесткий индивидуализм, проповедуемый в литературе, совпадал с тенденциями террористического направления у эсеров, анархистов, социал-демократов, выделявших данную деятельность в особую сферу, представленную

наиболее преданными и мужественными (с точки зрения партии) представителями движения. В партийных программах борьба с монархической властью представлялась как первоочередная задача, следовательно, насилие возрастало до самоценности, трансформируясь из абстрактных положений в конкретное его использование. Смелость, решительность, беспощадность по отношению к врагам (допуская случайные жертвы) – личностные качества, вытекающие из признания легитимным (по революционной логике) физического уничтожения оппонента как способа достижения народного счастья.

Пренебрежение человеческой жизнью входило в сознание революционных исполнителей как необходимость исторического момента, что получило продолжение в «красном терроре» во время гражданской войны. Данное ценностное отношение порождало чувство превосходства над остальными, позволяя ощущать себя вне досягаемости общественной морали. Решившийся на насилие совпадал с эталоном «героического», который тиражировался в виде мифов, легенд в оппозиционной среде и находил косвенное подтверждение в романных образах сверхчеловека. «Пусть террор. Пусть убийство. Пусть преступление. Пусть кровь. Если есть на земле правда, если в жизни не все неразумие и ложь, то призыв истины, тень справедливости в моей свободно избранной смерти». [7, с. 130].

Диссонанс общественного мнения и корпоративных принципов оппозиционной части российского социума оформил недоверие как качество, присущее героической личности, в котором раскрывается автономность существования, опирающаяся на незыблемость политических убеждений. Подозрительность ко всем не «своим» диктовалась выживанием революционного движения, постепенно переходя в стиль жизни. Закрытость не позволяла устанавливать свободную коммуникацию, она регулировалась партийными установками до готовности разорвать родственные, дружеские, любовные связи, руководствуясь партийными представлениями о должном, приобретала контекст героического. Преодоление эмоциональных привязанностей воспринималось как победа над личным и демонстрировало качества необыкновенного, освободившегося человека. Элитой революционных преобразований 1917 года и последующей гражданской войны являлась русская интеллигенция, которая осуществляла идейное руководство политическими процессами, направляла карательные органы, формировала новую мораль социалистического государства. Ее ценностное отношение было сформировано идейными принципами, представленными в русской литературе второй половины XIX века. Две тенденции в творчестве русских писателей столкнулись в ходе коренного переустройства общества: официозная – прославлявшая служение государству, царю и Отечеству, патриотическим традициям и национальному единству; оппозиционная – настроенная на разрушение государственной системы. Ценностные модели поведения революционной элиты сформировались под воздействием литературного художественного творчества, но кардинально различались в понимании «героического». Деструктивные черты революционного мировоззрения максимально проявились в неоправданной жестокости, беспощадности братоубийственных столкновений 1917–1921 годов и в дальнейшей истории государственного террора. Тысячи представителей

интеллигентского слоя, пройдя окопы Первой мировой войны, получили максимальные возможности для реализации культа революционного «героя». Творческие образы самых известных писателей – Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, обращенные к духовности человека, оказались невостребованными в гражданском противостоянии. Специфика обособления революционной среды от социума, создание субкультуры со своими стандартами, эталонами, ценностными моделями поведения породила основания потенциального раскола в обществе и глубочайшего конфликта между гражданами.

Список литературы

1. Экштут С. А. Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи великих реформ до Серебряного века / С. А. Экштут. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 428 с.
2. Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях / Н. Г. Чернышевский. – М.: Советская Россия, 1980. – 448 с.
3. Булгаков М. А. Избранные произведения. В 2 т. / М. А. Булгаков. – М.: Антиква, 1991. Т. 1. – 212 с.
4. Степняк-Кравчинский С. М. Сочинения. В 2 т. / С. М. Степняк-Кравчинский. – М.: Художественная литература, 1987. – Т. 2. – 464 с.
5. Горький М. Жизнь Клима Самгина / Максим Горький. – М.: Правда, 1988. –Т. 1. – 572 с.
6. Толстой А. Н. Хождение по мукам / А. Н. Толстой. – М.: Советская Россия, 1977. – 736 с.
7. Ропшин В. (Савинков Б). То, чего не было / В. Ропшин (Б. Савинков). – М.: Русская книга, 1992. – 526 с.

Mironov A.V. The Image Of The "Heroic" In The Value Formation Of The Revolutionary Elite // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 3. – P. 144-152.

Abstract: the article considers the axiological mechanism of formation of opinion of the revolutionary elite. Analysis of the literary work allows to highlight the main value of the situation in the context of historical changes in Russia in the late XIX – early XX centuries. The image of the "heroic" is presented as the fundamental principle of the revolutionary world Outlook, revealing the relationship between the individual and the state. Corporate opposition environment defines a set of literary works, the heroes of which are perceived as a model for behavioral emulation. The direction of personal realization coincides with the spiritual principles presented in the popular at that time, the literature and forms the criteria for "heroic" in the public consciousness. The emphasis is on the specifics of value orientations in the revolutionary environment.

Key words: values, the revolutionary elite, heroic, civil strife, literary images, nihilism.

References

1. Ekshtut S.A. Povsednevnyaya zhizn russkoy intelligentsyi ot epohi velikikh reform do Serebryanogo veka [Daily Life of the Russian Intelligentsia from the Era of the Great Reforms to the Silver Age]. Moscow, The young guard, 2012, 428 p.
2. Chernyshevskiy N.G. Chto delat? Iz rasskazov o novykh lyudyakh [What to Do? from Stories about New People]. Moscow, Soviet Russia, 1980, 448 p.
3. Bulgakov M.A. Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]. Moscow, Antiqua, 1991, Vol. 1. – 212 p.
4. Stepyak-Kravchinskiy S.M. Sochineniya [Works]. Moscow, Fiction, 1987, Vol. 2. – 464 p.
5. Gorkiy M. Zhizn Klima Samgina [the Life of Klim Samgin]. Moscow, Pravda, 1988, Vol.1. – 572 p.
6. Tolstoy A.N. Khozhdeniye po mukam [the Road to Calvary]. Moscow, Soviet Russia, 1977, 736p.
- Ropshin V.(Savinkov B.). To, chego ne bylo [What Was Not]. Moscow, Russian book, 1992, 526 p.

Сведения об авторах

Берестовская Д. С. – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: verynya.58@gmail.com.

Бражникова Я. Г. – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва. E-mail: ilyana77@yandex.ru.

Воеводин А. П. – доктор философских наук, профессор, г. Луганск. E-mail: voevodin.47@mail.ru.

Демешко Н. Э. – аспирант кафедры политических наук и международных отношений, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского. E-mail: natalidem93@mail.ru.

Ирхин А. А. – доктор политических наук, доцент, г. Севастополь, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», заведующий кафедрой исторических, философских и социальных наук. E-mail: alex.irhin@mail.ru.

Константинова А. П. – аспирант кафедры политических наук и международных отношений, г. Симферополь, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского. E-mail: alinadant@rambler.ru.

Коробкина Е. Н. – писатель, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь. E-mail: e_koro@mail.ru.

Коротченко Ю. М. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии социально-гуманитарного профиля, КФУ им. В. И. Вернадского, г. Симферополь. E-mail: yuliyakor03@gmail.com.

Крыштон Л. Э. – кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии ФГСН РУДН, Москва. E-mail: kryshton_le@rudn.university.

Лазарев Ф. В. – доктор философских наук, профессор Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: fellazarev@rambler.ru.

Люрья Н. А. – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии науки, г. Томск, Томский государственный педагогический университет. E-mail: luryana@mail.ru.

Миронов А. В. – доктор философских наук, профессор, доцент кафедры исторических, философских и социальных наук Гуманитарно-педагогического института Севастопольского государственного университета. E-mail: andreymironov@gmail.com.

Петренко А. П. – аспирант кафедры культурологии философского факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: petrenko.ap@mail.ru.

Рыскельдиева Л. Т. – доктор философских наук, профессор кафедры философии социально-гуманитарного профиля, КФУ им. В. И. Вернадского, г. Симферополь. E-mail: ryskeldieval@gmail.com.

Филимонов С. Б. – доктор исторических наук, профессор, г. Симферополь, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, заведующий кафедрой истории России. E-mail: filimonov.47@list.ru.

Шапиро О. А. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии социально-гуманитарного профиля, КФУ им. В. И. Вернадского, г. Симферополь. E-mail: shapiro.olha@gmail.com.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Воеводин А. П. Социальный закон.....	3
Лазарев Ф. В. Практическая философия в контексте XXI столетия.....	18
Шапиро О. А. Аргументация в публичной переписке: от журнальных статей к социальным сетям.....	30
Рыскельдиева Л. Т., Коротченко Ю. М., Шапиро О. А. Политические ток-шоу: цели, аргументация, смысл	42
Бражникова Я. Г. Общество вне языка: социальная утопия Р. Барта.....	53
Крыштоп Л. Э. Использование электронно-вычислительной техники в историко-философских исследованиях сегодня (на примере анализа кантовского понятия «постулат»).....	61
Люрья Н. А. Идеи С. И. Гессена о свободе и принуждении и современное образование.....	70

ПОЛИТОЛОГИЯ

Ирхин А. А. Внешнеполитическая стратегия Турции накануне и в период Второй мировой войны: модель не втягивания в мировой конфликт.....	77
Константинова А. П. Механизмы западной изоляции России: проблемы эволюции и периодизация.....	86
Демешко Н. Э. Политические технологии в формировании негативного имиджа России с использованием крымско-татарского фактора: ретроспектива и современное состояние.....	94

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Берестовская Д. С. Писатель С. Н. Сергеев-Ценский как «художник слова».....	106
Филимонов С. Б. Революция и социально-политические контексты краеведения в России (1917–1931 гг.).....	114
Коробкина Е. Н. Одиссея балканского хоротопа: коды матрицы сакрального пространства на стыке ойкумен.....	124
Петренко А. П. Формирование семиотического текста города Феодосии.....	134
Миронов А. В. Образ «героического» в ценностном формировании революционной элиты.....	144
Сведения об авторах	153
Содержание.....	155

About the Authors

Berestovskaya D. S. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University, Full Professor of the Department of Cultural. E-mail: verynya.58@gmail.com.

Brajnikova Y. G. – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Social Philosophy, Russian State University for the Humanities, Moscow. E-mail: ilyana77@yandex.ru

Voevodin A. P. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Lugansk. E-mail: voevodin.47@mail.ru.

Demeshko N. E. – Postgraduate at the Department of Political Sciences and Foreign Affairs, Simferopol, Crimean Federal V.I. Vernadskiy University. E-mail: natalidem93@mail.ru.

Irkhin A. A. – Doctor of Political Science, Associate Professor, Sevastopol, Federal State Independent Educational Institution of Higher Education Sevastopol State University, Chairman of the Department of «Historical, Philosophic and Social Studies». E-mail: alex.irhin@mail.ru.

Konstantinova A. P. – Postgraduate at the Department of Political Science and International Relations, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University. E-mail: alinadant@rambler.ru.

Korotchenko Y. M. – Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Philosophy of Social and Humanitarian profile, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol. E-mail: yuliyakor03@gmail.com.

Korobkina E. N. – Writer, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University, Simferopol, Russian Federation. E-mail: e_koro@mail.ru.

Kryshtop L. – CSc in Philosophy, Associate Professor, Department of History of Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: kryshtop_le@rudn.university.

Lazarev F.V. – Doctor of Philosophy, Professor V. I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: fellazarev@rambler.ru.

Lyurya N. A. – Doctor of Philosophical Sciences, Tomsk, Tomsk State Pedagogical University, Full Professor of the Department of History and Philosophy of science. E-mail: luryana@mail.ru.

Petrenko A. P. – Postgraduate Student of the Culturology Department of the Faculty of Philosophy, Taurida Academy of V. I. Vernadskiy Crimean Federal University. E-mail: petrenko.ap@mail.ru

Mirinov A.V. - Doctor of Philosophical Studies, professor, associate professor of the chair "Historical, Philosophical and Social Studies" of HPI of Sevastopol State University. E-mail: andreyvmironov@gmail.com

Ryskeldieva L. T. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Full Professor and Chair of the Department of Philosophy of Social and Humanitarian profile, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol. E-mail: ryskeldieval@gmail.com.

Filimonov S. B. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Head of the Department of Russian History. E-mail: filimonov.47@list.ru.

Shapiro O. A. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Philosophy of Social and Humanitarian profile, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol. E-mail: shapiro.olha@gmail.com.

CONTENT

PHILOSOPHY

Voevodin A. P. A Social Law	3
Lazarev F. V. Practical Philosophy in the Context of the XXI Century	18
Shapiro O. A. Argumentation in Public Correspondence: from Journal Articles to Social Networks	30
Ryskeldieva L. T., Korotchenko Y. M., Shapiro O. A. Political Talk-Show: Purposes, Argumentation and Sense	42
Brajnikova Y. G. Community Out of Language: the R. Barthes's Social Utopia.....	53
Kryshchtop L. E. Using of the Computer Technique in the Contemporary Studies in History of Philosophy (by the Example of Analysis of Kant's Postulate Notion).....	61
Lyurya N. A. The Ideas of S. I. Gessen on Freedom and Coercion, and Modern Education.....	70

POLITICAL SCIENCE

Irkhin A. A. The Foreign Policy Strategy of the Turkey Before and within the World War II: Model of Uninvolvement in the World Conflict.....	77
Konstantinova A. P. Mechanisms of Western Isolation of Russia: Problems of Evolution and Periodization	86
Demeshko N. E. Political Technologies Which Form of Formation Negative Image of Russia Using the Crimean Tatar Factor: Retrospective and Current State	94

CULTUROLOGY

Berestovskaya D. S. The Art Text in Literary and Critical Views of S.N. Sergeev-Tsensky	106
Filimonov S. B. The Revolution and Socio-Political Contexts of Localization in Russia (1917 - 1931).....	114
Korobkina E. N. Odyssey of the Balkan Chorotop: the Codes of the Matrix of the Sacred Space at the Junction of the Oikumen.....	124
Petrenko A. P. The Formation of a Semiotic Text of Feodosiya.....	134
Mironov A.V. The Image of the "Heroic" in the Value Formation of the Revolutionary Elite	144
About the Authors	153
Content	155